

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. – ученый секретарь Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Крымов А.А. – начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Тимофеев Ю.Ю. – начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. – заведующий кафедрой криминологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Поздняков В.М. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С.А. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. – начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гаврилов Б.Я. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Голодов П.В. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Бекбатыров Н.Ж. – начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Зубкова В.И. – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Кузьминых А.Л. – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Лапшин В.Ф. – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. – директор Северо-Западного института (филиала) Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Попова И.Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Спасенников Б.А. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. – директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. – начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 1 (21)

Вологда 2013

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 4

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Л.Л. КРУГЛИКОВ, В.Ф. ЛАПШИН

Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности 4

А.Г. АНТОНОВ

К вопросу о содержании и видах общественной опасности преступления 9

М.А. СОКОЛОВ

Теоретические и практические предпосылки криминологического изучения организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста . 12

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

С.Л. БАБАЯН

К вопросу о правовой природе института условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы 16

А.М. ПОТАПОВ, С.И. ПАКАНИЧ

Об особенностях обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в зарубежных странах в XVIII–XIX вв. 21

А.С. МИСЮРЕВ

Ретроспективный анализ развития поощрительных мер в отношении осужденных в пенитенциарной системе России. 24

Л.Л. ЕВСИЧЕВА

Правовая природа института передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве гражданства 29

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Н.В. МАШИНСКАЯ

Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе и проблема дифференциации процессуальной формы по делам несовершеннолетних 34

М.В. СИМАКОВ

Юридическая ответственность за правонарушения в земельной сфере 38

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . 42

А.М. ЧИРКОВ, В.Л. ЗУБАРЕВ

Роль пенитенциарной стрессологии в психологическом сопровождении сотрудников исправительных учреждений и осужденных 42

Ф.И. КЕВЛЯ

Структура и содержательное наполнение феномена «саморазвитие личности» в практико-ориентированном исследовании 49

О.Н. РАКИТСКАЯ, Н.О. МОРОЗОВА

Отношения в семье как фактор совершения преступлений насильственного характера 52

Г.Н. САУНИНА

Особенности физической подготовки курсантов высших образовательных учреждений ФСИН России в процессе занятий физической культурой с использованием психофизических практик 56

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ. 62

А.Н. ШИЧКОВ, А.М. ПЕРФИЛЬЕВ

Франчайзинг на региональном рынке образовательных услуг 62

А.О. ЗУБОВА

Сертификация как элемент повышения эффективности производственного сектора предприятий уголовно-исполнительной системы 70

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 73

А.Ю. КИНЁВ

Соотношение доктринальной и легальной дефиниций конкуренции 73

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 77

А.Л. КУЗЬМИНЫХ

Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц. 77

Н.Б. МЕЛЕШКО

Проверка и фильтрация «перемещенных лиц» на территории Украинской ССР в начальный период репатриации (сентябрь–декабрь 1944 г.) 84

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 88

М. ШМИД, Е.А. ОГРОХИНА

Виды наказаний и принудительных мер в уголовном законодательстве Швейцарии 88

Л.Г. БАНДОЛЯ

Индивидуально-профилактические мероприятия по предотвращению уклонения от отбывания наказания, не связанных с лишением свободы 94

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ. 98

А.М. РУДАКОВ

Информационный элемент реализации свободы совести и свободы вероисповедания как составляющая организации воспитательной работы с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы . . . 98

РЕЦЕНЗИИ 103

С.В. ПЕРОВ

Рецензия на методические рекомендации «Кадровое планирование в учреждениях уголовно-исполнительной системы», разработанные кандидатом юридических наук, доцентом П.В. Голодовым и кандидатом экономических наук, доцентом Л.Л. Малковой. . . 103

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ. 103

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 104

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	
L.L. KRUGLIKOV, V.F. LAPSHIN Features of the legal grounds for detention differentiation of criminal responsibility	4
A.G. ANTONOV To the question about the content and types of public crime danger	9
M.A. SOKOLOV Theoretical and practical implications of criminological study of organized crime entities early youth age	12
CRIMINAL EXECUTIVE LAW	
S.L. BABAYAN Concept and the legal nature of the institute of the Grant of Parole	16
A.M. POTAPOV, S.I. PAKANICH About the specifics of ensuring of personal safety of juvenile convicts in foreign countries in XVIII–XIX centuries	21
A.S. MISYURYOV Retrospective Development Analysis of incentive measures of Inmates in the Penal System of Russia.	24
L.L. EVSICHEVA Legal nature institute of the transfer of a person sentenced to imprisonment to serve sentence in the state of nationality	29
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY	
N.V. MASHINSKAYA The Juvenile concept in the criminal process and the problem of differentiation of procedural form of juvenile	34
M.V. SIMAKOV Legal responsibility for offenses in ground sphere	38
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	42
A.M. CHIRKOV, V.L. ZUBAREV The role of penal stressology in psychological support for the penal institutions' staff and the convicts.	42
F.I. KEVLYA Structure and content of the «Personal self-development» phenomenon in the practice-oriented research	49
O.N. RAKITSKAYA, N. MOROZOVA Relationships within the family as a factor for violent crimes.	52
G.N. SAUNINA Peculiarities of physical training of students of higher educational institutions of the Russian Federal Penal Service in the physical culture with the application of psychophysical methods	56
TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY	62
A.N. SHICHKOV, A.M. PERFILYEV Franchising at regional educational market.	62
A.O. ZUBOVA Certification as an element of efficiency improvement of manufacturing sector of the penal system.	70
DISCUSSION IS WELCOME	73
A.Y. KINEV The ratio of the doctrinal and legal definitions of competition.	73
HISTORY PAGES	77
A.L. KUZMINYKH International law and prisoners of war: the problem of legal protection prisoners of war and interned persons	77
N.B. MELESHKO Inspection and filtration of «displaced persons» on the territory of the Ukrainian SSR in the initial period of repatriation (september–december 1944).	84
FOREIGN EXPERIENCE	88
M. SCHMID, E.A. OGROKHINA The forms of punishment and enforcement measures in the criminal legislation of Switzerland.	88
L.G. BANDOLYA Individual preventive measures against evasion of serving non-custodial sanctions	94
OUR RESEARCHES	98
A.M. RUDAKOV Information element of implementation of conscience and religion freedom as a part of educational work organization with juveniles sentenced to imprisonment . . .	98
REVIEWS	103
S.V. PEROV Review of the guideline “Personnel planning in the penal system institutions” developed by PhD, Associate professor P.V. Golodov and PhD, Associate professor L.L. Malkova	103
NOVELTIES OF LITERATURE	103
INFOMATION ABOUT THE AUTORS	105

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности

Л.Л. КРУГЛИКОВ – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

В.Ф. ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются научные подходы к вопросу определения основания (оснований) дифференциации юридической и уголовной ответственности. Рассматривается правовое содержание общественной опасности преступления и его наказуемости. Кроме этого, на примере отдельных юридически значимых признаков составов преступлений раскрываются качественная и количественная составляющие общественной опасности деяния и предлагается авторский вариант определения оснований для дифференциации ответственности в уголовном праве.

Ключевые слова: дифференциация ответственности; общественная опасность; состав преступления; характер и степень общественной опасности; квалифицирующие и привилегирующие обстоятельства.

Features of the legal grounds for detention differentiation of criminal responsibility

L.L. KRUGLIKOV – Head of the Chair for Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State P.G. Demidov University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

V.F. LAPSHIN – Head of the Chair for Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

This paper analyzes the scientific approaches in determining the reason (s) differentiation of legal and criminal liability. Considered legal content of the social danger of the crime and it is punishable. In addition, the example of some legally relevant evidence of a crime is revealed qualitative and quantitative component of the social danger of the act and the author's version offers some grounds for differentiation of responsibility in criminal law.

Key words: differentiation of responsibility; public danger; the offense; the nature and degree of social danger; qualifying and privilege circumstances.

Дифференциация уголовной ответственности является одним из важнейших направлений уголовно-правовой политики России

в целом. Это обусловлено стремлением законодателя к максимальной реализации принципа справедливости при определе-

нии наказания либо иных мер уголовно-правового принуждения лицу, совершившему преступление. В идеале правовые последствия должны полностью соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния, а также обстоятельствам его совершения и личности виновного. Дифференциация уголовной ответственности является одним из немногих правовых инструментов, посредством которых достигается сбалансированное соотношение характера и степени общественной опасности совершенного преступления и избираемого наказания для лица, нарушившего предписание уголовного закона.

На фоне единодушного признания высокой значимости дифференциации уголовной ответственности мнения ученых-правоведов расходятся в вопросе определения содержания данной категории. Так, в науке уголовного права дифференциация уголовной ответственности рассматривается в качестве: 1) генерального направления уголовной политики¹; 2) принципа (целей и задач) уголовно-правовой политики²; 3) результата законодательной деятельности³.

Учитывая многогранность термина «дифференциация уголовной ответственности», мы полагаем возможным разделить мнение о ее рассмотрении в качестве генерального направления уголовной политики. Это толкование, на наш взгляд, включает в себя приведенные более узкие определения (принцип уголовно-правовой политики и результат законодательной деятельности).

В самом общем смысле дифференциация (лат. *differentia* – различие) представляет собой разделение, расчленение целого на составные части, элементы и т.п.⁴ Отсюда дифференциацией уголовной ответственности можно признать разделение ее форм и видов в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления.

К сожалению, в уголовно-правовой доктрине не наблюдается единства мнений и по вопросу об основаниях дифференциации ответственности. Так, одни ученые полагают, что таковыми служат обстоятельства дела⁵. Другие определяют основание, напротив, весьма узко, сводя его к общественной опасности преступления⁶. Конкретизируя этот подход, некоторые ученые усматривают основание в степени общественной опасности деяния, связанной с ее существенным изменением⁷. Шире трактует основания дифференциации другая группа юристов, относя к таковым общественную опасность содеянного и лица, его совер-

шившего⁸. Некоторые ученые включают в содержание этого понятия помимо общественной опасности преступления (точнее, характера и степени общественной опасности посягательства) также личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства⁹, а другие считают дополнительно основаниями дифференциации особенности личности преступника и формы вины¹⁰. Есть мнение, что основаниями (критериями) дифференциации уголовной ответственности служат, во-первых, характер общественной опасности преступного деяния, во-вторых, степень опасности последнего, в-третьих, форма вины в виде умысла или неосторожности¹¹. П.В. Коробов вначале основаниями дифференциации признавал характер и степень общественной опасности преступления, личность и степень общественной опасности виновного, позднее – характер и степень общественной опасности преступления и степень общественной опасности личности преступника, то есть видовую общественную опасность и преступного деяния, и его деятеля, а еще позднее – типовую общественную опасность преступления и типовую общественную опасность виновного¹². Близкую к последней из представленных позицию занимают юристы, полагающие правильным считать основанием дифференциации типовую (неиндивидуальную) степень опасности деяния и личности виновного, выраженную в пределах санкций уголовно-правовых норм¹³. Небезынтересна точка зрения Т.А. Лесниевски-Костаревой, которая ранее склонна была относить к основаниям дифференциации характер и типовую степень общественной опасности преступления и личности виновного, но затем указание на первое исключила по тем мотивам, что «характер общественной опасности служит основанием установления уголовной ответственности»¹⁴.

Однако достаточно вспомнить о таком виде дифференциации ответственности по вертикали, как межотраслевая, чтобы усомниться в правильности удаления из круга оснований характера общественной опасности. Не рассеивается это сомнение, если даже принять во внимание, что упомянутый исследователь говорит о дифференциации уголовной, а не юридической ответственности в целом за преступление.

Действительно, если считать, что в основе разграничения преступления и иного правонарушения лежит характер вредоносности деяния, то, казалось бы, очевиден тот

вывод, что одно преступление отличается от другого уже не по характеру, а по типовой степени общественной опасности, ибо один и тот же критерий не может лежать в основе разграничения преступного деяния и не преступного, а равно преступных деяний между собой.

Между тем типология преступлений выстраивается законодателем в зависимости их от характера и степени общественной опасности (ч. 1 ст. 15 УК РФ). При назначении наказания по уголовному делу также учитываются и характер, и степень общественной опасности преступления (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Происходит своего рода удвоение характера общественной опасности, вредоносности, усиление его роли: законодатель отличает и преступное от не преступного, и один вид преступления от другого. Эта дуальность термина «характер» и порождает разноту в теории уголовного права.

По нашему мнению, группируя деяния в рамках Особенной части, располагая их в определенной последовательности, законодатель преследует цель не просто упорядочить нормативный материал, но и осуществить в пределах возможного дифференциацию ответственности. Это касается конструирования отдельных разделов, глав, вычленения в пределах каждой главы конкретных групп преступлений и далее расположения составов преступлений одной классификационной группы относительно друг друга¹⁵.

Итак, основой дифференциации уголовной ответственности являются характер и типовая степень общественной опасности преступления. Заметное место принадлежит и типовым характеристикам личности виновного. Но что такое характер и типовая степень опасности? В уголовном законодательстве соответствующая дефиниция отсутствует, более того, обозначение «типовая степень» вовсе не используется.

Под характером общественной опасности понимают качественную определенность преступного деяния. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было названо три критерия определения характера опасности деяния: 1) объект посяательства, 2) форма вины и 3) категория преступления¹⁶.

Предложенный пленумом вариант не отличается совершенством. Во-первых, видов объекта множество – и по вертикали, и по горизонтали. Ведь касаясь признаков субъективной стороны, пленум упоминает только о ее центральной составляющей

– форме вины. Думается, видом объекта, обязательным для каждого состава преступления, безусловно, выступает основной объект, под которым понимается то общественное отношение, тот интерес, ради охраны которого создавалась соответствующая уголовно-правовая норма (например, жизнь – в составе убийства, отношения собственности – в составе разбоя). Этот объект всегда, во всех без исключения случаях совершения преступления нарушается, или же возникает реальная опасность его нарушения. Дополнительным объектом считается то общественное отношение (тот интерес), которое неизбежно ставится в опасность причинения вреда при посятельстве на основной объект, и потому, в принципе заслуживая самостоятельной уголовно-правовой охраны, защищается соответствующей нормой попутно (например, жизнь или здоровье человека при разбое). Получается, этот вид объекта также при наличии в составе преступления сказывается на характере общественной опасности деяния.

Не вызывает сомнения значимость и второго критерия – формы вины. Сложнее определиться с ролью категорий преступлений. Согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ, предусмотренные кодексом деяния приобретают статус принадлежности к той или иной категории «в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния» (следовательно, категория преступления зависит не только от характера, но и от степени общественной опасности посяательства). По нашему мнению, пленум следовало указать, что характер опасности преступления зависит от установленных законом основного и дополнительного объекта посяательства, вины в форме умысла или неосторожности, вида деяния и других признаков основного состава преступления самих по себе.

На характере общественной опасности сказываются и определенные признаки субъекта преступления. Например, субъектом незаконного получения кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) признаются или индивидуальный предприниматель, или руководитель организации. Правовой статус указанных лиц – хозяйствующие субъекты, наделенные правом осуществления предпринимательской деятельности, – рассматривается в качестве конструктивного (обязательного для установления в процессе квалификации) признака состава преступления и определяет характер общественной опасности

последнего. В то же время совершение аналогичных действий гражданином, не имеющим статуса хозяйствующего субъекта, не признается уголовно наказуемым деянием в силу отсутствия должной общественной опасности. Преступление, предусмотренное ч. 2 указанной статьи, не содержит указания на обязательность установления статуса лица, совершающего уголовно наказуемое деяние. Буквальное толкование нормы позволяет признать общим субъект состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ. Однако тяжесть общественной опасности деяния по сравнению с преступлением, предусмотренным ч. 1, компенсируется спецификой предмета преступления: денежные средства и иные материальные ценности, полученные в качестве государственного целевого кредита.

В конкретном составе преступления ту же функцию могут выполнять и иные признаки: характеризующие мотив и цель совершения преступления, способ, признаки потерпевшего, предмета преступления, орудий и средств, места совершения преступления и т.д. При альтернативных признаках характер общественной опасности деяния наличествует хотя бы при одном конститутивном признаке, указанном альтернативно. Например, значительный перечень деяний, характеризующихся как неправомерные действия при банкротстве, предусмотрен ч. 1 ст. 195 УК РФ. Совершение хотя бы одного из перечисленных действий при наличии иных юридически значимых признаков: ущерб, форма вины и т.д. – признается уголовно наказуемым поведением, в том числе и в связи с присутствием общественной опасности, характерной и достаточной для преступления.

Степень общественной опасности преступления – количественная характеристика содеянного. Пленум Верховного Суда РФ указал: «При определении степени общественной опасности совершенного преступления следует исходить из совокупности всех обстоятельств, при которых

было совершено конкретное преступное деяние»¹⁷.

Но очевидно, что здесь речь идет об индивидуальной степени общественной опасности содеянного. Неиндивидуальная (типовая) степень определяется количеством альтернативных признаков основного состава, их содержанием (наиболее типичными их свойствами), наличием квалифицирующих или привилегирующих обстоятельств и т.п. Например, убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) имеет единый (общий) характер опасности, присущий всем видам убийств. В то же время типовая степень рассматриваемого вида посягательства различна даже в пределах одного этого вида. Так, свою типовую пониженную степень опасности в силу ряда обстоятельств, прежде всего ввиду присутствия привилегирующего обстоятельства – состояния аффекта, имеет деяние, предусмотренное ч. 1 статьи. Напротив, типовую повышенную (по сравнению с представленной в ч. 1) степень имеет деяние, описанное в ч. 2 той же статьи, ввиду наличия квалифицирующего признака – убийства двух или более лиц. В данном примере типовая степень определяется дополнительными (привилегирующими, квалифицирующими) признаками.

Таким образом, в основе дифференциации уголовной ответственности лежит характер общественной опасности запрещенного уголовным законом деяния. Именно по этому принципу законодатель выстраивает структуру Особенной части. При группировании уголовно-правовых норм, которые предусматривают ответственность за преступления, имеющие схожие родовые признаки, внутри главы УК РФ законодатель учитывает не только характер, но и степень общественной опасности деяния. В этом случае результатом осуществления дифференциации становятся уголовно-правовые нормы, предусматривающие основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ковалев М.И. Соотношение уголовной политики и уголовного права // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 67; Кругликов Л.Л. Вопросы дифференциации ответственности в уголовном законодательстве // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. Ярославль, 1992. С. 58.

² См.: Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 77.

¹ См.: Kovalev M.I. Sootnoshenie ugovolnoj politiki i ugovolnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 12. S. 67; Kruglikov L.L. Voprosy differenciacii otvetstvennosti v ugovolnom zakonodatel'stve // Realizacija principa spravedlivosti v pravoprimenitel'noj dejatel'nosti organov ugovolnoj justicii. Jaroslavl', 1992. S. 58.

² См.: Kurljandskij V.I. Ugolovnaja politika, differenciacija i individualizacija ugovolnoj otvetstvennosti // Osnovnye napravlenija bor'by s prestupnost'ju. M., 1975. S. 77.

³ См.: Василевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 9.

⁴ См.: Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 262.

⁵ См.: Поройко М.С. К вопросу о понятии уголовной ответственности и средствах ее дифференциации // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1998. С. 62.

⁶ См.: Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания. СПб., 1992. С. 373.

⁷ См.: Васильев Н.В. Принципы советского уголовного права. М., 1983. С. 42–43.

⁸ См.: Минская В. Дифференциация ответственности в УК РФ // Уголовное право. 1998. № 3. С. 18.

⁹ См.: Мельникова Ю.Б. Юридическая ответственность: сущность, понятие, дифференциация // Дифференциация уголовной ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994. С. 12.

¹⁰ См.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 91.

¹¹ См.: Ширшов А.А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 26.

¹² См.: Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 10; Он же. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 10.

¹³ См.: Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 17.

¹⁴ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 56.

¹⁵ Сходную позицию по данному вопросу занимал Э.С. Тенчов (см.: Тенчов Э.С. О дифференциации ответственности за посягательства против собственности // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. С. 154).

¹⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания». П. 1 // Российская газета. 1999. 7 июля.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.06.1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.01.2013 г.).

³ Sm.: Vasilevskij A.V. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti i nakazanija v Obshej chasti ugovolnogo prava: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2000. S. 9.

⁴ Sm.: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Sost. S.A. Kuznecov. SPb., 1998. S. 262.

⁵ Sm.: Porojko M.S. K voprosu o ponjatii ugovolnoj odgovornosti i sredstvah ee differenciacii // Juridicheskaja tehnika i voprosy differenciacii odgovornosti v ugovolnom prave i processe. Jaroslavl', 1998. S. 62.

⁶ Sm.: Ugovolnoe pravo na sovremennom etape: problemy prestuplenija i nakazanija. SPb., 1992. S. 373.

⁷ Sm.: Vasil'ev N.V. Principy sovetskogo ugovolnogo prava. M., 1983. S. 42–43.

⁸ Sm.: Minskaja V. Differenciacija odgovornosti v UK RF // Ugovolnoe pravo. 1998. № 3. S. 18.

⁹ Sm.: Mel'nikova Ju.B. Juridicheskaja odgovornost': sushnost', ponjatie, differenciacija // Differenciacija ugovolnoj odgovornosti v ugovolnom prave i processe. Jaroslavl', 1994. S. 12.

¹⁰ Sm.: Korobeev A.I., Uss A.V., Golik Ju.V. Ugovolno-pravovaja politika: tendencii i perspektivy. Krasnojarsk, 1991. S. 91.

¹¹ Sm.: Shirshov A.A. Ugovolnaja odgovornost': problemy ponjatija i differenciacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Vladivostok, 2004. S. 26.

¹² Sm.: Korobov P.V. Ponjatie differenciacii ugovolnoj odgovornosti // Differenciacija formy i sodержanija v ugovolnom sudoproizvodstve. Jaroslavl', 1995. S. 10; On zhe. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti i klassifikacija ugovolno nakazuemyh dejanij: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1983. S. 10.

¹³ Sm.: Sobolev V.V. Osnovanie i differenciacija odgovornosti souchastnikov prestuplenija: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2000. S. 17.

¹⁴ Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovolnoj odgovornosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika. M., 2000. S. 56.

¹⁵ Shodnuju poziciju po dannomu voprosu zanimal Je.S. Tenchov (sm.: Tenchov Je.S. O differenciacii odgovornosti za posjagatel'stva protiv sobstvennosti // Differenciacija odgovornosti v ugovolnom prave i processe. S. 154).

¹⁶ Sm.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11.06.1999 g. № 40 «O praktike naznachenija sudami ugovolnogo nakazanija». P. 1 // Rossijskaja gazeta. 1999. 7 ijulja.

¹⁷ Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 29.06.1979 g. № 3 «O praktike primenenija sudami obshhijh nachal naznachenija nakazanija» // Spravochno-pravovaja sistema «Konsul'tantPljus» (data obrashhenija: 12.01.2013 g.).

К вопросу о содержании и видах общественной опасности преступления

А.Г. АНТОНОВ – заместитель начальника Кузбасского института ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается содержание категории «общественная опасность преступления». На основании анализа данного понятия, в том числе в результате сопоставления различных точек зрения, автор формирует собственное представление о видах общественной опасности. Исследуются различные формы общественной опасности, а также такие ее виды, как общая, прецедентная, специальная и др.

Ключевые слова: общественная опасность; преступление; виды; вред; угроза.

To the question about the content and types of public crime danger

A.G. ANTONOV – PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head for Science of the Federal State Institution of Higher Professional Education «Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia»

The article analyzes the content of the category «social danger of the crime.» Based on the analysis of the concept, including the analysis of different points of view, the author reflects his own view on the types of public danger. The author reviews and compares different forms of social danger, as well as those of its species as common, case law, and other special.

Key words: public danger; a crime; types; harm; threat.

Общественная опасность преступления является ключевой категорией уголовного права. Именно она лежит в основе решения законодателя о признании того или иного деяния преступным и, соответственно, о включении его в УК РФ. При этом объективная оценка общественной опасности деяния важна не только с законодательной точки зрения: от правильности установления данной категории зависит и эффективность правоприменительной практики. Однако в литературе и законотворческой сфере сегодня, как и ранее, нет единства мнений относительно содержания общественной опасности преступления, что способно негативно сказаться на применении уголовного закона. Данное обстоятельство обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований в соответствующей области.

Как известно, общественная опасность преступления проявляется в двух формах: реальном причинении вреда и возникновении реальной угрозы его причинения¹. Так, В.Д. Филимонов вполне логично рассматривает преступление «не только как уже произошедшее нарушение общественных отношений, но и как источник опасности, грозящей охраняемому уголовным правом

объекту, опасности, реализацию которой во многих случаях еще можно предотвратить»².

Тем самым при совершении преступления его общественная опасность реализуется относительно нарушенных общественных отношений, которым причинен вред или создана угроза его причинения. При этом она продолжает развиваться относительно аналогичных нарушенных общественных отношений и относительно всех общественных отношений, входящих в сферу уголовно-правовой охраны.

Таким образом, преступление в случае его совершения не только общественно опасно, но и общественно вредно. Вред следует рассматривать как результат реализации общественной опасности преступления относительно нарушенных общественных отношений. Опасность же остается таковой применительно к ненарушенным общественным отношениям.

Очевидно, поэтому категория вреда отличается от категории опасности. Вред – это явление, состоявшееся в сущности, а опасность – вероятность наступления вреда в будущем. Опасность – однопорядковое понятие категории «угроза». Угроза причинения вреда общественным отношениям является не только результатом реализации общественной опасности преступления, но и ее частным

проявлением. Следовательно, данную категорию необходимо рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае имеет место угроза причинения вреда конкретным ненарушенным общественным отношениям как последствие преступления и вред нарушенным общественным отношениям. Во втором случае можно констатировать наличие угрозы всем или аналогичным общественным отношениям в случае нарушения уголовно-правового запрета. Опасность применительно к аналогичным нарушенным общественным отношениям наступает при совершении преступления, до этого она сохраняется для всех общественных отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной.

Общественная опасность преступления в широком смысле слова состоит:

1. В угрозе (вероятности) повторения конкретного преступления (его прецедентности) или любого другого преступления. Поэтому преступление не только причиняет конкретный вред (например, здоровью потерпевшего) – оно еще и общественно опасно. Если же исходить только из состоявшегося вреда конкретным общественным отношениям, то останутся непонятными основания наказуемости некоторых преступлений (например, предусмотренных ст. 222 УК РФ). Опасность заключается и в том, что преступление представляет собой элемент негативной социальной практики, имеющий прецедентный характер, в том, что общество способно воспринять его как возможный вариант поведения в случае, если государство не даст ему отрицательной оценки (П.А. Фефелов)³.

2. В угрозе совершения дополнительно, смежного преступления. Общественная опасность одних преступлений заключается лишь в возможности повторения аналогичных деяний другими людьми (например, кражи). Другие преступления предполагают второй уровень опасности, заключаая в себе возможность развития цепочки событий, которая может повлечь не только повторение преступления, но и совершение нового преступления как результат продолжения начатой преступной деятельности, причем второе может быть гораздо более тяжким, нежели первое. Прибегнув к технической терминологии, условно отнесем такие противоправные деяния к преступлениям кумулятивной опасности. С одной стороны, они опасны тем, что как элемент социальной практики могут быть повторены, с другой – тем, что имманентно содержат опасность совершения иного, более тяжкого преступления. К примеру, при незаконном ношении огнестрельного оружия первая опасность состоит в том, что окружающие видят,

что его можно носить, а вторая – в том, что виновный может это оружие применить.

Исходя из изложенного можно выделить виды общественной опасности преступления.

Если преступление не совершено, то в рамках решения задач общего предупреждения преступлений и уголовно-правовой охраны следует говорить об общей и прецедентной опасности преступления относительно всех общественных отношений, находящихся под уголовно-правовой охраной.

Если преступление уже совершено, то в рамках негативной уголовной ответственности, частного предупреждения преступлений и уголовно-правовой защиты сохраняется общая и прецедентная опасность, но добавляется тот или иной вид специальной опасности относительно конкретных общественных отношений – простой или кумулятивной.

Общая общественная опасность преступления существует в отношении всех объектов уголовно-правовой охраны. Она соотносится с уголовно-правовой охраной и общим предупреждением преступлений, при этом обуславливаясь позитивной уголовной ответственностью и соответствующим уголовным правоотношением. Она есть независимо от того, совершено преступление или нет. Если преступление совершено, то она продолжает существовать относительно прочих, ненарушенных общественных отношений. Совершение отдельных преступлений не может вызвать ее исчерпывающую реализацию. Если преступление не совершено, то такой вид общественной опасности обуславливается наличием уголовного закона и ценностью всех объектов уголовно-правовой охраны, которые с различной степенью вероятности могут быть нарушены. Сам по себе уголовно-правовой запрет свидетельствует о существовании опасности для определенных общественных отношений. При этом данный вид опасности не отделим от прецедентной опасности.

Прецедентная общественная опасность при совершении преступления имеет место наряду с общей опасностью применительно к общественным отношениям, аналогично нарушенным. Она не касается общественных отношений, которым причинен вред.

Как было упомянуто, специальная общественная опасность может быть кумулятивной и простой.

Простая общественная опасность выражается в причинении вреда конкретным общественным отношениям, чем и исчерпывается. Она не угрожает каким-либо другим общественным отношениям. При этом данный вид общественной опасности существует наряду с двумя другими видами: общей и прецедент-

ной. Преступление дает толчок негативной социальной практике как совершение преступления. При совершении преступления складывается негативная социальная практика преступления как такового, так и совершения конкретного преступления, направленного на определенные общественные отношения.

Кумулятивная общественная опасность отличается сравнительно высокой концентрацией (потенциалом). Она выражается во вреде нарушенным общественным отношениям, представляющем собой угрозу причинения ущерба родственными общественными отношениями. Здесь имеет место и опасность для аналогичных нарушенных общественных отношений, то есть существует прецедентная общественная опасность. При этом негативный потенциал общественной опасности не исчерпывается до конца. Он направляется на другие общественные отношения, угроза причинения вреда которым создана. Так, при формировании банды причиняется вред общественным отношениям в сфере общественной безопасности и ставятся под угрозу отношения собственности, а также жизнь и здоровье граждан. Наряду с указанными видами опасности существуют также общая опасность преступления и простая.

Поясним используемый нами термин «кумулятивный». Как известно, кумулятивный эффект (от лат. *simulio* – собираю, накапливаю) – концентрация действия взрыва в одном направлении⁴. В юриспруденции соответствующее понятие может означать высокую концентрацию (накопление, потенциал) общественной опасности преступления, способную причинить вред и смежным общественным отношениям. Степень и характер вреда другим общественным отношениям зависит от потенциала опасности и характера исходного преступления.

В свою очередь рассматриваемую группу преступлений можно подразделить на преступления прямой, опосредованной и абстрактной кумулятивной опасности. Данные виды опасности различаются по признаку вероятности эскалации общественной опасности относительно определенных преступлений.

Преступления прямой кумулятивной опасности характеризуются наличием указаний в них самих на другие, вытекающие из них преступления. Таковые могут содержаться как в квалифицирующих признаках, так и в основном составе преступления. Например, при похищении человека с большой вероятностью может наступить его смерть, и законодатель предусматривает это типичное последствие похищения человека в качестве квалифицированного состава. Тем самым прослеживается взаимосвязь между похищением человека и причинением ему смерти по неосторожности. В данном случае убийство не является квалифицирующим признаком, но оно тесно связано с похищением человека, поскольку может стать его следствием.

Отличительной чертой преступлений с опосредованной кумулятивной опасностью является указание в УК РФ на их направленность на совершение других преступлений. Но конкретно последние преступления не всегда называются в законе и могут быть самыми разнообразными. К примеру, преступное сообщество может совершить преступления, предусмотренные ст. 291, 158, 160, 228 УК РФ, а также и иные. Напротив, в тексте ст. 205¹, 282², 282³ УК РФ есть прямое указание на группу преступлений. От преступлений с прямой кумулятивной опасностью данные деяния отличаются тем, что характеризуются меньшей возможностью совершения иных, дополнительных преступлений.

Преступления абстрактной кумулятивной опасности характеризуются отсутствием в законе указаний на конкретные преступления, которые могут из них вытекать. Невозможно установить перечень таких преступлений или заключить типичные последствия преступлений абстрактной кумулятивной опасности в определенные рамки из-за их неограниченности. Например, хранение оружия может создать предпосылки для убийства, бандитизма и многих других преступлений, однако лица, незаконно хранящие оружие, могут и не совершать преступлений с его использованием. В силу вышесказанного вероятность эскалации общественной опасности таких преступлений относительно невелика.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Уголовное право. Общая часть: Учеб. для вузов / Отв. ред. проф. И.Я. Козаченко, проф. З.А. Незнамова. М., 2001. С. 89.

² Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 44.

³ См.: Фелелов П.А. Принципы советского уголовного права – основа уголовно-правового охранительного механизма: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. С. 8–9.

⁴ См.: Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 2004. С. 608.

¹ См., напр.: Уголовное право. Общечастная часть: Учеб. для вузов / Отв. ред. проф. И.Я. Козаченко, проф. З.А. Незнамова. М., 2001. С. 89.

² Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 44.

³ См.: Фелелов П.А. Принципы советского уголовного права – основа уголовно-правового охранительного механизма: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. С. 8–9.

⁴ См.: Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 2004. С. 608.

Теоретические и практические предпосылки криминологического изучения организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста

М.А. СОКОЛОВ – аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматриваются некоторые криминологические и социально-психологические характеристики участников организованных преступных групп раннего молодежного возраста (18 лет – 24 года). Утверждается, что организованная преступная деятельность лиц раннего молодежного возраста в своем большинстве является результатом последовательной криминализации их поведения в составе подростковых неформальных групп асоциальной направленности. Обосновывается вывод о целесообразности применения в отношении лиц в возрасте от 18 до 24 лет профилактических мер, направленных на ликвидацию причин и условий, способствующих их включению в организованную преступную деятельность. Приводятся данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, результаты опроса экспертов и изучения материалов уголовных дел и приговоров.

Ключевые слова: лица раннего молодежного возраста; молодежь; организованная преступная деятельность; группы асоциальной направленности; осужденные; профилактика.

Theoretical and practical implications of criminological study of organized crime entities early youth age

M.A. SOKOLOV – Postgraduate of Academy of the General Prosecutors Office of Russia

The article discusses some criminological and socio-psychological characteristics of organized criminals in the early youth age (18-24 years). States that organized criminal activity of persons in early youth age in the majority, is the result of a consistent criminalization of their behavior in the informal groups of teenage antisocial orientation. The conclusion regarding the usefulness of those aged 18 to 24 years of preventive measures to eliminate the causes and conditions that facilitate their inclusion in organized criminal activity. The data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, the results of a survey of experts and study materials of criminal cases and sentences are represented.

Key words: face early youth age; youth; organized criminal activity; a group of antisocial orientation; convicts; prevention.

Необходимость специального изучения организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста (18 лет – 24 года) обусловлена особенностями криминологических характеристик последних.

Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации

о количестве осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 208–210 УК РФ (форма № 11), свидетельствуют о том, что лица раннего молодежного возраста занимают в их структуре доминирующую позицию.

Таблица

**Динамика количества осужденных за совершение преступлений,
предусмотренных ст. 208–210 УК РФ, с учетом их
возрастных характеристик в 2003–2011 гг.**

Год	Всего осуждено по ст. 208–210	Возраст осужденных (лет)									
		14–17		18–24		25–29		30–49		50 лет и старше	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
2003	278	7	2,5	109	39,2	85	30,6	76	27,3	1	0,4
2004	310	4	1,3	133	42,9	85	27,4	82	26,4	6	1,9
2005	444	12	2,7	169	38,1	126	28,4	132	29,7	5	1,1
2006	557	14	2,5	209	37,5	126	22,6	193	34,6	15	2,7
2007	395	2	0,5	135	34,2	112	28,3	137	34,7	9	2,3
2008	439	11	2,5	192	43,7	94	21,4	132	30,1	10	2,3
2009	466	6	1,3	168	36	121	26	164	35,2	7	1,5
2010	480	10	2,1	184	38,3	114	23,7	164	34,2	8	1,7
2011	538	6	1,1	210	39	120	22,3	187	34,7	15	2,8

Понятие «молодежь» в криминологии принято распространять на лиц в возрасте от 18 до 29 лет. При этом молодежь подразделяют на две группы: младшую (от 18 до 24 лет) и старшую (от 25 до 29 лет)¹. Представители других наук, изучающих проблемы преступности молодежи, также склонны проводить такую возрастную градацию².

Серьезные исследования социально-психологических характеристик лиц раннего молодежного возраста свидетельствуют об их схожести с показателями представителей соседних возрастных групп.

По мнению К.Е. Игошева, возраст 18–25 лет, которым он ограничивает социальную категорию «молодежь», является пограничным, а значит, характеристика социально-психологической стороны антиобщественных действий этой категории лиц в определенной степени накладывается на характеристику психологии преступных проявлений более старшего возраста и несовершеннолетних³.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что лица раннего молодежного возраста представляют собой продукт той или иной микросреды, перенявший все свойственные ей характеристики. Во многом от этих характеристик зависит и специфика правосознания рассматриваемой категории правонарушителей, которая в настоящее время подвергается заметной деформации.

На эту особенность обращали внимание Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов, которые, анализируя результаты опроса разных возрастных групп населения, произведенного ВЦИОМ в 1998 г., констатирова-

ли, что «бросается в глаза понижение правового сознания в более молодых возрастных группах»⁴. При этом наиболее низкие показатели наблюдались именно у возрастной группы 18 лет – 24 года.

Исследователями отмечается увеличение доли лиц раннего молодежного возраста, повторно совершающих преступления.

В процессе анализа возрастных характеристик спецконтингента исправительных колоний общего режима, ранее отбывавшего наказание в воспитательных колониях, А.В. Миронов, А.В. Паршков и И.Н. Смирнова установили, что подавляющее число осужденных составляют лица в возрасте от 20 до 23 лет (54%), возрастные группы от 18 до 20 лет и от 20 до 24 лет представлены 11 и 13% соответственно⁵.

Лица раннего молодежного возраста, как и несовершеннолетние, склонны к образованию различных неформальных социальных групп, в которых зачастую берут свое начало организованные преступные формирования. Примером, в частности, могут послужить сообщества, развернувшие противоправную деятельность в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. на территории Москвы, ближнего Подмосковья, Рязани, Самарской области, Республики Татарстан и ряда других регионов. Организованной преступной деятельности рассмотренных формирований предшествовал период становления. На этом этапе неформальные группы подростков и молодежи образовывались по территориальному принципу (месту проживания) и были ориентированы на асоциальное поведение. По мере взросления и приобретения участниками криминального опыта асо-

циальное поведение трансформировалось в систематическое совершение преступлений, как правило носящих агрессивный, насильственный характер.

В ходе общения в группах сверстников, близких по уровню развития, интересам, демонстрировались примеры агрессивного поведения, закреплялись и культивировались девиантные ценности и способы действия⁶.

В целях более глубокого изучения проблемы организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста следует обратиться к пониманию психологами механизма образования неформальных групп, в том числе и криминальной направленности.

Согласно мнению Б.Д. Парыгина, одним из наиболее значимых факторов групповой интеграции, способствующих достижению групповых целей с наибольшим эффектом, является такое социально-психологическое явление, как лидерство. Его системообразующая роль в механизме социальной самоорганизации стала очевидной в результате логического выстраивания исследований микросреды, которые с неизбежностью приводят к установлению факта групповой дифференциации, что в свою очередь позволяет увидеть значение и роль вожаков, организаторов и лидеров⁷.

Признание ключевой роли отдельных лиц в организационных процессах, происходящих в асоциальной среде, предполагающих вовлечение в нее новых членов, нашло подтверждение в ходе проведенного нами опроса экспертов⁸. 41,2% респондентов полагают, что включению лиц раннего молодежного возраста в организованную преступную деятельность способствует слабость волевых качеств, с чем связано попадание под влияние более сильного (физически или психологически) лица, занимающего лидирующие позиции в неформальной группе.

Исследователи обращают внимание на специфику организованной преступной деятельности молодежи, которая заключается не только в высокой подготовленности совершаемых преступлений, но и в обеспечении противодействия деятельности правоохранительных органов⁹.

Процессы криминогенной самоорганизации в среде несовершеннолетних и в среде лиц молодежного возраста находятся в органической взаимосвязи. Это подтверждается и исследованиями А.В. Шеслера и Р.М. Булатова, рассматривавших в качестве

самостоятельного объекта криминологического исследования сложившиеся в Казани в 90-е гг. XX в. подростково-молодежные группировки. По мнению указанных авторов, возрастная структура этих объединений характеризовалась значительным удельным весом взрослых участников: в отдельных случаях соответствующий показатель достигал 40%¹⁰.

Специальное выделение организованных преступников именно заявленной возрастной группы обусловлено не только тем, что именно они проявляют наибольшую криминальную активность, но и тем, что они рекомендовали себя в качестве социальной базы для последующего расширения масштабов организованной преступности. К несовершеннолетним преступникам и преступникам старшего молодежного возраста (25–29 лет) такие характеристики относятся в меньшей степени: в силу незначительной полезности для организованной преступности первых и в силу разрушения в результате изменения жизненных обстоятельств социально вредных связей вторых.

Противодействие организованной преступности именно лиц раннего молодежного возраста следует рассматривать в первую очередь как нарушение института преемственности между различными поколениями организованных преступников.

Представляется, что установление некоторой схожести социально-психологических характеристик несовершеннолетних и лиц в возрасте от 18 до 24 лет позволяет сделать вывод о целесообразности применения к последним широкого круга профилактических мер.

Достижению этой цели, а также систематизации профилактической деятельности, направленной на ликвидацию причин и условий, способствующих организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста и повышению ее эффективности, могло бы послужить внесение в Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» ряда изменений, позволяющих распространить его положения и на лиц раннего молодежного возраста. Для этого следует откорректировать его название следующим образом: «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также преступлений, совершаемых лицами раннего молодежного возраста». В целях непосредственной профилактики и пресе-

чения организованной преступной деятельности лиц раннего молодежного возраста необходимо, в частности, внести соответствующие изменения в ст. 23 «Иные подразделения органов внутренних дел», изложив ее в следующей редакции:

«1. Иные подразделения органов внутренних дел в пределах своей компетенции:

1) выявляют, предупреждают, пресекают и раскрывают преступления несовершеннолетних и лиц раннего молодежного возраста, а также устанавливают лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2) выявляют несовершеннолетних правонарушителей, группы таких лиц, а также несовершеннолетних и лиц раннего молодежного возраста, входящих в организованные преступные группы или в преступные сообщества (преступные организации), и принимают меры по предупреждению совершения ими преступлений;

3) осуществляют меры, противодействующие участию несовершеннолетних и лиц раннего молодежного возраста в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006. С. 18; Пристанская О.В. Криминологическая характеристика правосознания и его особенностей у преступников молодого возраста: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 91.

² См.: Щербakov Г.В. Мотивационная сфера осужденных молодежного возраста и ее влияние на адаптацию в исправительном учреждении: Дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2002. С. 53.

³ См.: Игошев К.Е. Психология преступных проявлений среди молодежи: Учеб. пособие. М., 1971. С. 47.

⁴ Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 69.

⁵ См.: Миронов А.В., Паршков А.В., Смирнова И.Н. Предупреждение рецидива преступлений среди лиц мужского пола, отбывших наказание в воспитательных колониях: Моногр. / Под. общ. ред. В.И. Старкова. Псков, 2009. С. 61.

⁶ См.: Плоткин М.М., Баранова В.А., Попова А.И. Взаимодействие социальных институтов в процессе предотвращения правонарушений учащихся: Моногр. М., 2010. С. 86.

⁷ См.: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 301.

⁸ В анкетировании приняло участие 65 работников прокуратур субъектов Российской Федерации, проходящих обучение на базе Института повышения квалификации Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, июнь 2012 г.), в чью компетенцию входит надзор за процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью.

⁹ См.: Подольный Н.А. Молодежная организованная преступность: особенности ее воздействия на расследование и способы преодоления этого воздействия. М., 2008. 192 с.

¹⁰ См.: Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Казань, 1994. С. 9.

¹ Sm.: Babaev M.M., Kruter M.S. Molodezhnaja prestupnost'. M., 2006. S. 18; Pristanskaja O.V. Kriminologicheskaja harakteristika pravosoznaniya i ego osobennostej u prestupnikov molodogo vozrasta: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1984. S. 91.

² Sm.: Shherbakov G.V. Motivacionnaja sfera osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta i ee vlijanie na adaptaciju v ispravitel'nom uchrezhdenii: Dis. ... kand. psihol. nauk. Rjazan', 2002. S. 53.

³ Sm.: Igoshev K.E. Psihologija prestupnyh pojavlenij sredi molodezhi: Ucheb. posobie. M., 1971. S. 47.

⁴ Antonjan Ju.M., Kudrjavcev V.N., Jeminov V.E. Lichnost' prestupnika. SPb., 2004. S. 69.

⁵ Sm.: Mironov A.V., Parshkov A.V., Smirnova I.N. Preduprezhdenie recidiva prestuplenij sredi lic muzhskogo pola, otbvyshih nakazanie v vospitatel'nyh kolonijah: Monogr. / Pod. obshh. red. V.I. Starkova. Pskov, 2009. S. 61.

⁶ Sm.: Plotkin M.M., Baranova V.A., Popova A.I. Vzaimodejstvie social'nyh institutov v processe predotvrashhenija pravonarushenij uchashhihsja: Monogr. M., 2010. S. 86.

⁷ Sm.: Parygin B.D. Osnovy social'no-psihologicheskoy teorii. M., 1971. S. 301.

⁸ V anketirovanii prinjalo uchastie 65 rabotnikov prokuratur sub#ektov Rossijskoj Federacii, prohodjashhih obuchenie na baze Instituta povyshenija kvalifikacii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii (g. Moskva, ijun' 2012 g.), v ch'ju kompetenciju vhodit nadzor za processual'noj i operativno-rozysknoj dejatel'nost'ju.

⁹ Sm.: Podol'nyj N.A. Molodezhnaja organizovannaja prestupnost': osobennosti ee vozdejstvija na rassledovanie i sposoby preodolenija jetogo vozdejstvija. M., 2008. 192 s.

¹⁰ Sm.: Bulatov R.M., Shesler A.V. Kriminogennye gorodskie territorial'nye podrostkovo-molodezhnye gruppirovki (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty). Kazan', 1994. S. 9.

К вопросу о правовой природе института условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы

С.Л. БАБАЯН – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, докторант Академии управления МВД России, кандидат юридических наук

В статье рассматривается правовая природа института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, делается вывод о том, что данный институт имеет смешанную правовую природу и представляет собой вид освобождения от реального отбывания наказания при соблюдении осужденным в течение испытательного срока определенных условий. Институт условно-досрочного освобождения одновременно является поощрительным и относится к заключительной стадии прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; поощрительный институт уголовно-исполнительного права; субъективное право; законный интерес; иные меры уголовно-правового характера; прогрессивная система исполнения и отбывания наказания.

Concept and the legal nature of the institute of the Grant of Parole

S.L. BABAYAN – PhD in Law, Deputy Chief of the Laboratory in the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Postgraduate of the Academy of Management of the Ministry of Interior Russia

This paper examines the legal nature of the institution of parole from serving. The author concludes that the institution has a mixed legal nature and is a form of release from the actual sentence, subject condemned during the term of certain conditions, which is both an incentive and the Institute refers to the final stage of a progressive system of enforcement and punishment.

Key words: conditional release from punishment; promotional institute of the penal law; a subjective law; a legitimate interest; other measures of the criminal law; a progressive system of execution and punishment.

Анализ научных исследований в области правовой природы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания свидетельствует о том, что по данной проблеме отсутствует единство во взглядах. Одни авторы считают, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (УДО) – это один из способов отбывания наказания с элементами карательного воздействия¹. А.А. Пионтковский, называя данный институт светлым продуктом уголовно-правовой эволюции XIX столетия, определил его как конечную стадию в отбытии наказания лишением свободы². Поддерживает данную

позицию и М.А. Ефимов, который полагает, что УДО должно рассматриваться в качестве заключительной стадии лишения свободы, поскольку и после освобождения из мест заключения, хотя и в смягченной форме, карательное воздействие продолжается³.

Ю.М. Ткачевский, Н.Д. Дурманови и другие считают, что правовая природа этого института состоит в том, что УДО представляет собой одну из форм или видов освобождения⁴. В.А. Авдеев полагает, что с применением УДО прекращается карательное воздействие, которое заключалось в различного рода правоограничениях, связан-

ных со статусом осужденного. Следовательно институт УДО не может рассматриваться как заключительная стадия отбывания наказания⁵. По мнению О.А. Пилипенко, возможность присоединения неотбытой части наказания не может быть охвачена содержанием кары, так как освобожденный условно-досрочно меняет свой статус⁶.

Д.П. Водяников, Л.В. Кузнецова, Р.А. Дьяченко, Д.В. Горбач, определяя УДО как вид освобождения от отбывания наказания, не исключают его определения как заключительного звена прогрессивной системы отбывания наказания⁷. О.И. Бажанов, А.Б. Скаков также относят условно-досрочное освобождение от наказания к элементам прогрессивной системы исполнения наказания⁸. П.М. Малин рассматривает УДО как высшую ступень прогрессивной системы отбывания наказания⁹.

Ю.М. Ткачевский считает это мнение ошибочным, так как данное положение входит в противоречие с основаниями применения института прогрессивной системы исполнения наказания, которое предусматривает отбывание не менее минимальной части срока наказания и исправление осужденного. При УДО цели наказания достигнуты досрочно, что и породило данный вид освобождения от наказания. Условно-досрочное освобождение не имеет никакого отношения к прогрессивной системе исполнения уголовных наказаний, поскольку сопряжено не с исполнением наказания, а с условным освобождением от него¹⁰.

По мнению А.Л. Цветиновича, понимание УДО только как освобождения является неполным. Оно охватывает только одну сторону этого института, совершенно игнорируя другую – правовое положение условно освобожденного в период неотбытой части срока наказания, юридическую природу его прав и обязанностей, вытекающих из факта условного освобождения¹¹. Анализ правового положения условно-досрочно освобожденного в период неотбытой им части наказания позволяет сделать вывод, что к нему применяется уголовно-правовое принуждение, причиняющее ему определенные страдания, то есть являющееся карой. Положение условно освобожденного отличается в этом отношении от положения всех остальных граждан тем, что он находится под угрозой в случае совершения нового преступления подвергнуться наказанию не только за него, но и по неотбытой части наказания по прежнему приговору¹².

В связи с этим УДО как освобождение от реального отбывания наказания при соблюдении осужденным в течение испытательного срока определенных условий можно

рассматривать в виде заключительной стадии прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний.

Анализируя правовое положение условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, можно прийти к выводу, что УДО и условное осуждение – это два варианта перевода реального, безусловного наказания в условное. При УДО этот перевод осуществляется после отбытия осужденным части наказания, то есть на основаниях, отличных от оснований условного осуждения, но правовое положение освобожденного идентично правовому положению условно осужденного.

П.Н. Панченко также придерживается точки зрения, что правовое положение условно-досрочно освобожденных по существу такое же, как правовое положение условно осужденных¹³. Аналогичной точки зрения придерживаются А.Л. Цветинович, А.М. Плюснин, отмечая много общих черт условно-досрочного освобождения и условного осуждения¹⁴.

Близкое сходство указанных институтов по своей правовой природе можно признать в связи с тем, что по сути условное осуждение и условно-досрочное освобождение представляют собой освобождение от реального отбывания наказания на определенных условиях, так как суд освобождает лицо не от наказания, а от его реального отбывания. Различие этих двух институтов заключается в том, что решение об условном осуждении принимается на стадии назначения наказания, а решение о применении УДО – на стадии исполнения приговора.

Представляется не совсем верной позиция А.М. Плюснина в отношении включения в ст. 44 УК РФ «Виды наказаний» условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Наказание как форма реализации уголовной ответственности назначается за совершение преступлений, а УДО применяется к лицам, уже отбывающим наказание. Кроме того, в теории уголовного и уголовно-исполнительного права общепризнано, что УДО является поощрительным институтом¹⁵, который стимулирует правопослушное поведение осужденных. В поощрительных нормах реализуется функция государственного убеждения, а наказание есть мера государственного принуждения¹⁶, поэтому условно-досрочное освобождение не относится к видам наказания.

Рассматривая условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, некоторые ученые относят данный институт к мерам уголовно-правового характера¹⁷. По мнению И.Э. Звечаровского, мерами уголовно-правового характера можно признать только такие,

применение которых влечет за собой изменение уголовно-правового статуса личности, а их основанием служит как преступное, так и любое (противоправное или правомерное) поведение, имеющее уголовно-правовое значение¹⁸. Очевидно, что признаки изменения уголовно-правового статуса личности можно обнаружить и в институте УДО. При наступлении срока УДО у осужденного с государством в лице соответствующего органа возникают уголовно-исполнительные отношения по поводу применения данного вида освобождения. Применение судом УДО осужденного с учетом его поведения в период отбывания наказания приводит к существенному изменению прав и обязанностей данного лица. При этом освобождение осуществляется с определенными условиями, что подразумевает процедуру ограничения правового статуса условно освобожденного, поэтому институт УДО обладает определенными признаками, присущими мерам уголовно-правового характера.

Представляется, что юридическая природа рассматриваемого института носит двойственный характер. С одной стороны, применение УДО устраняет обременения, возложенные на осужденного наказанием, и носит поощрительный характер, а с другой – продолжает существовать исполнение менее строгих ограничений, свойственных мере уголовно-правового характера¹⁹. В указанном межотраслевом институте используются два метода воздействия на общественные отношения – поощрение и принуждение. При этом доминирующее значение имеет метод поощрения.

Действительно, многие авторы рассматривают правовую природу УДО как средство поощрения. Так, С.Я. Улицкий считает, что «УДО является поощрением, так как, будучи мощным средством исправительно-трудовой политики, стимулирует быстрое исправление виновных. Оно является поощрением и потому, что может применяться лишь при серьезных достижениях осужденного, выразившихся в его исправлении»²⁰. Д.А. Щерба утверждает, что сам факт изменения уголовно-исполнительных отношений при применении УДО становится для осужденного поощрением, так как для него устанавливаются другие права и обязанности, которые значительно смягчают уголовно-правовое обременение по сравнению с ограничениями, связанными с назначенным наказанием²¹. Л.В. Хегай относит рассматриваемый институт к мерам поощрения, а нормы об УДО – к поощрительным нормам уголовного права²².

Вместе с А.С. Михлиным считаем, что УДО является комплексным поощрительным институтом²³ и одним из наиболее эффективных стимулов исправления и правопослушного поведения осужденных в период отбывания наказания в местах лишения свободы. Основная часть ученых, даже те, которые придерживаются различных взглядов на правовую природу УДО, тем не менее отмечает УДО как важное средство стимулирования, которое побуждает стремление к скорейшему освобождению²⁴. При этом данный позитивный стимул как осознанное побуждение заслужить одобрение способствует правопослушному поведению в период отбывания наказания. Такое поведение служит основанием для вывода суда о возможности применения УДО. Используя средства поощрения, администрация ИУ оказывает на осужденного исправительное воздействие, что, естественно, вызывает у него стремление к позитивному правопослушному поведению, выгодному как осужденному, так и обществу в целом. Таким образом, УДО является средством поощрения, так как в данном институте ярко выражен характер одобряемого законом поведения и уголовно-правового поощрения.

П.М. Малин утверждает, что поощрение, являясь средством воспитательного воздействия, обнаруживает определенные предпосылки для сокращения или изменения наказания и является по отношению к УДО некоторым результатом, так как применяется к лицам, чье исправление еще нужно продолжать, а не к тем, которые не нуждаются в дальнейшем исправлении²⁵. Д.П. Водяников считает, что УДО не является поощрением, так как «оно есть приостановление исполнения наказания ввиду доказанности исправления осужденного и отбытие им определенной части наказания под условием, установленным законом»²⁶. А.М. Носенко указывал, что в теоретическом отношении точка зрения на условно-досрочное освобождение как на поощрение «противоречит сущности поощрения в трудовом праве и позиции исправительно-трудовой педагогики, рассматривающей его как одно из средств исправления. В практическом отношении это привело бы к снижению уровня требований при определенной степени исправления осужденного»²⁷.

С такими подходами трудно согласиться, так как поощрение в данном случае рассматривается узко, только как мера поощрения, которая является «предпосылкой» для изменения или сокращения наказания, игнорируя поощрение в виде освобождения от наказания. Очевидно, что снятие с осужденного

уголовно-правовых обременений и его условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания являются высшей формой поощрения, которая способствует более раннему достижению целей наказания. Кроме того, условно-досрочно освобожденный существенно изменяет свой правовой статус, его права заметно расширяются. Переход из состояния отбывания наказания в состояние, когда осужденный освобождается и для него наступает период неотбытой части, и представляет собой поощрение. Такой переход можно рассматривать как поощрительное средство, так как он связан с двумя основными признаками поощрительных институтов – предоставление определенных благ в связи с изменением правового статуса осужденных и побуждение к законопослушному поведению²⁸.

Изучение истории развития условно-досрочного освобождения и анализ законодательства позволяют сделать вывод о его поощрительной правовой природе. Предоставление данного вида освобождения связывается с правомерным поведением осужденного, его отношением к труду, обучению, проводимым воспитательным мероприятиям. Такое поведение реализуется в интересах государства и осужденного и рассматривается как особая форма должного поведения осужденного, стимулируемого поощрительным институтом УДО.

С помощью такого значимого поощрения государство оказывает на осужденного информационно-психологическое воздействие, способствующее стремлению к дальнейшему социально полезному поведению.

Некоторые авторы рассматривают УДО как субъективное право осужденного²⁹. Данная точка зрения представляется недостаточно обоснованной. Осужденный не может иметь право на УДО, также как он не имеет права на получение любого вида поощрения. Поощрение является для осужденного законным интересом, так как закон устанавливает, что условно-досрочное освобождение применяется только к осужденным, которые по признанию суда для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного им наказания. В связи с этим УДО, как и любой другой вид поощрения, не является субъективным правом осужденного.

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить, что условно-досрочное освобождение относится к заключительной стадии прогрессивной системы исполнения и отбывания наказаний, имеет смешанную правовую природу и представляет собой вид освобождения от реального отбывания наказания при соблюдении осужденным в течение испытательного срока определенных условий. Одновременно оно является поощрительным институтом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых колониях. Л., 1963. С. 141.

² См.: Пионтковский А.А. Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование. Казань, 1990. С. 6, 137.

³ См.: Ефимов М.А. Некоторые вопросы условно-досрочного и досрочного освобождения // Правоведение. 1958. № 1. С. 88.

⁴ См.: Ткачевский Ю.М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1997. № 2. С. 16; Дурманов Н.Д. Освобождение от наказания по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 4–5; Хегай Л.В. Условно-досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 17; Зельдов С.И. Освобождение от наказания и его отбывания. М., 1982. С. 14–17.

⁵ См.: Авдеев В.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. С. 62–63.

⁶ См.: Пилипенко О.А. Условно-досрочное освобождение от наказания: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 51.

⁷ См.: Водяников Д.П., Кузнецова Л.В. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким: Учеб. пособие. М., 1981. С. 7; Дьяченко Р.А. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1999. С. 94–100; Горбач Д.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. С. 21.

⁸ См.: Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981. С. 69–70; Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан. Астана, 2004. С. 5.

¹ Sm.: Beljaev N.A. Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'no-trudovyh kolonijah. L., 1963. S. 141.

² Sm.: Piontkovskij A.A. Uslovnoe osvobozhdenie. Ugolovno-politicheskoe issledovanie. Kazan', 1990. S. 6, 137.

³ Sm.: Efimov M.A. Nekotorye voprosy uslovno-dosrochnogo i dosrochnogo osvobozhdeniya // Pravovedenie. 1958. № 1. S. 88.

⁴ Sm.: Tkachevskij Ju.M. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya // Vestnik MGU. Ser. 11. Pravo. 1997. № 2. S. 16; Durmanov N.D. Osvobozhdenie ot nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1957. S. 4–5; Hegaj L.V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1985. S. 17; Zel'dov S.I. Osvobozhdenie ot nakazaniya i ego otbyvaniya. M., 1982. S. 14–17.

⁵ Sm.: Avdeev V.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya nesovershennoletnih: Dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 1995. S. 62–63.

⁶ Sm.: Pilipenko O.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya: problemy teorii i praktiki: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2009. S. 51.

⁷ Sm.: Vodjanikov D.P., Kuznecova L.V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya i zamena neatbytoj chasti nakazaniya bolee mjagkim: Ucheb. posobie. M., 1981. S. 7; D'jachenko R.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie i zamena neatbytoj chasti nakazaniya bolee mjagkim vidom nakazaniya: Dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 1999. S. 94–100; Gorbach D.V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan'. 2012. S. 21.

⁸ Sm.: Bazhanov O.I. Progressivnaja sistema ispolneniya nakazaniya. Minsk, 1981. S. 69–70; Skakov A.B. Progressivnaja sistema ispolneniya lisheniya svobody i ee otrazhenie v novom zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan. Astana, 2004. S. 5.

- ⁹ См.: Малин П.М. Уголовно-правовое и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 8.
- ¹⁰ См.: Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 2007. С. 10–12.
- ¹¹ См.: Цветинович А.Л. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 11.
- ¹² См.: Там же. С. 33.
- ¹³ См.: Панченко П.Н. Уголовно-исполнительная инспекция как орган, контролирующая поведение условно-досрочно освобожденных // Российский судья. 2005. № 11. С. 31.
- ¹⁴ См.: Плюснин А.М. Возможные направления развития организации условно-досрочного освобождения осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 10–11; Цветинович А.Л. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М. 1973. С. 31.
- ¹⁵ Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение. М., 1993. С. 11; Евтушенко И. Каким быть условно-досрочному освобождению // Уголовное право. 2008. № 4; Улицкий С. Новые вопросы в практике условно-досрочного освобождения // Российская юстиция. 2004. № 2; Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права. Хабаровск, 1984.
- ¹⁶ См.: Курганов С.И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 61.
- ¹⁷ См.: Гареев М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 15; Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 56; Горбач Д.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. С. 66.
- ¹⁸ См.: Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 35.
- ¹⁹ См.: Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 63.
- ²⁰ Улицкий С.Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена им наказания более мягким: Дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964. С. 7, 8.
- ²¹ См.: Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 8, 9.
- ²² См.: Хегай Л.В. Условно-досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву. С. 9–10.
- ²³ См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве. С. 11.
- ²⁴ См.: Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. С. 80–95; Михлин А.С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. М., 1982. С. 3–6; Малин П.М. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. С. 13; Барсукова С.Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по российскому законодательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 11–12; Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики. С. 10–11; Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, правотворчества и правоприменения): Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002; Яковлева Л.В. Институт освобождения от наказания в российском праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
- ²⁵ См.: Малин П.М. Уголовно-правовое и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань. 2000. С. 25.
- ²⁶ Водяников Д.П. Вопросы условно-досрочного освобождения в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. С. 3.
- ²⁷ Носенко А.М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1973. С. 7.
- ⁹ Sm.: Malin P.M. Uголовно-правовое i uголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы: Avtoref. dis ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2000. S. 8.
- ¹⁰ Sm.: Tkachevskij Ju.M. Rossijskaja progressivnaja sistema ispolnenija ugovolnyh nakazanij. M., 2007. S.10–12.
- ¹¹ Sm.: Cvetinovich A.L. Dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazanija po sovetскому ugovolnomu pravu: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1973. S. 11.
- ¹² Sm.: Tam zhe. S. 33.
- ¹³ Sm.: Panchenko P.N. Uголовно-исполнительная инспекция как орган, kontrolirujushhij povedenie uslovno-dosrochno osvobozhdennyh // Rossijskij sud'ja. 2005. № 11. S. 31.
- ¹⁴ Sm.: Pljusnin A.M. Vozmozhnye napravlenija razvitiija organizacii uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija osuzhdennyh k lisheniju svobody // Uголовно-исполнительная система: pravo, jekonomika, upravlenie. 2006. № 3. S. 10–11; Cvetinovich A.L. Dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazanija po sovetскому ugovolnomu pravu: Dis. ... kand. jurid. nauk. M. 1973. S. 31.
- ¹⁵ Mihlin A.S. Pooshhritel'nye instituty i ih mesto v ugovolno-исполнительном prave // Reforma ugovolno-исполнительной системы i ee pravovoe obespechenie. M., 1993. S. 11; Evtushenko I. Kakim byt' uslovno-dosrochnomu osvobozhdeniju // Uголовное pravo. 2008. № 4; Ulickij S. Novye voprosy v praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija // Rossijskaja justicija. 2004. № 2; Eleonskij V.A. Pooshhritel'nye normy ugovolnogo prava. Habarovsk, 1984.
- ¹⁶ Sm.: Kurganov S.I. Mery ugovolno-правового haraktera // Uголовное pravo. 2007. № 2. S. 61.
- ¹⁷ Sm.: Gareev M.F. Celi inyh mer ugovolno-правового haraktera i sredstva ih dostizhenija po rossijsкому ugovolnomu pravu: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2005. S. 15; Shherba D.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija: voprosy teorii i praktiki: Dis ... kand. jurid. nauk. Vladivostok, 2007. S. 56; Gorbach D.V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija v vide pozhiznennogo lishenija svobody: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2012. S. 66.
- ¹⁸ Sm.: Zvecharovskij I.Je. Mery ugovolno-правового haraktera: ponjatie, sistema, vidy // Zakonost'. 1999. № 3. S. 35.
- ¹⁹ Sm.: Shherba D.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija: voprosy teorii i praktiki: Dis ... kand. jurid. nauk. Vladivostok, 2007. S. 63.
- ²⁰ Ulickij S.Ja. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennyh k lisheniju svobody i zamena im nakazanija bolee mjagkim: Dis. ... kand. jurid. nauk. Alma-Ata, 1964. S. 7, 8.
- ²¹ Sm.: Shherba D.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija: voprosy teorii i praktiki: Avtoref. dis ... kand. jurid. nauk. Vladivostok, 2007. S. 8, 9.
- ²² Sm.: Hegaj L.V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazanija po sovetскому ugovolnomu pravu. S. 9–10.
- ²³ Sm.: Mihlin A.S. Pooshhritel'nye instituty i ih mesto v ugovolno-исполнительном prave. S. 11.
- ²⁴ Sm.: Tkachevskij Ju.M. Osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija. M., 1970. S. 80–95; Mihlin A.S. Problemy dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija. M., 1982. S. 3–6; Malin P.M. Uголовно-правовые i uголовно-исполнительные проблемы uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2000. S. 13; Barsukova S.G. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija po rossijsкому zakonodatel'stvu: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2000. S. 11–12; Shherba D.A. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazanija: voprosy teorii i praktiki. S. 10–11; Tarhanov I.A. Pooshhrenie pozitivnogo povedenija i ego realizacija v ugovolnom prave (voprosy teorii, pravotvorchestva i pravoprimerenija): Dis. ... d-ra jurid. nauk. Kazan', 2002; Jakovleva L.V. Institut osvobozhdenija ot nakazanija v rossijsком prave: Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2003.
- ²⁵ Sm.: Malin P.M. Uголовно-правовое i uголовно-исполнительные проблемы uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija v vide lishenija svobody: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan'. 2000. S. 25.
- ²⁶ Vodjanikov D.P. Voprosy uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija v sovetском prave: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1967. S. 3.
- ²⁷ Nosenko A.M. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot lishenija svobody: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kiev, 1973. S. 7.

²⁸ См.: Михлин А.С. Поощрительные институты и их место в уголовно-исполнительном праве. С. 21.

²⁹ См.: Рашидов Ш.М. Уголовно-правовые проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (по материалам Республики Дагестан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С. 9; Улицкий С.Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена им наказания более мягким. С. 10.

²⁸ Sm.: Mihlin A.S. Pooshhritel'nye instituty i ih mesto v уголовно-исполнител'nom prave. S. 21.

²⁹ Sm.: Rashidov Sh.M. Uголовно-pravovye problemy primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya (po materialam Respubliki Dagestan): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Mahachkala, 2005. S. 9; Ulickij S.Ja. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie osuzhdennyh k lisheniju svobody i zamena im nakzaniya bolee mjagkim. S. 10.

Об особенностях обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в зарубежных странах в XVIII–XIX вв.

А.М. ПОТАПОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

С.И. ПАКАНИЧ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

В статье раскрываются особенности содержания несовершеннолетних осужденных в зарубежных странах в XVIII–XIX вв., специфика обеспечения их личной безопасности в процессе отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Авторы осуществляют ретроспективный анализ проблем несовершеннолетних осужденных, обусловленных их возрастными характеристиками, и предлагают способы их решения на современном этапе.

Ключевые слова: личная безопасность; право на личную безопасность; обеспечение личной безопасности несовершеннолетних осужденных.

About the specifics of ensuring of personal safety of juvenile convicts in foreign countries in XVIII-XIX centuries

A.M. POTAPOV – Chief of the Chair for Penal Law and Organization of Educational Work Organization with convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Associate Professor in Law;

S.I. PAKANICH – Lecturer of the Chair for Penal Law and Organization of Educational Work Organization with convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article describes the specialties of housing of juvenile convicts in XVIII-XIX centuries, and the specialties of ensuring of their personal safety in the process of serving custodial sentences. This article analyzes in retrospective the safety problems of juvenile convicts determined by their age, and suggests the ways to address them at the present stage.

Key words: personal safety; the right for personal safety; ensuring of personal safety of juvenile convicts.

Обеспечение личной безопасности несовершеннолетних осужденных является одним из основных направлений деятельности воспитательных колоний. Учитывая тот факт, что

этот процесс выходит за рамки поддержания физической защищенности жизни и здоровья подростков и касается реализации всех их субъективных прав и законных интересов, то

нельзя не констатировать, что криминальная среда, в которой находятся несовершеннолетние, отрицательно влияет на эффективность проводимой в данной сфере работы¹.

Преодоление обозначенной проблемы связано с реорганизацией воспитательных колоний в воспитательные центры в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. При этом ход эксперимента по апробации модели воспитательного центра показывает, что сложившаяся ситуация разрешается с трудом. Очевидно, что вопросы обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в перспективе останутся актуальными, а для достижения должного результата потребуются изменение существующих подходов к ее организации, в том числе с учетом исторического опыта такой деятельности. На наш взгляд, историко-правовая оценка позволит выявить определенные положительные и отрицательные моменты, а также сформулировать на этой основе предложения по совершенствованию аналогичных процессов на современном этапе. В том числе немалый интерес представляет и исторический опыт зарубежных стран в данной сфере.

В первую очередь необходимо отметить, что до XVIII в. несовершеннолетние отбывали наказание в тюрьмах без дифференциации по возрасту, привлекались к тяжелым работам, содержались в закрытых помещениях, состояние их здоровья фактически не контролировалось, что отрицательно влияло на состояние их личной защищенности.

Одну из первых попыток изменения условий содержания несовершеннолетних реализовал И. Песталоцци. Он обосновал необходимость пребывания подростков в исправительных приютах с возможностью получения профессии и навыков самостоятельной жизни. Очевидно, что в данных учреждениях гораздо эффективнее контролировалось их поведение, состояние здоровья, получение ими образования и профессии.

Однако этот позитивный пример носил единичный характер. В целом существовавшее в XVIII в. положение несовершеннолетних осужденных нарушало их право на личную безопасность.

Появление в XIX в. специализированных пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних и обеспечение безопасности в них было тесно связано с общей тенденцией введения одиночного содержания, в частности, в Англии и США. Несмотря на некото-

рые положительные результаты, такие как исключение отрицательного влияния осужденных друг на друга, новую систему нельзя было назвать удачной: в сложившихся условиях у подростков происходили негативные психические изменения, что в перспективе привело к отказу от подобной практики.

Под влиянием гуманистических теорий по снижению кары в отношении несовершеннолетних во Франции и Бельгии стали появляться земледельческие и ремесленные колонии. Их особенность состояла в организации социальной защиты несовершеннолетних посредством реализации лечебных и воспитательных мер, мер безопасности, а также во включении их в процесс ресоциализации². Безопасность осужденных в таких учреждениях обеспечивалась на основе доверия и взаимопомощи³. С 1850 г. несовершеннолетние, впервые совершившие преступления, отбывали наказание в исправительных земледельческих колониях, а совершившие побег и повторно осужденные содержались в тюрьмах, что негативно влияло на обеспечение их безопасности.

Начиная со второй половины XIX в. широкое распространение в Западной Европе получила система педагогического воздействия на несовершеннолетних осужденных, происходило дальнейшее развитие механизма оказания им медицинской и психологической помощи.

Например, во Франции основной формой защиты жизни и здоровья воспитанников стало личное доверие, широко было представлено самоуправление и педагогическое воздействие. Если же осужденный продолжал вести себя противоправно, имел серьезные психические отклонения, исключая возможность его совместного проживания с другими, он мог быть переведен в тюрьму или больницу (соответствующие больницы были созданы в целом ряде государств). Такой перевод можно рассматривать как одну из первых специальных мер обеспечения безопасности несовершеннолетних при отбытии ими наказания.

Вообще на становлении систем обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы не могли не сказываться традиции, география страны и иные различия. Так, в Австрии, Англии, Бельгии, Германии преобладали казарменные варианты со всеми армейскими атрибутами. В Дании, Франции, Швейцарии была распространена семейная система, основная идея которой заключалась в создании для воспитанников искус-

ственной семьи с соответствующими отношениями внутри заведений⁴.

В 1878 г. состоялся II Стокгольмский тюремный конгресс в отношении устройства учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. На нем были сформулированы рекомендации по расширению мер безопасности в отношении рассматриваемой категории лиц, активному участию общественности в этом деле. Кроме того, в решениях конгресса констатировалось, что несовершеннолетним правонарушителям требуется не наказание, а воспитание, имеющее целью создание возможности зарабатывать средства к жизни честным путем и быть полезными, а не вредными членами общества⁵.

На рубеже XIX–XX вв. появились и стали активно развиваться новые исправительные учреждения для несовершеннолетних преступников. В основе исправления находилась прогрессивная система учета и оценки поведения заключенного. Она побуждала его к тому, чтобы он взял свою собственную судьбу в свои руки. Такие учреждения получили название реформаториев. Молодежные реформатории (сначала сюда принимали преступников, не достигших 40-летнего возраста, позднее – в основном молодых правонарушителей) сочетали в себе элементы тюрьмы и воспитательного учреждения. Это обстоятельство способствовало повышению личной безопасности осужденных. Средствами исправительного воздействия выступали труд, общеобразовательное обучение, профессиональное обучение, военная подготовка.

В зависимости от своего поведения осужденные в реформаториях делились на три класса: по прибытии все помещались в средний класс, а затем могли быть переведены в высший класс с улучшенными условиями содержания либо в низший класс, где условия содержания ухудшались. Особую группу составляли так называемые неисправимые осужденные, которые содержались в одиночных камерах без вывода на работы. Таких лиц старались перевести в обычную тюрьму с одиночным заключением⁶.

Реформатории быстро привлекли к себе внимание общественности. Действительно, сочетание средств исправительного воздействия и разделения несовершеннолетних осужденных на группы позволило существенно повысить их безопасность. Однако реформатории функционировали не везде. Кроме того, вне поля зрения оставалась категория несовершеннолетних осужденных, противодействовавших администрации.

Итак, следует отметить, что в рассматриваемый период для обеспечения личной безопасности осужденных подростков в большинстве европейских стран реализовывался принцип их постоянной занятости общественно полезным трудом. Несовершеннолетние осужденные выполняли земледельческие и ремесленные работы. Полагаем, этот опыт в современных экономических условиях может быть применен в создаваемых воспитательных центрах.

Свою эффективность в деле обеспечения личной безопасности несовершеннолетних осужденных доказало их раздельное содержание в ночное время. Особенно это касается категории злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, имеющих психические отклонения. Представляется, что данная практика должна быть воспринята отечественной системой отбывания наказания.

Важным элементом следует признать дисциплину, создание атмосферы доверия и взаимопомощи. Считаем, что работа в соответствующем направлении должна быть организована в воспитательном центре. Так, например, можно использовать скандинавскую модель, когда сотрудники и осужденные питаются вместе в одной общей столовой.

В целом же следует отметить, что проблемы обеспечения личной безопасности трудноисправимых несовершеннолетних правонарушителей всегда решались малоэффективно. Данный вопрос остается открытым и в настоящее время, и это требует поиска новых подходов к организации соответствующего процесса в условиях реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Научить детей жить // Преступление и наказание. 2010. № 8. С. 8.

² См.: Зиньков Е.Н. Теория наказания в правовых учениях XVIII–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 13.

³ См.: Земледельческие колонии и ремесленные приюты как воспитательные учреждения для несовершеннолетних преступников и бедных детей // Издание комитета общества

¹ Sm.: Nauchit' detej zhit' // Prestuplenie i nakazanie. 2010. № 8. S. 8.

² Sm.: Zin'kov E.N. Teorija nakazaniya v pravovyh uchenijah XVIII–XX vv.: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2006. S. 13.

³ Sm.: Zemledel'cheskie kolonii i remeslennye prijutj kak vospitatel'nye uchrezhdenija dlja nesovershennoletnih prestupnikov i bednyh detej // Izdanie komiteta obshhestva

земледельческих колоний и ремесленных приютов. СПб., 1870. С. 7.

⁴ Указ Сената от 26 июня 1765 г. // Полное собрание законов. СПб., 1857. Т. 12. № 12424.

⁵ См.: Наговицина Т.А. Ретроспектива и современные тенденции воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3 (7). С. 122.

⁶ См.: Малахов Р.А., Белова Н.А., Желтов А.А. Справка об истории формирования и деятельности исправительных и воспитательных учреждений для несовершеннолетних преступников в странах Европы и США: Приложение к аналитическому обзору (с предложениями) «История развития учреждений для несовершеннолетних осужденных в России». Вологда, 2010. С. 5–6.

zemledeľ'cheskih kolonij i remeslennyh prijutov. SPb., 1870. S. 7.

⁴ Ukaz Senata ot 26 ijunja 1765 g. // Polnoe sobranie zakonov. SPb., 1857. T. 12. № 12424.

⁵ Sm.: Nagovicina T.A. Retrospektiva i sovremennye tendencii vospitatel'nogo vozdejstvija na nesovershennoletnih osuzhdennyh v vospitatel'noj kolonii // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. 2008. № 3 (7). S. 122.

⁶ Sm.: Malahov R.A., Belova N.A., Zheltov A.A. Spravka ob istorii formirovanija i dejatel'nosti ispravitel'nyh i vospitatel'nyh uchrezhdenij dlja nesovershennoletnih prestupnikov v stranah Evropy i SShA: Prilozhenie k analiticheskomu obzoru (s predlozhenijami) «Istorija razvitija uchrezhdenij dlja nesovershennoletnih osuzhdennyh v Rossii». Vologda, 2010. S. 5–6.

Ретроспективный анализ развития поощрительных мер в отношении осужденных в пенитенциарной системе России

А.С. МИСЮРЕВ – преподаватель кафедры организации охраны и конвоирования в УИС Пермского института ФСИН России, аспирант Соликамского государственного педагогического института

В статье осуществляется ретроспективный анализ развития поощрительных мер, применяемых в воспитательной работе с осужденными в пенитенциарной системе России. На основании этого вносится предложение по включению в перечень поощрительных норм, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством, ранее применявшихся моральных поощрений осужденных.

Ключевые слова: поощрения; поощрительные меры; осужденные; исправительно-трудовая система; уголовно-исполнительная система.

Retrospective Development Analysis of incentive measures of Inmates in the Penal System of Russia

A.S. MISYURYOV – Lecturer of the Chair for Guard and Convoy Organization in Penal System of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Postgraduate of the Solikamsk State Pedagogical Institute

The article deals with the retrospective analysis of development of inmates' encouragement used in educational work with inmates in different historical periods of Penal System in Russia. On the basis of the carried-out analysis it is offered to include moral encouragement as norms of inmates' encouragement in Penal legislation.

Key words: incentive; incentive measures; inmates; correction-labour system; penal service.

Процесс реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2020 г. предполагает изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы через усиление психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе. Проведение ретроспективного анализа развития поощрительных мер в отношении осуж-

денных в отечественной пенитенциарной системе обусловлено потребностью в совершенствовании уголовно-исполнительной политики в части дополнения системы поощрений осужденных иными стимулами, способствующими их правопослушному поведению и активной ресоциализации¹.

Практика реализации поощрительных мер в отношении осужденных в России охватывает сравнительно небольшой времен-

ной период. Долгое время поощрения к преступникам при отбывании ими различных наказаний не применялись. Зарождение соответствующего института стало возможным в XIX в. после реформ государственного устройства и последующего появления норм права, введших в пенитенциарную практику России элементы европейской прогрессивной системы отбывания наказания.

Тюремная реформа 1879 г. значительно изменила систему наказаний, установив в качестве основного вида наказания лишение свободы и избрав ведущей формой его реализации тюремное заключение, что привело к образованию в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления. В этот период к заключенным впервые начали применяться поощрения материального характера. С.Л. Бабаян, характеризуя исторические периоды правовой регламентации поощрений и взысканий в пенитенциарной практике России, отмечал: «Вопрос о необходимости законодательно урегулировать проблему справедливого вознаграждения заключенных за труд рассматривался различными комиссиями, по их мнению, заработная плата заключенного должна делиться на две равные части, одна из которых поступает в казну, а другая в свою очередь делится еще на две равные части. Первая выдается заключенному на руки при условии его хорошего поведения, а другая начисляется на его имя и выдается при выходе из тюрьмы»².

Постепенно российские правоведы пришли к выводу о необходимости не просто наказывать преступника посредством лишения свободы, а пытаться изменить его преступные наклонности путем реализации воспитательных методов, в том числе применения поощрений. Выдающийся русский ученый-юрист Н.С. Таганцев в своем труде по уголовному праву, изданном в 1902 г., писал: «Цель тюремного воспитания – подготовка заключенного к затюремной жизни; но, конечно, влияние тюрьмы проявляется и во время заключения в поведении арестанта, отражаясь в наградах и взысканиях»³.

Мотивируя возможность применения поощрений к осужденным в тюремной системе царской России, профессор Н.С. Таганцев замечал: «Нередко преступник есть в известных отношениях взрослое дитя, для воздействия на которое могут оказаться весьма пригодными поощрение и ласка. С другой стороны, если мы повсеместно в жизни видим, какое значение придают люди, даже весьма интеллигентные и впол-

не добропорядочные, разного рода отличиям, наградам, орденам и т.п., то не будет ли фарисейством требовать от арестантов исполнения ими обязанностей только во имя сурового принципа сознания долга? Оттого-то почти во всех тюремных системах мы находим допущение наград или, по крайней мере, известных льгот для арестантов за хорошее их поведение в тюрьме»⁴.

В 1909 г. законом «Об условном досрочном освобождении» была введена новая поощрительная норма, предусматривающая применение к заключенным, которые положительным поведением и трудом доказали свое исправление, досрочного освобождения из мест лишения свободы. Исследователь Ю.Ф. Соцкий приводит высказывание министра юстиции царского правительства И.С. Щегловатова: «В основу института условного досрочного освобождения положена мысль о возможности освобождения от наказания лица, которое во время отбытия этой кары отмечалось хорошим поведением и подавало надежду на исправление, под условием соблюдения закона на свободе и особо установленных правил поведения»⁵.

Период развития пенитенциарной системы России после революции 1917 г. характеризуется утверждением новых подходов к отбыванию наказания. Советское государство с первых дней своего существования придавало важное значение работе по воспитанию, перевоспитанию и нравственной перестройке осужденных в период отбывания ими лишения свободы.

Среди научных и практических работников пенитенциарной системы молодого советского государства было распространено мнение о необходимости применения поощрений к осужденным преступникам из числа трудящихся. Принятый в 1924 г. первый исправительно-трудовой кодекс (ИТК РСФСР) определял поощрения, которые могли применяться только к осужденным из числа пролетариата. В частности, в этом документе отмечалось: «Проявление осужденными из среды трудящихся особо продуктивного труда и приобретение ими профессиональных навыков, свидетельствующих о происшедшем приспособлении к условиям трудового общежития, поощряется по постановлению распределительной комиссии зачетом двух дней за три дня срока лишения свободы»⁶.

Особого внимания заслуживает система поощрений, применявшаяся в 20–30 гг. прошлого века известным педагогом А.С. Макаренко в колониях и коммунах для несовер-

шеннолетних преступников. Важная роль им отводилась именно церемониальным поощрениям. В одном из сочинений А.С. Макаренко содержится такое воспоминание: «В коммуне им. Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях: подарок, денежная премия и самая высокая награда – благодарность в приказе перед строем, и за эту благодарность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, но за нее дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями и по приказу на площадке строилась вся коммуна в военно-строевом порядке. Выходит оркестр, приходят все преподаватели, инженеры, инструктора, становятся отдельной шеренгой. Дается команда: "Смирно!" Выносятся знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносятся благодарность, и читается приказ: на основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность»⁷.

В 1930 г. в стране утверждается лагерная исправительно-трудовая система и появляется знаменитый ГУЛАГ (Главное управление лагерей), в структуре которого повышенное внимание уделялось трудовой деятельности заключенных. В это время на первый план вышли поощрения, стимулирующие трудовые успехи. Так, принятым 7 апреля 1930 г. «Положением об исправительно-трудовых лагерях» предусматривалось, что к заключенным, которые проявят усердное отношение к труду и хорошее поведение, применяются следующие поощрения: объявление благодарности в приказе по отдельному лагерю или по управлению лагерей с занесением в личное дело, выдача премиального вознаграждения (денежного или натурального), улучшение жилищных и бытовых условий, предоставление внеочередного свидания, свободных прогулок, получение и отправление корреспонденции вне нормы и очереди, предоставление права перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 100 руб. в месяц, перевод на более квалифицированную работу.

Второй ИТК РСФСР, принятый 1 августа 1933 г., значительно расширил перечень поощрительных мер, которые могли применяться к осужденным. В данном документе

указывалось, что за особо высокие показатели производительности труда на производстве, в политико-воспитательной работе и других областях деятельности мест лишения свободы, а также за ценные производственные предложения и общественно полезную инициативу к лицам, лишенным свободы, кроме общих поощрительных мер. Начальником места лишения свободы могут применяться следующие меры поощрения: публичное одобрение с занесением в личное дело и доведением до сведения всех, лишенных свободы; предоставление свиданий сверх установленной нормы; улучшение питания; премирование деньгами или вещами. Также вводится новый вид поощрения – снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания.

Кроме того, для повышения мотивации осужденных к работе администрация исправительно-трудовых лагерей могла сама вводить дополнительные льготы передовикам производства из числа заключенных. А.А. Телегин приводит следующий пример: «Начальник Дмитровского исправительно-трудового лагеря в ноябре 1936 года своим приказом установил льготный порядок предоставления личных свиданий осужденным, занятым на земляных и бетонных работах. При выработке за квартал свыше 120% свидание на 10 суток предоставлялось каждые шесть месяцев»⁸.

Великая Отечественная война не внесла существенных изменений в систему мер поощрения, но вполне объяснимо, что в этот период особенное значение приобрела мера поощрения в виде досрочного освобождения из мест лишения свободы с последующим направлением в ряды Красной армии и на фронт⁹.

Окончание войны вызвало необходимость пересмотра приоритетных направлений стимулирования правопослушного поведения заключенных.

В 1956 г. было признано нецелесообразным дальнейшее существование исправительно-трудовых лагерей как не обеспечивающих выполнение важнейшей государственной задачи – перевоспитания заключенных в труде. В связи с этим они были преобразованы в исправительно-трудовые колонии.

С.И. Деменьтьев отмечает, что осужденные, содержащиеся в исправительно-трудовых колониях, в послевоенные годы имели право на проведение общих и личных свиданий, получение передач и посылок, а также на неограниченную переписку с род-

ственниками. «За ударный труд они получали премиальное вознаграждение в размере до 100 рублей. При этом 15% из этой суммы зачислялись на лицевой счет и выдавались при освобождении. Раз в году осужденному предоставлялся рабочий отпуск продолжительностью в десять дней без выхода из лагеря или колонии. Разрешалось ношение гражданской одежды и хранение наличных денег, а также получение денежных переводов на неограниченную сумму»¹⁰.

Важной вехой в истории пенитенциарной системы России явилось образование в 1963 г. нового вида учреждений, колоний-поселений для осужденных, переведенных в порядке поощрения из охраняемых исправительно-трудовых колоний¹¹. В колониях-поселениях осужденные содержались без охраны и находились в условиях, близких к свободной жизни. Они имели достаточно широкий круг прав и свобод, особенно в сфере гражданских и семейных правоотношений, могли иметь имущество в личной собственности, обладали правом пользования жилым помещением, правом наследовать и завещать имущество, реализовывать авторские права, быть истцами и ответчиками в суде. Направление осужденных из закрытых колоний в колонии-поселения в качестве поощрения стало стимулирующим инструментом в руках администрации мест лишения свободы.

Необходимо отметить, что к концу 60-х гг. уже были сформированы определенные предпосылки для дополнения перечня поощрительных мер. Принятый в 1970 г. ИТК РСФСР предусматривал широкий круг поощрительных мер морального характера, применяемых к осужденным в местах лишения свободы: за хорошее поведение и честное отношение к труду и обучению им могли назначаться объявление благодарности, занесение на доску передовиков производства (сейчас такое поощрение не предусмотрено), награждение похвальной грамотой (сейчас отсутствует), премирование за лучшие показатели в работе, разрешение на получение дополнительно одной посылки или передачи, разрешение на получение дополнительного краткосрочного или длительного свидания, а также телефонного разговора, разрешение дополнительно расходовать деньги на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости ежемесячно, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, перевод в условия более мягкого режима, увеличение времени прогулки (осужденным, содержащимся

в тюрьме). Данный перечень затем практически не менялся на всем протяжении существования исправительно-трудовой системы СССР.

Демократические преобразования и последующий распад Советского Союза вызвали необходимость внесения существенных изменений в пенитенциарную политику России и реформирования исправительно-трудовой системы. В 1993 г. законодательно было закреплено понятие уголовно-исполнительной системы, в рамках которой началась переориентация воспитательной работы с осужденными на применение к ним педагогически обоснованных мер. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, принятом в 1997 г., выделяется в зависимости от их значимости и содержания три группы поощрительных мер. К первой относятся меры, направленные на педагогическое стимулирование положительных индивидуально-личностных характеристик осужденных. Они применяются к осужденным за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в работе самодеятельных организаций и воспитательных мероприятиях и носят, как правило, разовый ситуационный характер. Таковыми являются: объявление благодарности, награждение подарком, премирование, разрешение на получение дополнительной посылки или передачи, разрешение на дополнительный разговор по телефону, предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания, разрешение дополнительно расходовать деньги в сумме до одной четверти минимальной месячной оплаты труда на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости, увеличение времени прогулки лицам, содержащимся на строгих условиях отбывания наказания в исправительных колониях, помещениях камерного типа и тюрьмах, до двух часов в день на срок до одного месяца, досрочное снятие ранее наложенного взыскания.

Вторую группу образуют поощрительные меры, связанные с трудовой и режимной составляющей исполнения наказания. Они применяются к осужденным, демонстрирующим хорошее поведение и честное отношение к труду, имеющим положительную характеристику, и состоят в переводе из одного исправительного учреждения в другое с иным видом режима, перевод осужденного из тюрьмы в исправительную колонию и перевод осужденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в колонии-поселения.

В третью группу входят меры, освобождающие осужденного от последующего исполнения наказания. Это высшая форма поощрения, и применяется она только к осужденным, которые для своего исправления не нуждаются в полном отбывании наказания, назначенного судом. Основание реализации этих мер – высокая степень исправления осужденного: в отношении последнего администрации исправительного учреждения не должно быть ни малейшего сомнения в том, что процесс исправления завершен, и потому дальнейшее его пребывание в исправительном учреждении не является необходимостью. К рассматриваемым поощрениям относят представление к условно-досрочному освобождению, возбуждение ходатайства о помиловании.

Подводя итог рассмотрению системы развития поощрительных мер в истории пенитенциарной системы России, необходимо констатировать, что в поощрительных мерах, применяемых к осужденным, воплотилось удачное сочетание двух категорий поощрения – поощрения как метода

педагогического воздействия на личность преступника в узком смысле и поощрения, изменяющего условия содержания, как элемента прогрессивной системы.

В современных условиях реформирования уголовно-исполнительной системы повышенное внимание уделяется педагогически обоснованным мерам, способствующим преодолению личностных деформаций осужденных, их интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения. Проведенный анализ позволяет внести предложение о включении в нормы уголовно-исполнительного законодательства ранее применявшиеся к осужденным моральные поощрения – занесение на доску передовиков производства, награждение похвальной грамотой, публичное объявление о достижениях и заслугах на общем построении учреждения. Необходимо осуществлять дальнейшие научные изыскания в целях разработки и внедрения новых мер поощрения, имеющих педагогическую направленность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» (ред. от 31.05.2012 г.) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Моногр. М., 2007. С. 70.

³ Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Ч. 2. <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum106/item1012.html>

⁴ Там же.

⁵ Соцкий Ю.Ф. Правовое регулирование исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в дореволюционной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. С. 135.

⁶ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 22.

⁷ Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания. <http://antmakarenko.narod.ru> (Лекция вторая «Disciplina, режим, наказания и поощрения»).

⁸ Телегин А.А. Правовые и организационные основы дифференциации лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в период 1917–1953 гг.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 128–129.

⁹ См.: Исаков В.М. Правовое регулирование режима отбывания наказания в ИТЛ в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1956 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

¹⁰ Дементьев С.И. Лишение свободы: тюрьмы, лагеря, колонии. Краснодар, 1996. С. 33.

¹¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.06.1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 26. С. 591–592.

¹ См.: Распоряжение Правитель'ства RF от 14.10.2010 g. № 1772-r «O Konceptcii razvitiija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» (red. ot 31.05.2012 g.) // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² Babajan S.L. Pravovoe regulirovanie primenenija mer pooshhrenija i vzyskanija v vospitate'nom vozdejstvii na osuzhdennyh, otbывajushhijh nakazanie v vide lishenija svobody: Monogr. M., 2007. S. 70.

³ Tagancev N.S. Ugolovnoe pravo (Obshhaja chast'). Ch. 2. <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum106/item1012.html>

⁴ Там же.

⁵ Sockij Ju.F. Pravovoe regulirovanie ispolnenija ugovolnogo nakazanija v vide lishenija svobody v dorevoljucionnoj Rossii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 1998. S. 135.

⁶ Zemskov V.N. GULAG (istoriko-sociologicheskij aspekt) // Sociologicheskie issledovanija. 1991. № 6. S. 22.

⁷ Makarenko A.S. Problemy shkol'nogo sovetskogo vospitanija. <http://antmakarenko.narod.ru> (Lekcija vtoraaja «Disciplina, rezhim, nakazanija i pooshhrenija»).

⁸ Telegin A.A. Pravovye i organizacionnye osnovy differenciacii lic, sodержashhihsja v mestah lishenija svobody, v period 1917–1953 gg.: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1997. S. 128–129.

⁹ Sm.: Isakov V.M. Pravovoe regulirovanie rezhima otbывanija nakazanija v ITL v period Velikoj Otechestvennoj vojny i v poslevoennye gody (1941–1956 gg.): Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1997.

¹⁰ Dement'ev S.I. Lishenie svobody: tjur'my, lagerja, kolonii. Krasnodar, 1996. S. 33.

¹¹ Sm.: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 26.06.1963 g. «Ob organizacii ispravitel'no-trudovyh kolonij-poselenij i o porjadke perevoda v nih osuzhdennyh k lisheniju svobody, tverdo vstavshih na put' ispravlenija» // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1963. № 26. S. 591–592.

Правовая природа института передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве гражданства

Л.Л. ЕВСИЧЕВА – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

В статье раскрывается понятие «институт передачи осужденных лиц», дается формулировка исследуемого понятия с учетом развития международного сотрудничества в данной сфере, исследуется правовая природа, анализируются основные нормативно-правовые акты в данной области.

Ключевые слова: институт передачи для отбывания наказания; выдача осужденного; конвенция; международное сотрудничество.

Legal nature institute of the transfer of a person sentenced to imprisonment to serve sentence in the state of nationality

L.L. EVSICHEVA – Lecturer of the Chair for Penal Law and Educational Work Organization, Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia

The author pays special attention to disclosure of the essence of «Institute of the transfer of sentenced persons», the author offers a formulation essence of the concept with the development of international cooperation in this area, investigated the legal nature of the Institute, analyzed the basic regulations.

Key words: institute transfer to serve their sentence; extradition of the convicted; convention; international cooperation.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 год одним из основных направлений является развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями¹.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства включает в себя институт правовой помощи по уголовным делам, институт выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора и институт передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. В условиях глобализации, интеграции, миграции населения и роста транснациональной преступности институт передачи осужденных лиц приобретает особое значение².

Институт передачи осужденных лиц – сравнительно новое направление междуна-

родного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, цель которого состоит в развитии международного сотрудничества в области исправления и перевоспитания осужденных, а также возвращения их в общественную жизнь и предупреждения совершения ими новых преступлений.

Анализ статистических данных позволяет утверждать, что в настоящее время данный правовой институт – это динамичное и актуальное направление международного сотрудничества. Так, за период с 2009 по 2010 гг. из России были переданы 222 гражданина государств Совета Европы (СЕ) и приняты 20 российских граждан³, в 2007 г. судами было рассмотрено 246 материалов, связанных с передачей лица иностранному государству для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является, в 2011 г. количество таких материалов составило уже 518. Кроме того, в 2007 г. судами рассмотрено 34 материала о признании приговоров иностран-

ных судов и 46 аналогичных материалов в 2011 г.⁴

Не следует путать выдачу осужденных и передачу осужденных – это смежные понятия, но не тождественные. Иногда институт передачи именуется выдачей осужденных или выдачей обвиняемых. Следует заметить, что понятие выдачи предполагает выдачу как обвиняемых, так и осужденных. В данном случае возникает смешение понятий, поэтому целесообразно установить различия между выдачей осужденного и передачей осужденного лица в государство его гражданства для отбывания наказания. В обоих случаях межгосударственной процедуре выдачи либо передачи предшествует судебное разбирательство и вынесение обвинительного приговора. Однако при выдаче имеется в виду приговор, вынесенный судом запрашивающего (требующего выдачи) государства в отношении лица, оказавшегося на территории запрашиваемого государства, но не имеющего его гражданства, а являющегося либо гражданином запрашивающего государства, либо гражданином третьего государства, либо лицом без гражданства. При передаче предполагается приговор, вынесенный судом государства в отношении лица, совершившего преступление, подпадающего под юрисдикцию этого государства, но являющегося гражданином другого государства, которое выражает согласие или намерение принять осужденного гражданина в целях отбывания им наказания в виде лишения свободы⁵. Таким образом, выдача преступников (экстрадиция) состоит в передаче лиц в другое государство для их уголовного преследования и наказания в этом государстве; передача осужденных предусматривает лишь исполнение наказания в отношении лиц, осужденных в другом государстве⁶.

Необходимо отличать институт передачи осужденных от других институтов международного сотрудничества. В частности, 23 марта 1997 г. в рамках СНГ была заключена Конвенция о передаче лиц, страдающих психическим расстройством, для проведения принудительного лечения (кроме России государства-участники: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан и Украина)⁷. Институт передачи лиц, страдающих психическим расстройством, для проведения принудительного лечения – это новый правовой институт, формально не связанный с институтом передачи осужденных.

В современных юридических изданиях достаточно редко встречается определение передачи осужденных, в основном данный институт регламентируется в учебной литературе⁸.

Обратимся к научным исследованиям. Так, П.Н. Бирюков в диссертационном исследовании отметил, что для возвращения отбывающих наказание лиц к нормальной жизни необходимо, чтобы им была предоставлена возможность отбывать наказание в стране гражданства, понятие передачи осужденных отсутствует⁹.

В.М. Волженкина, исследуя нормативно-правовую базу, основания и порядок передачи осужденных, не раскрывает сущности понятия¹⁰.

А.И. Бойцов в одной из своих работ дает следующее определение: «Передача заключенных – это передача лиц, осужденных к лишению свободы или отбывающих его в одном государстве, для приведения в исполнение приговора в государство, гражданами или постоянными жителями которого они являются»¹¹.

К.Е. Колибаб отмечает, что «передача осужденного – акт гуманности со стороны государства, судом которого вынесен приговор. Этот акт рассчитан на повышение эффективности исполнения наказания благодаря перемещению осужденного в более благоприятную для него среду (постоянное пользование родным языком, привычные правила общения, большие возможности связи с близкими и др.) и сокращение вследствие этого ограничений прав осужденного»¹².

Развернутое определение дала Д.Н. Шурхнова: «Передача осужденного – это акт международного сотрудничества, осуществляемый на основе международного и внутрисоюзного законодательства, состоящий в передаче лица, совершившего преступление и осужденного одним государством, другому государству, гражданином которого является осужденный, для исполнения наказания в виде лишения свободы. Передача осуществляется по инициативе обоих государств, самого осужденного и его представителей в целях обеспечения возможности лицу отбывать наказание в государстве гражданства (или постоянного места жительства)»¹³.

Т.В. Решетнева дает такое определение передаче: «Передача как субинститут права представляет собой совокупность норм права и принципов, определяющих порядок перемещения осужденного из государства

вынесения приговора в государство исполнения приговора для дальнейшего отбывания наказания, назначенного в государстве вынесения приговора»¹⁴.

В научных публикациях высказывается мнение о том, что совершенствуется правовое регулирование передачи осужденных к лишению свободы лиц для отбывания наказания в страну гражданства как самостоятельное направление международного сотрудничества в сфере уголовного процесса в силу того, что данный институт имеет свою специфическую правовую природу, регламентацию самостоятельными нормами международного и национального права, индивидуальное содержание и строго определенную цель¹⁵. Данная позиция представляется обоснованной и соответствующей развитию международного сотрудничества в этой сфере.

Нами предлагается следующая формулировка: передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, – это самостоятельное направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, в рамках которого осужденному предоставляется возможность отбывать наказание в стране гражданства или постоянного места жительства, что способствует более эффективному достижению целей уголовного наказания, а также соблюдению принципа гуманности.

Под правовой основой любого вида деятельности обычно подразумевается совокупность правовых норм, регулирующих порядок осуществления соответствующей деятельности. Причем упомянутые нормы могут быть сосредоточены в различных правовых актах как по их наименованию, так и по юридическому значению. Такими актами могут быть законы, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, решения высших судебных инстанций, различного рода отечественные приказы и инструкции ведомственного и межведомственного характера¹⁶.

На национальном уровне вопросы передачи регулируются Конституцией Российской Федерации и гл. 55 УПК РФ. Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 63) устанавливает, что передача осужденных осуществляется на основе федерального закона или международного договора Российской Федерации. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации,

содержащий в себе раздел, посвященный данному вопросу, в частности гл. 55 «Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является», по существу является разделом федерального закона, регулирующим передачу осужденных¹⁷.

В СССР институт передачи осужденных лиц в государства гражданства применялся редко, что связано, по мнению В.Ф. Цепелева, с отсутствием в Основах исправительно-трудового законодательства СССР и союзных республик, ИТК РСФСР и других союзных республик нормы, регламентирующей передачу осужденного в страну гражданства¹⁸.

Одним из первых документов в рамках развития международного сотрудничества в области передачи осужденных была заключена Европейская конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам от 28 мая 1970 г. (Россия не является участником), которая, хотя и разрешает передачу заключенных, все же содержит два главных недостатка: ее ратифицировало лишь небольшое количество государств-членов, и процедура, содержащаяся в ней, не способствовала оперативному разрешению вопросов передачи иностранных заключенных¹⁹.

Важным документом, предусматривающим процедуру передачи осужденных, является Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, подписанная 19 мая 1978 г. в Берлине (Берлинская конвенция). Участники – восточноевропейские страны (Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия), а также Куба и Монголия²⁰.

В целях обеспечения исполнения СССР положений Берлинской конвенции 1978 г. были изданы Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.08.1979 г. «О порядке выполнения обязательств, вытекающих для СССР из Конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются»²¹, а также Инструкция по применению данного Указа, утвержденная 25 октября 1979 г. Генпрокурором, министром юстиции, Председателем Верховного Суда СССР и министром внутренних дел СССР. Данный указ в перечне союзных нормативных правовых актов, признанных не действующими на территории Российской Федерации с даты вступления в силу УПК

РФ (ст. 3 Закона о введении в действие УПК), не значится. Следовательно, оба вышеупомянутых союзных акта применяются²².

Следующим документом подобного рода стала Европейская конвенция о передаче осужденных лиц (Страсбург, 21 марта 1983 г.) – Страсбургская конвенция²³, подписывая которую государства – члены Совета Европы исходили из того, что международное сотрудничество в области решения уголовных дел должно способствовать цели возвращения осужденных лиц в общественную жизнь, лучшим средством достижения которой служит предоставление иностранцам, осужденным за совершенное ими преступление, возможности отбывать наказание в близкой им общественной среде. Указанная конвенция и Дополнительный протокол к ней от 18 декабря 1997 г. были ратифицированы Российской Федерацией в июне 2007 г. и вступили в силу 1 декабря 2007 г.²⁴

В развитие этой тенденции Россия заключила двусторонние договоры о передаче осужденных для отбывания наказания с такими странами, как Азербайджан, Ал-

бания, Грузия, Иран, Испания, Кипр, Китай, Кыргызстан, Латвия, Литва, Мадагаскар, Молдова, Тунис, Туркменистан, Финляндия и Эстония²⁵.

В рамках СНГ была разработана и подписана в Москве 6 марта 1998 г. Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания. Россия ратифицировала Конвенцию 13 октября 2009 г. с оговорками²⁶.

Международное законодательство, которое регламентирует процесс передачи осужденных лиц, создает предпосылки для развития внутригосударственных нормативно-правовых актов.

Таким образом, нами определена сущность понятия института передачи лица для дальнейшего отбывания наказания как самостоятельного направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и правовая природа передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве гражданства как на международном, так и на национальном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 31.05.2012 г.) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

² См.: Постановление Пленума ВС РФ от 14.06.2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Российская газета. 2012. 22 июня.

³ См.: Буянова К.А. Взаимодействие Российской Федерации с государствами – членами Совета Европы в части реализации положений Конвенции о передаче осужденных лиц от 21 марта 1983 года // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 4–9.

⁴ См.: Дорошков В.В. Комментарий к постановлению Пленума ВС об экстрадиции // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 64.

⁵ См.: Международное право: Учеб. / Под ред. Г.В. Игнатенко. М., 1995. С. 275.

⁶ См.: Галкин В.М. Конвенция о передаче осужденных в государства гражданства (законодательные проблемы) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды 20. М., 1981. С. 159.

⁷ См.: Конвенция о передаче лиц, страдающих психическим расстройством, для проведения принудительного лечения // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 383.

⁸ См.: Уголовный процесс: Учеб. для вузов / Под ред. В.И. Радченко. М., 2006; Уголовный процесс: Учеб. / Под ред. В.П. Божьева. М., 2006.

⁹ См.: Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 210.

¹⁰ См.: Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе (проблемы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 178–184.

¹¹ Бойцов А.И. Выдача преступников. М., 2004. С. 385.

¹² Колибаб К.Е. Институт передачи осужденных для отбывания наказания в другие государства // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 90.

¹ См.: Распоряжение Правитель'ства Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 g. № 1772-r (red. ot 31.05.2012 g.) «O Konceptcii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

² См.: Postanovlenie Plenuma VS RF ot 14.06.2012 g. № 11 «O praktike rassmotrenija sudami voprosov, svjazannyh s vydachej lic dlja ugovolnogo presledovanija ili ispolnenija prigovora, a takzhe peredachej lic dlja otbyvanija nakazanija» // Rossijskaja gazeta. 2012. 22 ijunja.

³ См.: Bujanova K.A. Vzaimodejstvie Rossijskoj Federacii s gosudarstvami – chlenami Soveta Evropy v chasti realizacii polozhenij Konvencii o peredache osuzhdennyh lic ot 21 marta 1983 goda // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2012. № 1. S. 4–9.

⁴ См.: Doroshkov V.V. Kommentarij k postanovleniju Plenuma VS ob jekstradicii // Ugolovnyj process. 2012. № 8. S. 64.

⁵ См.: Mezhdunarodnoe pravo: Ucheb. / Pod red. G.V. Ignatenko. M., 1995. S. 275.

⁶ См.: Galkin V.M. Konvencija o peredache osuzhdennyh v gosudarstva grazhdanstva (zakonodatel'nye problemy) // Problemy sovershenstvovanija sovetskogo zakonodatel'stva. Trudy 20. M., 1981. S. 159.

⁷ См.: Konvencija o peredache lic, stradajushihh psihicheskim rasstrojstvom, dlja provedenija prinuditel'nogo lechenija // SZ RF. 2002. № 5. St. 383.

⁸ См.: Ugolovnyj process: Ucheb. dlja vuzov / Pod red. V.I. Radchenko. M., 2006; Ugolovnyj process: Ucheb. / Pod red. V.P. Bozh'eva. M., 2006.

⁹ См.: Birjukov P.N. Mezhdunarodnoe ugovolno-processual'noe pravo i pravovaja sistema Rossijskoj Federacii: teoreticheskie problemy: Dis. ... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2001. S. 210.

¹⁰ См.: Volzhenkina V.M. Primenenie norm mezhdunarodnogo prava v rossijskom ugovolnom processe (problemy teorii i praktiki): Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1999. S. 178–184.

¹¹ Bojcov A.I. Vydacha prestupnikov. M., 2004. S. 385.

¹² Kolibab K.E. Institut peredachi osuzhdennyh dlja otbyvanija nakazanija v drugie gosudarstva // Zhurnal rossijskogo prava. 1999. № 5/6. S. 90.

¹³ Шурухнова Д.Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств (права, законные интересы личности и их гарантии): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 27.

¹⁴ Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2009. С. 113.

¹⁵ См.: Абдрашитова Р.З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшего развития // Право и политика. 2006. № 2.

¹⁶ См.: Спанов Б.И. Международное сотрудничество органов предварительного следствия МВД Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 24.

¹⁷ См.: Колчевский И.Б., Борбат А.В., Завидов Б.Д. Выдача лица для уголовного преследования и исполнения приговора (комментарий уголовно-процессуального законодательства) // СПС "КонсультантПлюс".

¹⁸ См.: Цепелев В.Ф. Уголовная ответственность иностранных граждан. М., 1992. С. 55.

¹⁹ См.: Буянова К.А. Взаимодействие Российской Федерации с государствами-членами Совета Европы в части реализации положений Конвенции о передаче осужденных лиц от 21 марта 1983 г. С. 4–9.

²⁰ Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 3 апреля 1979 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 33. Ст. 539). Вступила в силу 26 августа 1979 г. Текст см.: Международное право в документах. М., 1982. С. 419–424.

²¹ См.: ВВС СССР. 1979. № 33. Ст. 540.

²² См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. М., 2006.

²³ Вступила в силу 1 июня 1985 г. (см.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998).

²⁴ См.: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 206-ФЗ «О ратификации Конвенции о передаче осужденных лиц и дополнительного протокола к ней» // Российская газета. 2007. 31 июля.

²⁵ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный).

²⁶ См.: Федеральный закон от 13.10.2009 г. № 235-ФЗ «О ратификации Конвенции о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания» // Российская газета. 2009. 16 окт.

¹³ Shuruhnova D.N. Vydacha, peredacha i vydvorenje lic v otnoshenijah gosudarstv (prava, zakonnye interesy lichnosti i ih garantii): Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2001. S. 27.

¹⁴ Reshetneva T.V. Jekstradicija polipatridov v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: problemy teorii i praktiki: Dis. ... kand. jurid. nauk. Izhevsk, 2009. S. 113.

¹⁵ Sm.: Abdrashitova R.Z. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere ugolovnogogo sudoproizvodstva: problemy stanovlenija i dal'nejshee razvitie // Pravo i politika. 2006. № 2.

¹⁶ Sm.: Spanov B.I. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo organov predvaritel'nogo sledstvija MVD Rossijskoj Federacii v sfere ugolovnogogo sudoproizvodstva: Dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2004. S. 24.

¹⁷ Sm.: Kolchevskij I.B., Borbat A.V., Zavidov B.D. Vydacha lica dlja ugolovnogogo presledovanija i ispolnenija prigovora (kommentarij ugolovno-processual'nogo zakonodate'l'stva) // SPS "Konsul'tantPljus".

¹⁸ Sm.: Cepelev V.F. Ugolovnaja otvetstvennost' inostrannyh grazhdan. M., 1992. S. 55.

¹⁹ Sm.: Bujanova K.A. Vzaimodejstvie Rossijskoj Federacii s gosudarstvami-chlenami Soveta Evropy v chasti realizacii polozhenij Konvencii o peredache osuzhdennyh lic ot 21 marta 1983 g. S. 4–9.

²⁰ Ratificirovana Prezidiumom Verhovnogo Soveta SSSR 3 aprilja 1979 g. (Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1979. № 33. St. 539). Vstupila v silu 26 avgusta 1979 g. Tekst sm.: Mezhdunarodnoe pravo v dokumentah. M., 1982. S. 419–424.

²¹ Sm.: VVS SSSR. 1979. № 33. St. 540.

²² Sm.: Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / Pod red. V.I. Radchenko, V.T. Tomina, M.P. Poljakova. M., 2006.

²³ Vstupila v silu 1 ijunja 1985 g. (sm.: Sbornik dokumentov Soveta Evropy v oblasti zashhity prav cheloveka i bor'by s prestupnost'ju. M., 1998).

²⁴ Sm.: Federal'nyj zakon ot 24.07.2007 g. № 206-FZ «O ratifikacii Konvencii o peredache osuzhdennyh lic i dopolnitel'nogo protokola k nej» // Rossijskaja gazeta. 2007. 31 ijulja.

²⁵ Sm.: Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj).

²⁶ Sm.: Federal'nyj zakon ot 13.10.2009 g. № 235-FZ «O ratifikacii Konvencii o peredache osuzhdennyh k lisheniju svobody dlja dal'nejshego otbyvanija nakazanija» // Rossijskaja gazeta. 2009. 16 okt.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе и проблема дифференциации процессуальной формы по делам несовершеннолетних

■ **Н.В. МАШИНСКАЯ** – заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматривается понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе, а также круга лиц, составляющих эту группу. На основе анализа норм уголовного и уголовно-процессуального закона формулируется вывод о необходимости четкого закрепления в действующем Уголовно-процессуальном кодексе круга лиц, относящихся к несовершеннолетним, и дифференциации уголовного судопроизводства в зависимости от личностных особенностей несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетний; уголовное судопроизводство; вменяемость; невменяемость; психическое развитие.

The Juvenile concept in the criminal process and the problem of differentiation of procedural form of juvenile

■ **N.V. MASHINSKAYA** – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Chair for Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University

The special rules of proceedings in juvenile suspects, the accused requires understanding the concept of a minor in criminal proceedings, as well as the range of people that make up this group. Based on the analysis of criminal and criminal procedural law, to draw conclusions about the need for a clear set out in current Code of Criminal Procedure group of persons belonging to the minors and differentiation of criminal proceedings, depending on the personality characteristics of the minor.

Key words: juvenile; criminal justice; sanity; insanity; mental development.

Выделяя производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в самостоятельную главу, законодатель тем самым признает наличие у них особых прав и обязанностей в уголовном процессе и необходимость повышенной защиты прав и законных интересов данных лиц. Однако, несмотря на дифференциацию уголовного судопроизводства по данному признаку,

понятие «несовершеннолетний» в уголовно-процессуальном законе отсутствует.

При решении вопроса о применении специальных уголовно-процессуальных правил в отношении конкретного лица правоприменитель опирается на общие положения УК РФ, а также нормы об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (гл. 14 УК РФ). Однако,

несмотря на широкое распространение в международно-правовых актах (например, в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правилах)) и в российском отраслевом законодательстве, универсальное определение понятия «несовершеннолетний» отсутствует. Тем не менее для правильного отнесения определенной категории лиц к группе несовершеннолетних, понимания их правового положения в уголовном судопроизводстве, обеспечения прав и законных интересов лиц, попавших в процессуальное положение подозреваемого, обвиняемого, уяснение данного термина представляется необходимым.

Несовершеннолетние, как и другие лица, привлекаются к уголовной ответственности на общих основаниях, то есть они должны обладать признаками субъекта, закрепленными в ст. 19 УК РФ, где возраст является обязательным признаком, характеризующим субъект преступления. В соответствии с данной нормой несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет. Таким образом, в основе понятия «несовершеннолетний» лежит возрастная характеристика.

В доктрине уголовного права возраст понимают в широком и узком смыслах. В первом значении под ним понимается «календарный период, прошедший от рождения до любого другого хронологического момента в жизни человека», во втором – «такой календарный период психофизиологического состояния человека, с которым связаны биологические, социально-психологические и юридические изменения и последствия»¹. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 421 УПК РФ возраст несовершеннолетнего (число, месяц и год рождения) является обстоятельством, подлежащим установлению. Принимая во внимание конструкцию, используемую законодателем при изложении указанной нормы, имеется в виду календарный возраст лица. В то же время законодатель дифференцировал возрастную критерий уголовной ответственности на общий возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ) и пониженный – с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Как отмечает ряд авторов, устанавливая нижнюю границу возраста, с которого наступает уголовная ответственность, законодатель исходил из презумпции того, что при наступлении определенного возраста

несовершеннолетний уже имеет соответствующее интеллектуальное развитие, поэтому способен осознать противоправность совершаемых им действий, а также руководить ими². При этом факт осознания подростком, достигшим возраста уголовной ответственности, противоправности своих действий доказыванию не подлежит, поскольку презюмируется. «Доказыванию», – как указывает О.Д. Ситковская, – подлежит лишь исключение, когда такой подросток в силу особенностей развития обнаруживает признаки, опровергающие презумпцию»³. Таким образом, можно заключить, что для законного производства по уголовному делу следователь, дознаватель должны иметь в виду три возрастные границы несовершеннолетия – 14, 16 и 18 лет. При этом порядок исчисления возраста несовершеннолетнего в уголовно-процессуальном праве дискуссии не вызывает и однозначно решен в правоприменительной практике⁴.

Однако в силу принципа субъективно-вменения рассматривать возраст как единственный критерий, лежащий в основе возможности уголовного преследования конкретного лица, нельзя. Согласимся с мнением О.В. Левченко и Е.В. Мищенко, которые отмечают, что возраст является начальным звеном в цепи «возраст – вменяемость – ответственность»⁵. Достижение установленного уголовным законом возраста уголовной ответственности не означает, что каждый несовершеннолетний непременно достиг определенного психофизиологического уровня развития. В силу различных причин несовершеннолетний может отставать в психическом развитии⁶. Неслучайно психологи выделяют возраст физиологический и умственный (психологический)⁷. Не всегда эти два типа совпадают и образуют хронологический возраст. Например, социологические опросы в Белореченской воспитательной колонии для несовершеннолетних показали, что 30% осужденных учились в коррекционной школе, причем отклонения в развитии большей части детей обусловлены не врожденными заболеваниями, а социальными причинами⁸. По данным ЮНЕСКО, 1 млн 300 тыс. чел. школьного возраста в России не посещают школы – бродяжничают, попрошайничают, ведут асоциальный образ жизни⁹. В такой ситуации вполне можно утверждать о наличии отставания в умственном (психологическом) развитии обозначенных несовершеннолетних, которые либо уже совершают преступления, либо составляют резерв будущей преступ-

ности. В этой связи следует согласиться с Е.М. Луничевым в том, что решение законодателя, закрепленное в ч. 3 ст. 20 УК РФ, является правильным¹⁰. В соответствии с упомянутой нормой, если несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности. Отмечая значение указанного правила, О.Д. Ситковская пишет, что «включение в уголовный закон этой нормы является существенной гарантией против объективного вменения»¹¹. В этих случаях речь идет о своеобразной «невменяемости». О настоящей невменяемости говорить не приходится из-за отсутствия медицинского критерия¹². Для уголовного судопроизводства указанное правило выступает в качестве материального основания для прекращения уголовного преследования такого лица (п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ). Факт отставания несовершеннолетнего в психическом развитии устанавливается путем производства комплексной психолого-психиатрической экспертизы (ст. 195, 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ).

Совершенно иные правовые последствия возникают в том случае, когда в результате производства судебной экспертизы будет установлено наличие не отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, – «возрастной невменяемости» (ч. 3 ст. 20 УК РФ), а наличие психического расстройства лица, не исключающего вменяемости, – «ограниченной невменяемости» (ст. 22 УК РФ). Если в первом случае лицо, независимо от характера и степени общественной опасности совершенного деяния, освобождается от уголовной ответственности, то во втором оно подлежит уголовной ответственности и наказанию. Налицо несопоставимость последствий «возрастной» и «ограниченной вменяемости»: первая всегда «предпочтительнее» для несовершеннолетнего¹³. В этой связи в юридической литературе высказываются заслуживающие внимания предложения. Так, например, Р.И. Бабиченко предлагает в случае обнаружения «возрастной невменяемости» предоставить суду право выбора привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответ-

ственности и с учетом этого обстоятельства направления его в специализированную воспитательную колонию или специальное учебно-воспитательное учреждение¹⁴. Г.В. Назаренко считает, что все меры, применяемые к подросткам, должны исполняться в принудительном порядке, по назначению суда и иметь характер реабилитационного воздействия, осуществляемого в двух направлениях: медицинском – при наличии психической патологии, соматических болезней и сенсорных дефектов, и социальном – при наличии каких-либо дефектов воспитания¹⁵.

Представляется, что устранение выявленного пробела станет возможным в случае четкого определения в уголовно-процессуальном праве круга лиц, являющихся несовершеннолетними, поскольку от этого напрямую зависит наделение лиц рассматриваемой категории дополнительными процессуальными гарантиями по защите их прав и законных интересов. Исходя из анализа вышеуказанных положений УК РФ и УПК РФ к ним следует относить несовершеннолетних, достигших к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности; несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, но отстающих в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством; несовершеннолетних, достигших возраста уголовной ответственности, но страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

В уголовно-процессуальном законе должна быть предусмотрена дифференциация досудебного производства по делам несовершеннолетних с учетом их личностных особенностей развития. В действующем УПК РФ она фактически отсутствует. Аналогичное мнение высказывают О.В. Левченко и Е.В. Мищенко. Аргументируя необходимость совершенствования уголовно-процессуального закона в этой части, авторы справедливо ссылаются на положения международно-правовых актов¹⁶, где закреплено, что «а) умственно отсталое лицо имеет в максимальной степени осуществимости те же права, что и другие люди; б) в случае судебного преследования... оно должно иметь право на должное осуществление законности, полностью учитывающее степень умственного развития; в) умственно отсталое лицо имеет право пользоваться квалифицированными услугами опекуна..., когда это необходимо для защиты его личного благополучия и интересов; г) если... умственно отсталое лицо не может надлежащим об-

разом осуществлять все свои права или же возникает необходимость в ограничении или аннулировании некоторых или всех таких прав, то процедура... ограничения или аннулирования должна предусматривать надлежащие правовые гарантии от любых злоупотреблений»¹⁷. Учитывая, что Российская Федерация ратифицировала названный документ, а также то, что в соответствии

с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, в УПК РФ должны быть внесены изменения, конкретизирующие права несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии и страдающих психическим расстройством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 1. С. 344.

² См.: Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. М., 1982. С. 4; Уголовное право России. Общая часть: Учеб. / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 210–211; Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития. СПб., 2006. С. 70.

³ Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. М., 2009. С. 14.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. № 29.

⁵ Левченко О.В., Мищенко Е.В. Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. М., 2012. С. 6.

⁶ См.: Орлова Ю.Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних / Под ред. А.М. Кустова. М., 2007. С. 11; Ювенальное право: Учеб. для вузов / Под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М., 2007. С. 182.

⁷ См.: Ребер А. Большой толковый психологический словарь. М., 2003. Т. 1. С. 146.

⁸ См.: Социология. Поколение «А» // Российская газета. 2012. № 124.

⁹ См.: Михайлов А. 100 вопросов взрослому о детстве // Российская газета. 2012. № 141

¹⁰ См.: Луничев Е.М. Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М., 2012. С. 46.

¹¹ Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий. С. 19.

¹² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 188.

¹³ См.: Луничев Е.М. Статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. С. 50; Назаренко Г.В. Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002. С. 118; Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. Н. Новгород, 2004. С. 233.

¹⁴ См.: Бабиченко Р.И. Возрастная невменяемость: уголовно-правовые и криминологические проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 11–12.

¹⁵ См.: Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. М., 2009. С. 134.

¹⁶ См.: Левченко О.В., Мищенко Е.В. Правовые основы производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. С. 10–11.

¹⁷ Декларация о правах умственно отсталых лиц, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1971 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml. (дата обращения: 13 июля 2012 г.).

¹ Rossijskoe ugovolnoe pravo: Kurs lekcij / Pod red. A.I. Korobeeva. Vladivostok, 1999. T. 1. S. 344.

² Sm.: Kanevskij L.L. Rassledovanie i profilaktika prestuplenij nesovershennoletnih. M., 1982. S. 4; Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': Ucheb. / Otв. red. B.V. Zdravomyslov. M., 1996. S. 210–211; Juvenal'naja justicija v Rossijskoj Federacii: kriminologicheskie problemy razvitija. SPb., 2006. S. 70.

³ Sitkovskaja O.D. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: psihologicheskij kommentarij. M., 2009. S. 14.

⁴ Sm.: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 01.02.2011 g. № 1 «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentirujushhego osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» // Rossijskaja gazeta. 2011. № 29.

⁵ Levchenko O.V., Mishhenko E.V. Pravovye osnovy proizvodstva po ugovolnym delam v otnoshenii nesovershennoletnih. M., 2012. S. 6.

⁶ Sm.: Orlova Ju.R. Osobennosti rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenij nesovershennoletnih / Pod red. A.M. Kustova. M., 2007. S. 11; Juvenal'noe pravo: Ucheb. dlja vuzov / Pod red. A.V. Zarjaeva, V.D. Malkova. M., 2007. S. 182.

⁷ Sm.: Reber A. Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar'. M., 2003. T. 1. S. 146.

⁸ Sm.: Sociologija. Pokolenie «A» // Rossijskaja gazeta. 2012. № 124.

⁹ Sm.: Mihajlov A. 100 voprosov vzrosloму o detstve // Rossijskaja gazeta. 2012. № 141

¹⁰ Sm.: Lunichev E.M. Status nesovershennoletnego v ugovolnom prave Rossii. M., 2012. S. 46.

¹¹ Sitkovskaja O.D. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: psihologicheskij kommentarij. S. 19.

¹² Sm.: Naumov A.V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshhaja chast': Kurs lekcij. M., 1996. S. 188.

¹³ Sm.: Lunichev E.M. Status nesovershennoletnego v ugovolnom prave Rossii. S. 50; Nazarenko G.V. Nevmenjaemost': Ugolovno-relevantnye psihicheskie sostojanija. SPb., 2002. S. 118; Panchenko P.N. Optimizacija ugovolnoj politiki i problemy pravoporjadka v jekonomike. N. Novgorod, 2004. S. 233.

¹⁴ Sm.: Babichenko R.I. Vozrastnaja nevmenjaemost': ugovolno-pravovye i kriminologicheskie problemy: Dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2004. S. 11–12.

¹⁵ Sm.: Nazarenko G.V. Ugolovno-relevantnye psihicheskie sostojanija lic, sovershivshih prestuplenija i obshhestvenno opasnye dejanija. M., 2009. S. 134.

¹⁶ Sm.: Levchenko O.V., Mishhenko E.V. Pravovye osnovy proizvodstva po ugovolnym delam v otnoshenii nesovershennoletnih. S. 10–11.

¹⁷ Deklaracija o pravah umstvenno otstalyh lic, prinjataja General'noj Assambleej OON 20 dekabrja 1971 g. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml. (data obrashhenija: 13 ijulja 2012 g.).

Юридическая ответственность за правонарушения в земельной сфере

М.В. СИМАКОВ – соискатель кафедры административного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассматривается административная ответственность за правонарушения в сфере земельных отношений. Природа административных правонарушений в земельной сфере анализируется через понятие противоправности.

Ключевые слова: противоправность; административная ответственность; административные правонарушения; земельные отношения.

Legal responsibility for offenses in ground sphere

M.V. SIMAKOV – Postgraduate of the Chair for Administrative Law of the Moscow State Law O.E. Kutafin University (MSLA)

In article deals with the administrative responsibility for offenses in sphere of ground relations. The nature of administrative offenses in ground sphere is considered through the concept of illegality.

Key words: administrative responsibility; administrative offenses; ground relations.

Одним из дискуссионных в юридической науке является вопрос о видах юридической ответственности. Наряду с традиционными (уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная) выделяются такие виды ответственности, как финансовая, бюджетная, налоговая и др. Обратимся к особенностям юридической ответственности за правонарушения в земельной сфере.

Земля представляет собой особый ресурс государства, значение которого является слагаемым двух составляющих – экономической и экологической. С одной стороны, земля выступает пространственным базисом для любого вида производства. В этом заключается ее экономический аспект. С другой стороны, земля с ее плодородным слоем используется как средство производства в сельском хозяйстве, лесной отрасли и в других сферах.

Создание правовых механизмов защиты предполагает обеспечение как экономической, так и экологической безопасности земельных ресурсов. К таким механизмам относится юридическая ответственность за правонарушения в земельной сфере. Данные правонарушения посягают либо на экономические отношения, возникающие в связи с пользованием земельными участками, либо на экологическую безопасность земли, ценность ее как средства производства.

Виды юридической ответственности за правонарушения в земельной сфере определены земельным, уголовным, административным, гражданским и трудовым законодательством.

Согласно гл. XIII ЗК РФ за земельные правонарушения лица, их совершившие, привлекаются к административной, уголовной, дисциплинарной, материальной и гражданской-правовой ответственности.

Некоторые ученые предлагают в качестве отдельного вида выделить земельно-правовую ответственность¹. В качестве аргументов можно привести следующие.

Во-первых, основанием для обособления земельно-правовой ответственности является наличие комплекса необходимых объективных условий: большой общественный интерес, существование кодифицированных источников правового регулирования, специфического земельно-процессуального института, особых видов правонарушений, связанных с особенностями земли, и т.д.

Во-вторых, выделение земельно-правовой ответственности как специальной обусловлено и тем, что земля характеризуется специфическими свойствами, которые затрудняют правовое регулирование земельных отношений традиционными видами юридической ответственности.

На наш взгляд, решение проблем правоохраны в земельной сфере с применением

традиционных институтов уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной видов юридической ответственности достаточно эффективно и отсутствие земельно-правовой ответственности как отдельного вида ответственности не мешает развитию земельных правоотношений.

Для раскрытия природы правонарушений в земельной сфере обратимся к понятию противоправности. Поскольку именно данный признак, присущий всем видам правонарушений, позволяет, на наш взгляд, обнаружить принципиальные отличия одного вида ответственности от другого.

Противоправность представляет собой сложное правовое явление, суть которого заключается в таком поведении субъекта, которое нарушает правовые нормы. Зачастую такое поведение выражает противоречие между частными интересами отдельной личности и интересами общества в целом.

Противоправность неразрывно связана с общественной опасностью, поскольку проявляется в форме посягающего на нормальную жизнь общества поведения.

Противоправность носит межотраслевой характер по отношению к регулятивным нормам. Между тем дифференциация противоправности возможна благодаря присущим ей качественным и количественным характеристикам. Обратимся к краткому описанию отдельных выделяемых в науке видов противоправности: гражданской, материальной, дисциплинарной, административной и уголовной.

Специфика гражданской противоправности заключается в ее договорной природе. Данный вид противоправности возникает в договорных отношениях и именно им причиняет наибольший вред.

Дисциплинарная противоправность отличается тем, что возникает между работником и работодателем, связанными между собой отношениями субординации. Она причиняет вред дисциплине и интересам организации работодателя.

Материальная противоправность во многом схожа с предыдущими. Ее особенность в том, что она сопровождается причинением материального вреда работодателю.

Принципиально отличается от указанных административная противоправность, которая сопряжена с нарушением публичных интересов. Закрепление перечня правонарушений, являющихся проявлением административной противоправности (как и уголовной), свидетельствует о большом внимании со стороны государства, что и

отражается в детальности правовой регламентации.

Уголовная противоправность характеризуется максимально жесткой реакцией со стороны государства, что обусловлено ее большой общественной опасностью.

Исходя из рассмотренных нами видов противоправности, постараемся определить особенности ее проявления в земельной сфере. С методологической точки зрения это позволит взглянуть в глубь проблемы видов юридической ответственности за правонарушения в земельной сфере.

Во-первых, для земельных правоотношений характерно наличие всех перечисленных видов противоправности, то есть регулятивные нормы, закрепленные в земельном законодательстве, нарушаются посредством совершения всех видов традиционно выделяемых в литературе правонарушений: гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных проступков, административных правонарушений и преступлений. На это указывают как положения гл. 13 ЗК РФ, так и нормы, закрепленные в других законах (ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ).

Отсюда возникает закономерный вопрос о месте среди данных видов правонарушений так называемых земельных правонарушений.

Примечательно, что само название гл. 13 ЗК РФ и названия составляющих эту главу статей не отличаются терминологическим единством. В названии главы значатся «правонарушения в области охраны и использования земель», в названиях статей – «земельные правонарушения».

В учебной литературе и научных исследованиях по земельному праву в качестве специфических признаков земельных правонарушений называется непосредственная связь с землей. К данному признаку апеллируют большинство авторов, отстаивающих необходимость выделения специальной земельно-правовой ответственности.

Данный аргумент нельзя считать достаточным. В Особенной части КоАП РФ и УК РФ закреплены различные правонарушения, отличающиеся подобного рода специфической связью с объектами окружающего мира, которая во многом определяет особенности видовых объектов правонарушений. Опираясь на аналогичные аргументы, можно смело выдвигать предложения о самостоятельности таких видов ответственности, как предпринимательская, лесная, культурно-правовая и др.

Основной ошибкой в оспариваемом нами подходе является смещение акцента с регулятивной функции ряда отраслей права на охранительную. Последняя в основном присуща административному и уголовному праву. Безусловно, каждая правовая отрасль включает в себя и охранительные правоотношения, возникающие в связи с совершением различного характера правонарушений. Однако охранительные нормы в данных отраслях чаще всего отсылают к КоАП РФ и УК РФ, то есть имеют бланкетный характер². Это подтверждает анализ ЗК РФ и других природоохранных законов (Лесного, Водного кодексов, Закона об охране окружающей среды).

Отличительными чертами отдельных видов юридической ответственности выступают не только правонарушения как их основания, но и сам характер санкций, применяемых к правонарушителям. Таким образом, второй признак, подчеркиваемый сторонниками земельно-правовой ответственности, заключается в специфике применяемых к нарушителям санкций.

В качестве такой «специфической» санкции применительно к земельно-правовой ответственности называют принудительное прекращение прав на земельный участок собственника, владельца, землепользователя, арендатора за совершение нарушений земельного законодательства путем его безвозмездного изъятия³.

В.Б. Ерофеев наряду с традиционными видами ответственности за земельные правонарушения выделяет специальные виды, необходимость которых ученый обосновывает тем, что к нарушителю могут применяться специальные наказания: лишение права пользования земельным участком, обязанность снести самовольно возведенное строение⁴.

Не земельно-правовая санкция своим наименованием определяет вид юридической ответственности, а наоборот, вид юридической ответственности диктует характер наказания, предусматриваемого санкциями правовой нормы. В подтверждение этой точки зрения сошлемся на Н.М. Колосову, которая, исследуя тему конституционных санкций, указывает, что «в юридической литературе справедливо отмечается, что отнесение санкции к той или иной отрасли права зависит не от их названия, а прежде всего от того, исполнение нормы какой отрасли права они непосредственно обеспечивают»⁵.

Что касается природы принуждения, используемого в специфической санкции –

изъятии земельного участка, то следует обратиться к мнению ученых о гражданско-правовом характере такого принуждения⁶.

В данном случае положения гражданского законодательства, устанавливающего возможность изъятия у собственника земельного участка, обусловлены ограничением количества земельных участков как объектов гражданского оборота, а также их особой важностью для жизни общества. В связи с этим в законе предусмотрены основания для изъятия земельных участков у собственников, которые используют их не по назначению или с нарушением правил, предусмотренных законодательством (ст. 284, 285 ГК РФ). В этом плане следует также указать и на правило ст. 240 ГК РФ, предусматривающее выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей. Здесь проявляется отмечаемая еще Л. Дюги особенность, когда частная собственность перестает быть только индивидуальной, становясь социальной функцией⁷.

На гражданско-правовой характер изъятия земельного участка указывает возможность одновременного привлечения лица за нецелевое использование земель к административной ответственности и изъятию земельного участка. В данном случае изъятие носит восстановительный характер, поскольку направлено на восстановление нарушенного публичного интереса в правильном использовании земли как особого природного ресурса.

Таким образом, рассмотрены два ключевых аргумента, выдвигаемых в защиту концепции земельно-правовой ответственности. Помимо них следует отметить и другие доводы. Так, земельно-правовая ответственность за самовольное занятие земельного участка отличается от административной за данное нарушение, поскольку для привлечения к земельно-правовой ответственности не предусмотрено сроков давности, а для административной предусмотрен срок – не позднее двух месяцев со дня обнаружения; земельно-правовая ответственность предусматривает систему действий (снос самовольно возведенного строения; приведение самовольно захваченного участка в пригодное для использования состояние; восстановление межевых знаков и т.п.), совершаемых виновным или за счет виновного, а административная ответственность предусматривает лишь штрафы; земельно-правовая ответственность может применяться органами местного самоуправления, уполномоченными на то лицами,

а административная ответственность – органами Росреестра.

Однако в большинстве из перечисленных доводов акцент делается на действующее законодательство, а не на саму природу правовых отношений, возникающих по поводу привлечения к ответственности за совершение правонарушений в земельной сфере. Такой подход кроме как «унылым» позитивизмом не назовешь. Принимаемые в последнее время в нашей стране законы отнюдь не характеризуются безупречной научно обоснованной логикой и исключительно правильной юридической техникой. В связи с этим опора в научных исследованиях на букву закона может привести к глубоким заблуждениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Измайлов О.В. Ответственность за нарушение земельного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 7; Ерофеев В.Б. Земельное право России: Учеб. / Отв. ред. Н.И. Краснов. М., 2004. Жариков Ю.Г., Улюкаев В.Х., Чуркин В.Э. Земельное право: Учеб. М., 2003. С. 281, 265; Ибрагимов К.Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал российского права. 2006. № 10; Гончарова Е.А. Проблемы правоприменения норм земельно-правовой ответственности // Правовые вопросы недвижимости. 2008. № 2.

² Следует отметить, что бланкетный характер имеют и многие охранительные нормы, закрепленные в КоАП РФ и УК РФ, отсылающие при квалификации объективной стороны многих правонарушений к нормам регулятивных отраслей. Это, однако, не относят к достоинствам закрепленных в законе составов преступлений и административных правонарушений.

³ См.: Елисеева И.А. Юридическая ответственность за порчу земли. Краснодар, 2004. С. 131.

⁴ См.: Ерофеев В.Б. Земельное право России. С. 426–427.

⁵ Колосова Н.М. К вопросу о конституционных санкциях // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 17.

⁶ См.: Рысаев Ф.Б. Административно-правовое регулирование охраны окружающей среды в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 2003. С. 19; Ромадин М.С. Некоторые проблемы принудительного прекращения прав на землю в Российской Федерации // Государство и право. 2003. № 11. С. 90–96; Комментарий к Федеральному закону от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» (постатейный) / Под ред. М.В. Пономарева. М., 2010.

⁷ См.: Богданов Е.В. Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 6.

Таким образом, правовой механизм противодействия правонарушениям в земельной сфере включает в себя традиционные виды юридической ответственности – гражданско-правовую, дисциплинарную, административную, уголовную. Сторонники земельно-правовой ответственности не предлагают научно обоснованных объективных видовых критериев, отличающих противоправность земельного правонарушения от других видов противоправности. В связи с этим становится ясным, почему земельное законодательство ограничивается применением только традиционных видов ответственности и не определяет понятие земельного правонарушения.

¹ См.: Izmajlov O.V. Otvetstvennost' za narushenie zemel'nogo zakonodatel'stva: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1973. S. 7; Erofeev V.B. Zemel'noe pravo Rossii: Ucheb. / Otv. red. N.I. Krasnov. M., 2004. Zharikov Ju.G., Uljukaev V.H., Churkin V.Je. Zemel'noe pravo: Ucheb. M., 2003. S. 281, 265; Ibragimov K.H. Voprosy zemel'no-pravovoj otvetstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 10; Goncharova E.A. Problemy pravoprimerenija norm zemel'no-pravovoj otvetstvennosti // Pravovye voprosy nedvizhimosti. 2008. № 2.

² Sleduet otmetit', chto blanketnyj harakter imejut i mnogie ohranitel'nye normy, zakreplennye v KoAP RF i UK RF, otsylajushhie pri kvalifikacii ob#ektivnoj storony mnogih pravonarushenij k normam reguljativnyh otraslej. Jeto, odnako, ne odnosjat k dostoinstvam zakreplennyh v zakone sostavov prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij.

³ Sm.: Eliseeva I.A. Juridicheskaja otvetstvennost' za porchu zemli. Krasnodar, 2004. S. 131.

⁴ Sm.: Erofeev V.B. Zemel'noe pravo Rossii. S. 426–427.

⁵ Kolosova N.M. K voprosu o konstitucionnyh sankcijah // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 3. S. 17.

⁶ Sm: Rysaev F.B. Administrativno-pravovoe regulirovanie ohrany okruzhajushhej sredy v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. nauk. M., 2003. S. 19; Romadin M.S. Nekotorye problemy prinuditel'nogo prekrashhenija prav na zemlju v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 11. S. 90–96; Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 10 janvarja 1996 g. № 4-FZ «O melioracii zemel'» (postatejnyj) / Pod red. M.V. Ponomareva. M., 2010.

⁷ Sm.: Bogdanov E.V. Vlijanie nauchnyh vzgljadov Leona Djugi na razvitie grazhdanskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. № 6.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Роль пенитенциарной стрессологии в психологическом сопровождении сотрудников исправительных учреждений и осужденных

А.М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук;

В.Л. ЗУБАРЕВ – инспектор отдела безопасности ИК-4 УФСИН России по Вологодской области

В статье рассматривается формирование процессов психической дезадаптации у сотрудников УИС и осужденных, делается акцент на необходимости повышения компетентности пенитенциарных психологов и других сотрудников исправительных и воспитательных учреждений в области профессионального и пенитенциарного стрессов, в частности с помощью изучения курса пенитенциарной стрессологии, что способствует преодолению стрессиндуцируемых повреждений, повышению стрессоустойчивости и расширению адаптационных ресурсов индивида.

Ключевые слова: пенитенциарная стрессология; профессиональный и пенитенциарный стрессы; духовность; негативное эмоциональное состояние; сотрудник исправительного учреждения; осужденный; психическая дезадаптация; экстремальность.

The role of penal stressology in psychological support for the penal institutions' staff and the convicts

A.M. CHIRKOV – Professor of the Chair for Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor in Medicine;

V.L. ZUBAREV – Inspector of the Security Department in the Correctional Facility № 4 of the Federal Penal Service of Russia in the Vologda Region, Psychologist

The article is devoted to the topic of the necessity to increase the competence of prison psychologists and other staff of correctional and educational institutions in the field of professional and penal stress. The authors indicate the importance of awareness about the role of these phenomena in the process of mental disadaptation of personnel and convicts, and they also present the opportunity to fill the existing gap in knowledge about various aspects of stress in penal psychology in the developed study course of «Penal stressology.» The brief overview of the main parts of the study course is presented. The authors highlight the importance of addressing to the spiritual and moral spheres in overcoming the damage caused by stress, and to increase the adaptive resources of an individual.

Key words: penal stressology; penal and professional stress; spirituality; negative emotional states; prison staff; convicts; mental disadaptation; extremality.

Проблема стресса в последние годы находится в центре внимания самых различных исследований – социологических, психолого-педагогических, медико-биологических и др.

Исправительные учреждения (ИУ), отражающие социально-психологические издержки профессиональной деятельности, во многом связаны с влиянием многочисленных и специфичных стрессорных факто-

ров. К факторам «запуска» профессионального стресса сотрудников исправительного учреждения можно отнести длительность нахождения в условиях постоянной угрозы для жизни; жесткую правовую регламентированность; закрытость и удаленность ИУ; контакт с осужденными, в том числе имеющими аномалии психического развития и психические расстройства; спонтанность и конфликтность общения; наличие властных полномочий; дефицит времени для принятия решений; однообразие и монотонность деятельности; психологическую перегрузку; влияние тюремной субкультуры и др.¹ Помимо напряженной профессиональной деятельности дополнительными экстремальными факторами личного состава являются часто возникающие чрезвычайные обстоятельства и происшествия, стрессоры морально-нравственного характера и социального порядка и т.д.² Все это, вызывая длительное психоэмоциональное перенапряжение, приводит к развитию профессионального стресса, возникновению процессов психосоциальной дезадаптации, что в конечном итоге отражается в деструктивных формах поведения сотрудников, нарушениях дисциплины и законности³. Данное обстоятельство представляет крайне серьезную проблему не только для ИУ, но и для всех правоохранительных органов в плане обеспечения адекватной жизнедеятельности личного состава, сохранения его здоровья и дееспособности. Одним из объективных показателей снижения общей стрессоустойчивости сотрудников ИУ служит повышение уровня суицидов, рост отклоняющегося поведения, пристрастие к алкоголю и другим психоактивным веществам⁴.

Важным направлением деятельности психологической службы ИУ является профилактика пенитенциарного стресса не только у сотрудников, но и у осужденных. Пенитенциарному стрессу отводится главная роль в общем снижении уровня и качества жизни осужденных, что отражает основное каузальное противоречие всей уголовно-исполнительной системы, поскольку исправление наказанием в виде лишения свободы не предусматривает причинение вреда здоровью личности, совершившей преступление. Актуальность проблемы применения превентивных мер по минимизации пенитенциарного стресса напрямую связана с модернизацией системы исправления наказаний, отражающей новый этап реализации принципа гуманизма, обеспечения прав и

свобод осужденных, важнейшим из которых является право на сохранение здоровья как основополагающей фундаментальной ценности человека⁵.

Профессиональная деятельность всего обслуживающего персонала в ИУ, равно как и процесс жизнеобеспечения осужденных в местах лишения свободы, приравниваются по своей сущности к экстремальным видам деятельности, что не только во многом нивелирует результаты социально-реабилитационных мероприятий, но и требует проведения фундаментальных медико-психологических исследований, освоения пенитенциарными медиками и психологами смежных областей знаний, а также разработки собственной методологической базы в области профессионального и пенитенциарного стресса⁶.

Известно, что условия жизни в неволе являются концентрированным «слепок» жизни всего общества, состояние духовно-нравственного здоровья которого в целом характеризуется глубоким системным кризисом морали и нравственности, следствием чего служат антропогенный (демографический) и экономический кризисы, дополняющие общую характеристику развития социального стресса на популяционном уровне⁷.

Следует отметить, что психологическое сопровождение сотрудников и осужденных осложняется необходимостью проведения воспитательного процесса с большим контингентом осужденных и воспитанников, имеющих отклонения в здоровье и страдающих социально значимыми заболеваниями – психическими расстройствами и отклонениями в развитии, СПИДом, туберкулезом и т.д. Значительный рост социально значимой и/или социогенной патологии (нарко- и токсикоманий, психических и психосоматических расстройств, деликвентного поведения и других нарушений психики и поведения) у лиц, находящихся в местах лишения свободы, требует от сотрудников психологической службы исправительных учреждений глубоких знаний о синдроме социальной депривации⁸.

Несмотря на большое количество исследований по проблеме стресса и адаптации, раскрывших важные закономерности и механизмы их развития на разных уровнях организации психобиосоциальных систем и явлений, многие аспекты индуцируемых стрессом процессов остаются не выясненными. В первую очередь это относится к изучению роли духовно-нравственных яв-

лений в процессах преодоления стресса, психологического внутриличностного кризиса, формирования иммунитета к тюремной субкультуре, социально-психологической реабилитации и т.д.

Раскрытие сущности стресса и адаптации чаще осуществляется на основе системного и комплексного подходов, а также интегративного, синергетического и др. Но процессы психической дезадаптации и отклоняющегося поведения сотрудников ИУ анализируются в большинстве случаев с позиций медико-биологических подходов на основе адаптационной парадигмы здоровья и стресса в рамках исследования частных проявлений различных психических феноменов – состояний, процессов и расстройств⁹. К ним относят негативные эмоциональные состояния, состояния психической дезадаптации, синдром выгорания, профессиональную деформацию, пограничные нервно-психические расстройства, психогенные и аффективные расстройства (неврозоподобные расстройства, неврозы, реактивные психозы и др.), ПТСР и т.д. Предпринимаются попытки их рассмотрения в обобщенном виде в проблемной плоскости негативных эмоциональных состояний, отклоняющегося и даже криминального поведения и др.¹⁰

Использование полипарадигмальной методологии при изучении стресса связано с его исключительно сложной природой, представляющей не только реакцию, состояние, процесс, копинг, но и жизнедеятельность личности в условиях экстремальности, понимаемой как существование на грани жизни и смерти¹¹. Необходимость учета онтологических составляющих стрессорных состояний и процессов на основе анализа единой концептуальной модели психологического (травматического) стресса неизбежно приводит к более глубокому анализу духовных констант личности в экзистенциальном, культурологическом и религиозно-теологическом аспектах¹². Это открывает возможность изучения личности в особых (экстремальных) условиях существования, а также разработки путей трансформации высших психических функций сотрудников ИУ для сохранения и развития их духовно-нравственного и общего здоровья.

Привлечение антропоориентированных теорий и концепций, отражающих экзистенциально-гуманистические и теологические аспекты личности и раскрывающих роль ее духовного начала, имеет особое значение

в разработке эффективных направлений и методов преодоления стрессорных (экстремальных) ситуаций, что используется в синтезе светских психолого-педагогических наук с православной психотерапией¹³.

С позиции трансцендентного подхода к анализу духовных горизонтов личности первостепенное значение в оценке и регуляции психоэмоциональных состояний сотрудников ИУ имеет исследование роли духовных факторов в формировании процессов стрессоустойчивости. В частности, И.А. Ильин, исходя из понятия духовного опыта, делает важное замечание о «конститутивном» одиночестве человека¹⁴. Одиночество при этом рассматривается как проявление духовного мужества и силы, условие зрелости и самостоятельности характера человека. Заменить этот самостоятельный и одинокий опыт ничем нельзя. Религия, как указывает мыслитель, несмотря на субъективность духовного опыта, есть «самое реальное» в жизни, и религиозному опыту принадлежит главное значение и место в душе человека.

На актуальность рассмотрения духовно-психологических констант экстремальности указывает и анализ инициальных (первичных) или буферных форм проявлений профессионального стресса у личного состава ИУ в виде негативных эмоциональных состояний – переживаний, создающих препятствия к эффективному выполнению служебной деятельности и увеличивающих предрасположенность к развитию процессов дезадаптации, психических расстройств, нарушений служебной дисциплины и т.д. К ним относят: тревогу, страх, агрессию, индивидуальную панику, неуверенность, утомление, алкогольное и наркотическое опьянение, апатию, депрессию, потерю самоконтроля и др.¹⁵

С профессиональным стрессом у сотрудников ИУ тесно связано понятие психической дезадаптации, которое используется не только в собирательном значении, но и как метод оценки приспособительных реакций и компенсаторных возможностей организма¹⁶. Психолого-клиническая оценка психической дезадаптации весьма неоднозначна и трактуется различными исследователями как «состояния нервно-психического напряжения», «субсиндром стресса», «рабочий стресс», «преневротические и невротические состояния», «субклинический синдром», «психопатологические состояния» и др.¹⁷ В эту же группу включаются социально-стрессовые расстройства, син-

дром выгорания, синдром хронической усталости и другие психопатологические состояния. По мере нарастания интенсивности стрессорных переживаний состояния психической дезадаптации из предневротических способны трансформироваться в невротические реакции, реактивные психозы, ПТСР и т.д., рассматриваемые в современной психиатрии в рамках пограничных, аффективных и психогенных расстройств травматического генеза. Диапазон психических и поведенческих нарушений при этом отличается значительным многообразием: от легких кратковременных форм дезадаптивного поведения и аномальных личностных реакций до выраженных психических сдвигов – реактивных психотических расстройств и др.¹⁸

Состояния выраженной психической дезадаптации у сотрудников ИУ отражают, по сути, развитие третьей стадии профессионального (травматического) стресса. Они представляют различные формы его дезинтегрирующего влияния на процессы сознания, памяти, мышления и т.д., включая деятельность висцеральных органов и изменение поведения в целом. В социальном аспекте эти состояния у сотрудников ИУ выражаются в виде синдрома выгорания с характерными для него признаками редукции профессиональной значимости, а также в форме отклоняющегося (девиантного) поведения.

Профессиональный и пенитенциарный стрессы чаще протекают по одному из трех вариантов: 1) формирование ПТСР и других нервно-психических расстройств (неврозы, психозы и др.); 2) развитие психосоматических расстройств и заболеваний (артериальная гипертония, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, ишемическая болезнь сердца, инфаркты, инсульты и др.); 3) возникновение стойкой социальной патологии – отклоняющегося поведения.

Психологические и поведенческие проявления негативных эмоциональных состояний у сотрудников ИУ и осужденных имеют принципиальное сходство с эмоциональными и поведенческими нарушениями, наблюдаемыми при синдроме выгорания, психолого-клинической симптоматикой состояний психической дезадаптации, ПТСР и других психогенных расстройств, что указывает на общность механизмов их развития. Это дает основание для современной трактовки¹⁹ понимания природы переходных состояний (трансформации) личности в экстремальных условиях существования

по следующим возможным направлениям: 1) негативный вариант развития: здоровье – стресс – патология; 2) нейтральный вариант: здоровье – стресс – адаптация (испытание); 3. позитивный вариант: здоровье – стресс – сверхадаптация с духовным и психическим развитием личности. Причем, если исходить из анализа важной роли феномена духовности человека в качестве основного стресслимитирующего фактора, то можно заключить, что осужденные, в отличие от сотрудников ИУ, обладают значительно меньшим потенциалом совладающего поведения вследствие незрелости их личности и низкого развития их духовно-нравственных начал. Это видно из анализа статистических данных об общей и психической заболеваемости осужденных²⁰.

Важным аспектом повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников является учет неразрывной связи процессов адаптации и стресса с духовно-нравственным развитием личности. В большинстве случаев процесс адаптации сотрудников к профессиональной деятельности и осужденных к условиям жизни в ИУ рассматривается в рамках проблемы социальной адаптации, то есть отражает (средовой) ситуативный характер приспособления организма, личности и индивидуума к новым условиям существования. Отрыв процессов адаптации (приспособления) от порождающих эти процессы внешних и внутренних факторов (средовых, личностных и духовных, их взаимодействия) подменяется необходимостью освоения избыточного количества личностно-типологических особенностей и т.д., что также исключает получение адекватных представлений о динамике и последствиях развития травматического стресса²¹.

Профессиональный стресс у сотрудников и пенитенциарный у осужденных, по сути, являются психологическим, эмоциональным и травматическим одновременно. Следует отметить, что имеющиеся сегодня методы психологической диагностики профессионального стресса, как и оценки процессов позитивной трансформации личности (стойкости, мужества, духовно-нравственного преобразования и т.д.), отражают лишь незначительную часть субъективных переживаний (проявлений) стресса и в большей степени определяются ожиданием самих исследователей, нежели параметрами стресса у респондентов.

Современные трактовки травматичности и духовности с методологических

позиций позволяют объединить данные явления в рамках феномена профессионального стресса и акцентируют внимание на онтологических и духовных аспектах индивидуума²². Это способствует созданию эффективных подходов как к диагностике, так и к профилактике негативных последствий стресса в русле исследований, построенных с привлечением метапсихологического анализа процессов жизнедеятельности.

Обобщая зарубежный и отечественный опыт психолого-психиатрического изучения различных проявлений и форм стресса, возникающего в профессиональной деятельности сотрудников ИУ, МЧС, правоохранительных органов, военнослужащих и участников боевых действий, а также результаты анализа проявлений пенитенциарного стресса у различных категорий осужденных, сделаем выводы:

1. Деятельность сотрудников ИУ относится к категории стрессовых – экстремальных (опасных профессий) вследствие постоянной угрозы жизни и здоровью, высокой степени ответственности и эмоциональной вовлеченности во взаимодействие с осужденными, крайне напряженной и интенсивной работы, возможности манипулировать осужденными и одновременно являться объектом их шантажа и провокации и т.д.

2. Инициальные изменения психологического состояния, отражающие развитие начальных стадий дезадаптивных процессов, у сотрудников ИУ и других правоохранительных органов часто остаются незамеченными, в связи с чем исключается возможность своевременной квалифицированной психологической помощи и профилактики большой группы психогенных психических расстройств.

3. К закономерностям формирования психических дезадаптивных состояний по мере нарастания травматичности стресса относится снижение осознанных форм защитного поведения на фоне перехода личности на бессознательные формы психической защиты, где ведущую роль в преодолении стресса играют неосознаваемые механизмы переработки информации.

4. Степень психической дезадаптации и величина отрицательных психологических последствий несения службы в экстремальных условиях сильно зависят от их характера и уровня опасности службы, ее длительности, мотивированности сотрудника, опыта работы в экстремальных ситуациях, половозрастных особенностей, индивидуально-

личностных качеств. Развитие профессионального стресса у сотрудников ИУ в целом ряде случаев может оказывать отрицательное воздействие на их деятельность, снижая их адаптационные возможности, и приводить к формированию выраженных психопатологических состояний и процессов.

5. У части личного состава умеренно выраженное психоэмоциональное напряжение, равно как и травматический стресс, может оказывать мобилизующее воздействие, заметно повышая работоспособность и результативность деятельности, вызывая позитивную трансформацию личности, что выражается в повышении стойкости, героизме, мужестве, выдержке и др.

6. Формирующиеся у сотрудников в процессе их профессиональной деятельности (нахождение в экстремальных условиях) негативные эмоциональные состояния и другие социально-дезадаптивные формы поведения (синдром выгорания и т.д.) следует рассматривать в качестве профессионального (травматического) стресса, что исключает односторонний подход к их трактовке как сугубо психопатологических состояний и процессов.

7. Центральное место в организации психического и нравственного здоровья личности (индивидуума) занимает формирование духовности человека на основе его религиозного опыта. Анализ современной психологической и духовной литературы, практика духовной жизни подвижников XX в. свидетельствуют, что основным стресслимитирующим фактором, способствующим расширению адаптационных психологических ресурсов человека, является развитие его духовно-нравственных начал. Внедрение элементов православной психотерапии (и других духовно-этических инструментов иных религий) в практику пенитенциарной психологии будет способствовать профилактике негативных социально-дезадаптивных явлений в среде личного состава и осужденных.

Использование концептов постнеклассической психологии в изучении стресса, теории экстремальности и травматического стресса предусматривает повышение общего уровня культуры и духовно-нравственного развития сотрудников и осужденных. Духовность при этом следует рассматривать в качестве ведущего стресс-лимитирующего фактора (основного параметра повышения общей стрессоустойчивости – адаптивности). Владение современными диагностическими подходами, учет и анализ

особенностей динамики и стадий развития профессионального стресса у сотрудников ИУ, равно как и пенитенциарного стресса у осужденных, всемерное содействие и развитие их духовно-нравственного потенциала позволит не только минимизировать негативные варианты развития негативных последствий стресса, но и повысить уровень и качество их жизни, а также дееспособность личного состава и ресоциализацию осужденных.

Учитывая данные обстоятельства, изложение методологических подходов с теоретическим осмыслением психологических, педагогических и медико-биологических аспектов профессионального и пенитенциарного стрессов в программе курса «Пенитенциарной стрессологии» представляется своевременным. Необходимость разработки данного спецкурса продиктована не только процессом дальнейшего реформирования деятельности уголовно-исполнительной системы и реализацией гуманистического потенциала мировой практики исполнения наказания, но и реалиями состояния здоровья населения страны, значительного понижения его уровня у осужденных и воспи-

танников, находящихся в пенитенциарных учреждениях.

Спецкурс в базовом компоненте высшего образования входит в курс «Психология» и адресован как курсантам (слушателям) образовательных учреждений высшего профессионального образования, находящихся в ведении центрального органа уголовно-исполнительной системы ФСИН России, так и практическим психологам, педагогам и социальным работникам, осуществляющим свою деятельность в исправительных и воспитательных учреждениях страны. Наряду с раскрытием феноменологии стресса, важное место в программе курса отводится психолого-педагогическим вопросам духовно-нравственного воспитания и развития сотрудников ИУ и осужденных. Целью данного спецкурса является повышение компетентности пенитенциарных психологов в проблемной области стресса и овладение ими знаниями, умениями и навыками, необходимыми для целенаправленной работы по профилактике и коррекции негативных проявлений пенитенциарного стресса у осужденных и профилактике дезадаптивных состояний и поведения персонала ИУ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Калманов Б.Г. и др. Профилактика отклоняющегося поведения и дезадаптивных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы: Моногр. М., 2008.

² См.: Папкин А.И., Кузнецов Д.Ю. Психологические пути и методы преодоления негативных эмоциональных состояний, возникающих у сотрудников органов внутренних дел в опасных ситуациях профессиональной деятельности: Учеб. пособие. Домодедово; Човдырова Г.С. Формирование психологической устойчивости к различным стрессогенным факторам у сотрудников органов внутренних дел: Лекция. Домодедово, 2003.

³ См.: Калманов Б.Г. и др. Профилактика отклоняющегося поведения и дезадаптивных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы.

⁴ Там же.

⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» (ред. от 31.05.2012 г.) // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

⁶ См.: Човдырова Г.С. Формирование психологической устойчивости к различным стрессогенным факторам у сотрудников органов внутренних дел.

⁷ Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006; Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008. С. 50.

⁸ Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

⁹ См.: Калманов Б.Г. и др. Профилактика отклоняющегося поведения и дезадаптивных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы; Папкин А.И., Кузнецов Д.Ю. Психологические пути и методы преодоления негативных эмоциональных состояний, возникающих у сотрудников органов внутренних дел в опасных ситуациях профессиональной деятельности; Човдырова Г.С. Формирование психологической устойчивости к различным стрессогенным факторам у сотрудников органов внутренних дел.

¹ Sm.: Kalmanov B.G. i dr. Profilaktika otklonjajushhegosja povedenija i dezadaptivnyh sostojanij sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: Monogr. M., 2008.

² Sm.: Papkin A.I., Kuznecov D.Ju. Psihologicheskie puti i metody preodolenija negativnyh jemocional'nyh sostojanij, vznikajushhij u sotrudnikov organov vnutrennih del v opasnyh situacijah professional'noj dejatel'nosti: Uceb. posobie. Domodedovo; Chovdyrova G.S. Formirovanie psihologicheskoj ustojchivosti k razlichnym stressogennym faktorom u sotrudnikov organov vnutrennih del: Lekcija. Domodedovo, 2003.

³ Sm.: Kalmanov B.G. i dr. Profilaktika otklonjajushhegosja povedenija i dezadaptivnyh sostojanij sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy.

⁴ Tam zhe.

⁵ Sm.: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 g. № 1772-r «O Konceptii razvitija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g.» (red. ot 31.05.2012 g.) // SZ RF. 2010. № 43. St. 5544.

⁶ Sm.: Chovdyrova G.S. Formirovanie psihologicheskoj ustojchivosti k razlichnym stressogennym faktorom u sotrudnikov organov vnutrennih del.

⁷ Bodrov V.A. Psihologicheskij stress: razvitie i preodolenie. M., 2006; Bohan T.G. Kul'turno-istoricheskij podhod k stressu i stressoustojchivosti: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Tomsk, 2008. S. 50.

⁸ Didenko A.V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbvyajushhijh nakazanija v mestah lishenija svobody.

⁹ Sm.: Kalmanov B.G. i dr. Profilaktika otklonjajushhegosja povedenija i dezadaptivnyh sostojanij sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy; Papkin A.I., Kuznecov D.Ju. Psihologicheskie puti i metody preodolenija negativnyh jemocional'nyh sostojanij, vznikajushhij u sotrudnikov organov vnutrennih del v opasnyh situacijah professional'noj dejatel'nosti; Chovdyrova G.S. Formirovanie psihologicheskoj ustojchivosti k razlichnym stressogennym faktorom u sotrudnikov organov vnutrennih del.

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М., 2008.

¹² Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости. С. 50; Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2006; Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности.

¹³ Шестун Е. Православная педагогика: Исторические психолого-педагогические очерки. Самара, 1998.

¹⁴ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта.

¹⁵ См.: Папкин А.И., Кузнецов Д.Ю. Психологические пути и методы преодоления негативных эмоциональных состояний, возникающих у сотрудников органов внутренних дел в опасных ситуациях профессиональной деятельности.

¹⁶ См.: Калманов Б.Г. и др. Профилактика отклоняющегося поведения и дезадаптивных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же; Човдырова Г.С. Формирование психологической устойчивости к различным стрессогенным факторам у сотрудников органов внутренних дел.

¹⁹ Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности.

²⁰ Диденко А.В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

²¹ Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление; Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности.

²² Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости; Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта.

¹⁰ Sm.: Tam zhe.

¹¹ Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti. M., 2008.

¹² Bohan T.G. Kul'turno-istoricheskij podhod k stressu i stressoustojchivosti. S. 50; Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta. M., 2006; Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti.

¹³ Shestun E. Pravoslavnaja pedagogika: Istoricheskie psihologo-pedagogicheskie ocherki. Samara, 1998.

¹⁴ Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta.

¹⁵ Sm.: Papkin A.I., Kuznecov D.Ju. Psihologicheskie puti i metody preodolenija negativnyh jemocional'nyh sostojanij, vznikajushhij u sotrudnikov organov vnutrennih del v opasnyh situacijah professional'noj dejatel'nosti.

¹⁶ Sm.: Kalmanov B.G. i dr. Profilaktika otklonjajushhegosja povedenija i dezadaptivnyh sostojanij sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy.

¹⁷ Tam zhe.

¹⁸ Tam zhe; Chovdyrova G.S. Formirovanie psihologicheskoj ustojchivosti k razlichnym stressogennym faktoram u sotrudnikov organov vnutrennih del.

¹⁹ Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti.

²⁰ Didenko A.V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbyvajushhij nakazanija v mestah lishenija svobody.

²¹ Bodrov V.A. Psihologicheskij stress: razvitie i preodolenie; Magomed-Jeminov M.Sh. Fenomen jekstremal'nosti.

²² Bohan T.G. Kul'turno-istoricheskij podhod k stressu i stressoustojchivosti; Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta.

Структура и содержательное наполнение феномена «саморазвитие личности» в практико-ориентированном исследовании

Ф.И. КЕВЛЯ – профессор кафедры педагогики Вологодского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор

В статье рассматривается процесс структурирования феномена «саморазвитие личности», дается его определение, прослеживается возрастной подход к осознанию задач саморазвития. Как проектировочный материал педагогам-исследователям предлагается «модель саморазвития личности» и содержательное наполнение «Карты саморазвития».

Ключевые слова: саморазвитие личности; модель саморазвития личности; парадигма субъектности человека; сферы деятельности; тип личности; направления саморазвития.

Structure and content of the «Personal self-development» phenomenon in the practice-oriented research

F.I. KEVLYA – Dr. of Education, Associate Professor, Professor of the Chair for Education of the Vologda State Pedagogical University

The article presents the process of structuring the phenomenon “personal self-development”; offers its definition, and shows the age-related approach to the realization of different tasks of self-development. Some methodological techniques are given to pedagogues accomplishing scientific research, among them “The model of personal self-development” and “The self-development pattern”.

Key words: personal self-development; model of personal self-development; paradigm of human subjectivity; activity spheres; characters; self-development tendencies.

Используя структурирование как метод системных описаний в психологии, В.А. Ганзен предпринял попытку целостно и аргументированно представить человека¹. В основу макроструктурного психологического описания человека он положил четыре компонента: «индивид», «индивидуальность», «личность» и «субъект сознания».

Воспользовавшись категорией пентабазиса, В.А. Ганзен выстроил схему, в которой указанные характеристики человека соотносены с четырьмя рядоположенными понятиями систематики: а) время, б) пространство, в) энергия, г) информация².

С четырехзвенной структурой человека, по В.А. Ганзену, органично перекликается определение сущности личности в концепции В.А. Петровского, где личность представлена как парадигма субъектности человека, «причина себя»³. Субъектность

человека, по В.А. Петровскому, проявляется в четырех сферах деятельности: 1) жизнедеятельность – воспроизводство психофизической целостности; 2) предметная деятельность – воспроизводство мира в себе и себя в мире при осуществлении познавательных и практических актов; 3) деятельность общения – воспроизведение общности с другими людьми; 4) деятельность самосознания – воспроизводство себя как носителя сознания (духовности, ментальности). «Быть личностью, – утверждает ученый, – значит быть субъектом собственной жизнедеятельности; предметной деятельности; деятельности общения; деятельности самосознания»⁴.

Диалектическое соотношение различных точек зрения ученых на понятия «человек», «личность», «индивид», «индивидуальность», «субъект сознания» позволило нам выстроить модель саморазвития личности (см. схему 1).

Схема 1. Модель саморазвития личности

Используя системное описание пентабазиса по В.А. Ганзену, для четырех рядоположенных понятий (время, пространство, энергия, информация) мы пятым, объединяющим субстратом, обозначили категорию «саморазвитие», которая последовательно может быть соотнесена, по В.А. Петровскому, с четырьмя видами субъектности: жизнедеятельностью, предметной деятельностью, общением, самосознанием. Их мы рассматриваем как внутреннюю систему деятельности человека, в то время как внешние характеристики этих видов деятельности непосредственно оказываются связанными с общечеловеческими ценностями красоты, истины, добра, свободы.

Тогда отношения выстроятся следующим образом:

время → жизнедеятельность → самооздоровление → красота;

информация → предметная деятельность → самообучение → истина;

пространство → общение → самовоспитание → добро;

энергия → самосознание → самоопределение → свобода.

Такое структурирование дает представление о необходимых и достаточных компонентах феномена «саморазвитие» и позволяет сформулировать следующее определение: под саморазвитием понимается процесс становления субъектности человека и результат его активной деятельности по самооздоровлению, самообучению, самовоспитанию и самоопределению в соответствии со своими взглядами и общечеловеческими ценностями (красоты, истины, добра, свободы).

В общей возрастной периодизации выделяют младенчество, раннее детство (преддошкольный и дошкольный периоды), собственно детство (младший школьный и предподростковый возраст), подростковый возраст (средний школьный), юношеский возраст (старший школьник).

Характеризуя каждый из названных возрастных периодов под углом личностного (социально-нравственного) развития, следует отметить ограниченность опыта социальных отношений у дошкольников и младших школьников. Этим объясняется их огромная тяга к накоплению впечатлений, стремление сориентироваться в жизни. В этом возрасте происходит наиболее интенсивное формирование свойств и качеств личности, которые сохраняются в более или менее неизменном виде на всю жизнь.

В подростковом возрасте закрепляется, осмысливается и обогащается приобретенный багаж социальных отношений, осложняясь нарастающей волной самоосознания, самопознания, самооценки. В конфликтных ситуациях половое созревание вызывает угнетенное психическое состояние и создает зону актуальных нерешенных проблем в жизненном самоопределении подростка.

В юношеском возрасте завершается физическое созревание, реально возникают условия для активного участия в общественно-производственной деятельности, в профессиональном самоопределении. Однако зачастую семья и школа удерживают старшеклассников в положении подопечных, неспособных к самостоятельным решениям, ответственности за свое поведение и действия.

Изучение известных периодизаций психического развития детей (Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон, Ж. Пиаже, Л. Кольберг, В.И. Слободчиков и др.) позволяет приблизиться к ответу на вопрос, какой возраст наиболее сенситивен для решения задач саморазвития. Психолога привлекает тот кризисный этап жизни, который можно назвать «встречей с самим собой»⁵. Открытие собственного «Я» на социальном (личностном), экзистенциальном (индивидуальном) уровнях – это поиск своего места в системе человеческих отношений, идентичность, ощущение себя автором (архитектором), творцом

собственной биографии. Как основное событие отрочества оно происходит на границе с детством. Самостоятельность, ответственность, инициативность – основные качества, которые являются неременным условием саморазвития.

Исследования Г.А. Цукерман и наша экспериментальная работа убеждают в том, что воспитанникам необходима помощь в определении задач саморазвития и поиске решений в младшем подростковом возрасте (11 – 12 лет). Именно этот возраст представляет зону ближайшего развития новой способности, переход от овладения обстоятельствами своего существования к жизнестроительству⁶.

В поисках способов помощи воспитанникам в определении целей саморазвития и решения задач их педагогической поддержки был использован метод моделирования. Проектировочным материалом послужили «Модель саморазвития личности» и «Карта саморазвития». Системно-дедуктивный подход, полная типология личности Д. Голланда, теоретико-групповой базис сознания (В.А. Ганзен, К.Б. Малышев), эмпирические данные опроса педагогов и воспитанников позволили определить необходимые и достаточные направления саморазвития личности. Они были занесены в таблицу, на основании которой составлена «Карта саморазвития».

Таблица

Соотношение типов личности и направлений саморазвития

Типы личности по Д. Голланду. Теоретико-групповой базис сознания по В.А. Ганзену, К.Б. Малышеву	Направления саморазвития	Определение содержания направлений для построения опросника
1. Социальный (аффективно-мыслительный)	Мировоззрение	Бережное отношение к природе. Рациональное отношение к своему здоровью. Внимательное отношение к людям. Трудолюбие. Социальная активность
2. Артистический (аффективно-перцептивный)	Интуиция	Внезапная догадка. Выход за рамки логики (фантазия). Способность предчувствовать. Способность предвидеть. Бескорыстный риск
3. Предприимчивый (аффективно-волевой)	Воля	Организованность. Настойчивость. Целеустремленность. Самообладание. Самостоятельность
4. Интеллектуальный (перцептивно-мыслительный)	Интеллект	Стремление к знаниям (любопытность). Творческое применение знаний. Умение ставить цели. Понимание мотивов деятельности. Прогнозирование последствий поведения и деятельности
5. Конвенциональный (мыслительно-волевой)	Исполнительские умения	Мышление по образцу. Соблюдение режима деятельности. Ведение дневника. Саморегуляция. Ответственность
6. Реалистический (перцептивно-волевой)	Профессиональная направленность	Реальная самооценка. Инициативность. Конкретно-предметный труд. Физическая выносливость. Психическая стрессоустойчивость

Работа с «Картой саморазвития» дает возможность определить уровень саморазвития, тип личности, ориентацию интересов и способностей индивида. Это помогает педагогу-психологу и социальному педагогу выяснить и направить усилия и внимание воспитанников на те стороны развития их личности, которые могут быть усовершенствованы.

В итоге отметим, что в ходе нашего исследования проблема саморазвития личности приобрела зримые очертания в теории и конкретное воплощение в воспитательной практике тех образовательных учреждений, в которых проводилась опытно-экспериментальная работа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.

² См. подр.: Кевля Ф.И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка. Вологда, 2009. С. 37.

³ См.: Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996.

⁴ Там же. С. 7–12.

⁵ Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. М., 1995.

⁶ См.: Там же.

¹ См.: Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.

² См. подр.: Кевля Ф.И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка. Вологда, 2009. С. 37.

³ См.: Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996.

⁴ Там же. С. 7–12.

⁵ Цукерман Г.А., Мастеров В.М. Психология саморазвития. М., 1995.

⁶ См.: Там же.

Отношения в семье как фактор совершения преступлений насильственного характера

О.Н. РАКИТСКАЯ – доцент кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Н.О. МОРОЗОВА – курсант 5 курса психологического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматривается роль семейных отношений в формировании преступного поведения, прослеживается связь между применением насилия в семье и криминальным насилием, дается описание характера отношения к семье у женщин, осужденных за насильственные преступления, в сравнении с совершившими ненасильственные преступления.

Ключевые слова: семейные отношения; насильственные преступления; конфликтное взаимодействие; насилие в семье; осужденные женщины.

Relationships within the family as a factor for violent crimes

O.N. RAKITSKAYA – Associate Professor of the Chair for General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology;

N. MOROZOVA – Student of the 5th year of the Faculty for Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

This paper considers the role of family relationships in the formation of criminal conduct, traced the relationship between violence in the family and criminal violence, describes the nature of the relationship to the family of women convicted of violent crimes compared to convicted of nonviolent crimes.

Key words: family relationships; violent crime; conflict interaction; domestic violence; convicted women.

Семья является моделью взаимоотношений индивида с обществом, она выполняет функцию социализации, обеспечивающую приспособление человека к жизни в обществе просоциального характера. Можно сказать, что всякое умышленное преступление свидетельствует о том, что семья данного преступника если не способствовала случившемуся, то, по крайней мере, не оказала

этому должного сопротивления. Общество ожидает со стороны семьи облагораживающего воздействия на членов. Невыполнение семьей назначения по приспособлению ее членов к общественной жизни, обуславливающее их криминализацию, а также способствование появлению у членов семьи намерения совершить преступление именуется семейной десоциализацией.

Важное значение ближайшего окружения для формирования личности человека является на сегодняшний день неоспоримым фактом, доказанными психологическими исследованиями, начало которым было положено идеей интериоризации Л.С. Выготского (Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов А.А. Бодалев, И.С. Кон, А.А. Кроник, В.Н. Мясищев, А.В. Петровский и др.).

Личность ребенка под воздействием родителей формируется вследствие фиксации опыта отношений в свойствах характера, определяющих в свою очередь ее отношение к происходящему. Б.Г. Ананьев показал, что различного рода отношения к другим людям превращаются затем в коммуникативные черты. Из отношений к другим у человека формируются так называемые рефлексивные черты характера, а также «Я» как целая система сознательных отношений к самому себе¹. А.Г. Асмолов считает, что недостаточность теплоты со стороны матери к малолетнему сыну, давшая толчок к развитию у него жестокости, проявляется спустя годы в акте агрессии².

Таким образом, психологические отношения представляют собой систему связей личности с различными сторонами объективной действительности, а также систему, которая складывается в ходе всего развития человека, выражает его личный опыт, определяет действия и переживания. На формирование особенностей характера и его проявлений в поведении оказывают влияние значимые другие люди, позиции которых заведомо присущи участникам семейных отношений.

В результате исследования особенностей агрессивности у подростков (методика Е.П. Ильина и П.А. Ковалева «Личностная агрессивность и конфликтность», экспертный опрос), часто подвергаемых насильственным действиям со стороны родителей (n=94), в сравнении с подростками, к которым насилие применялось редко (говорить о полном отсутствии насильственных действий со стороны родителей, к сожалению, не приходится) (n=43), мы подтвердили исходную гипотезу о более высоком уровне агрессивности, присущем испытуемым первой группы.

В целом все подростки обнаружили высокие и средние показатели позитивной агрессивности, обуславливающей активную личностную позицию, стремление к самовыражению и самоутверждению, детерминирующей формирование таких личностных качеств, как целеустремленность, решительность, инициативность. Однако у подростков, в семьях которых родители часто применяют

насилие (ругань, угрозы, толчки, шлепки), был выявлен значительно более высокий уровень негативной агрессивности, отражающий субъективную уязвимость, неуверенность и стремление утвердиться неконструктивными способами с использованием насилия к другим людям. Такие несовершеннолетние более конфликтны в силу своей подозрительности, наличие которой обуславливает постоянное присутствие и нарастание внутреннего напряжения, которое они проявляют по образу и подобию своих родителей в форме насилия³.

Итак, дефицит поддерживающего конструктивного общения в семье, конфликты, насильственные формы взаимодействия обуславливают криминогенный и виктимогенный характер ее влияния на участников отношений. Именно поэтому многие исследователи большинство причин преступного поведения относят к сфере семейных отношений.

Согласно данным исследований А.Р. Ратинова, пассивное отношение к развитию преступных наклонностей, замыслов отмечается приблизительно в половине семей преступников – как в родительских, так и в собственных. Такая бездеятельность объясняется в одних случаях объективными обстоятельствами (болезнь или чрезмерная занятость близких к преступнику людей), в других – субъективными (неумение либо нежелание оказывать воспитательное воздействие). Семьи, способствующие тому, что их члены становятся преступниками, делятся на оказывающие общее отрицательное воздействие и непосредственно вовлекающие в преступную деятельность. Первые распространены, конечно, значительно больше. Так, с точки зрения А.Р. Ратинова, соотношение между первыми и вторыми составляет девять к одному⁴.

По данным С.Н. Ениколопова, общее отрицательное влияние семьи проявляется в стереотипах жестокости, корысти, наличии среди ее членов лиц, привлекавшихся к административной и уголовной ответственности. Обнаружены некоторые различия между семьями корыстных и насильственных преступников: у первых грубость в домашнем общении наблюдается в несколько раз реже, причем семейные конфликты чаще оказываются связаны с материальными притязаниями друг к другу⁵.

Семейные конфликты могут выступать как факторы десоциализации, то есть способствующие формированию у членов семьи склонности к совершению преступления, и создавать виктимогенную ситуацию, провоцирующую совершение преступле-

ния против кого-либо из членов (например, мужа, уличенного в супружеской измене).

Находящиеся в сфере семейных отношений причины преступного поведения могут быть разделены на две группы: 1) присущие семье во все исторические эпохи ее существования, обусловленные наличием у каждого из членов собственных материальных, физиологических, психологических и иных потребностей, которые не могут быть полностью согласованы с интересами близких; 2) вытекающие из ныне переживаемого семьей переходного периода, которому присуще противоречие между исторически сложившимися семейными потребностями и возможностями их удовлетворения (мужчины не получают дома психологического убежища, женщины – материальной опоры, между теми и другими идет борьба за самоутверждение). Изменение любого социального института, в том числе семьи, связанное с разрушением традиций и обычаев, которые стабилизировали жизнь прежде, неизбежно отражается в более или менее длительном нарастании в обществе массового преступного поведения⁶.

Таким образом, значительная часть причин преступного поведения независимо от его вида лежит в социальной сфере семейных отношений на разных ее уровнях.

Исследование особенностей отношений со значимым окружением у женщин, совершивших насильственные виды преступлений (n=18), в сравнении с женщинами, осужденными за преступления ненасильственного характера (n=23), показало наличие значимых расхождений в данной сфере. Мы подтвердили исходную гипотезу о более высоком уровне напряженности, конфликтности в отношениях со значимым окружением в семье у женщин, совершивших преступления насильственного характера.

Для психодиагностического обследования испытуемых мы использовали помимо наблюдения и беседы методики «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана (КРС) и цветowych метафор И.Л. Соломина (МЦМ)⁷.

Так, по методике КРС значимые различия получены по параметрам «благоприятная семейная ситуация», «конфликтность в семье» и «чувство неполноценности в семейной ситуации». У осужденных за насильственные преступления атмосфера в семье менее благоприятна, что, возможно, связано с более выраженной конфликтностью и обуславливает большее чувство неполноценности испытуемых этой группы. В их рисунках отсутствуют реальные члены

семьи (либо муж, либо дети, либо родители, либо сами испытуемые), что отражает конфликтный фон отношений с непредставленными персонажами, меньшую значимость последних. Не получает выражения общая деятельность всех членов семьи. Часто совместная деятельность соединяет лишь некоторых членов семьи, что указывает на наличие семейных микрогрупп. На некоторых рисунках преобладают не люди, а вещи, чаще всего мебель, что свидетельствует об эмоциональной озабоченности (неустойчивости, импульсивности) испытуемых.

В целом в семьях женщин, совершивших преступления насильственного характера, минимизирована эмоциональная привязанность. На рисунках 68% представительниц данной группы расстояние между близкими людьми большое. Это говорит о том, что контакт между ними затруднен, они отдалены друг от друга. Если изображены родители, то их размер значительно меньше, потому что детско-родительские отношения для осужденных субъективно на втором плане. Часто муж (мужчина) изображен выше женщины, что свидетельствует о его наибольшей власти в семье. Иногда руки у него раскинуты в стороны, пальцы длинные и подчеркнуты, что символизирует враждебность в семейной ситуации. При этом 33% преступниц рассматриваемой категории изображают себя на нижней части листа, что является проявлением чувства неполноценности в семейной ситуации при взаимодействии с близкими людьми.

Всем осужденным женщинам независимо от вида совершенного преступления присущи высокие и средние показатели напряженности и тревожности, женщинам по тем из них, кто совершил насильственные преступления, свойственны приуменьшение значимости семейных отношений, минимизация эмоциональной привязанности.

В целом ситуация взаимоотношений с близкими людьми у женщин, осужденных за насильственные виды преступлений, оказалась более благоприятной.

По данным, полученным с помощью МЦМ, можно заключить, что испытуемые первой группы находятся под влиянием чувств, переменчивы в настроениях, легко расстраиваются, неустойчивы в интересах. У них наблюдается низкая толерантность по отношению к фрустрации, раздражительность, утомляемость.

Стресс у женщин, осужденных за насильственные виды преступлений, может вызываться ситуацией общения с родителями, мужем (или мужчиной). Напряженные отно-

шения наблюдаются с друзьями, в том числе близкой подругой. Значимыми для них являются понятия, которые связаны с ними самими («Какой я есть»). Остальные люди из категории близкого окружения являются менее значимыми или незначимы совсем. Вероятно, это связано с тем, что преступления насильственного характера женщин направлены в основном против близких людей – мужа (сожителя), родителей, детей.

Женщины, осужденные за преступления ненасильственного характера, стремятся удовлетворить потребность в прочных отношениях, одновременно избегая лишних контактов. Категория понятий «близкое окружение» для них является значимой. Им необходима эмоциональная связь с близким человеком, но при этом они не хотят поступаться своими принципами и предавать собственные убеждения. Они готовы к эмоциональному принятию других и аффективному участию в общих делах.

Итак, в ситуациях взаимодействия с близкими людьми у женщин, совершивших преступления насильственного характера, часто отмечаются напряженные конфликтные отношения, в которых они чувствуют себя неполноценно, подавленно. Они крайне не нуждаются в убежище от конфликтов, в котором к ним будут заботливо и внимательно относиться, так как они ощущают физический дискомфорт при взаимодействии с близкими и страх перед одиночеством⁸.

Выявленная нами воинственная изоляция от якобы незначимых членов семьи сочетается с переживанием отчаяния и тревоги из-за ощущения собственного бессилия и невозможности предотвратить или предусмотреть

возможные помехи. Для многих из этих женщин характерно истощение нервных сил, в связи с чем можно прогнозировать психосоматические кризисы или разрядку накопленного напряжения в импульсивных разрушающих действиях, возможно, и аутоагрессии.

Низкая значимость членов семьи, в том числе и собственной персоны, объясняется травматическим опытом семейных взаимодействий, приводящим к острым негативным переживаниям или обесцениванию семейных отношений в целом. Такого рода отношение к семье мы рассматриваем как условие возникновения внутрличностного конфликта, подспудно стимулирующего психическое напряжение, излишки которого могут обнаруживаться в привычных неконструктивных, в данном случае насильственных, формах поведения.

Таким образом, опыт семейных отношений у осужденных за насильственные виды преступлений женщин, обладает более выраженным травматическим эффектом, в силу чего для них затруднен доступ к ресурсу семейных отношений. Более того, накопленные обиды в связи с прошлым опытом затрудняют адаптацию к происходящим в настоящем событиям и складывающимся обстоятельствам.

По нашему мнению, индивидуальная и групповая психокоррекционная и психотерапевтическая работа с женщинами, совершившими насильственные виды преступлений, должна быть направлена на изменение отношения к семейному окружению. В ходе ее необходимо восстанавливать такое отношение к полученному в семье опыту, которое бы обеспечивало реабилитацию ресурсных возможностей семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мясичев В.Н. Психология отношений: Избр. психол. тр. / Под ред. А.А. Бодалева. М., 2004.

² См.: Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 2004.

³ См.: Морозова Н.О. О формировании насильственного поведения подростков в семье // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы: Сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. психологов-практиков. Ярославль, 2011.

⁴ См.: Ратинов А.Р. Личность преступника как объект психологического исследования. М., 2000.

⁵ См.: Ениколопов С.Н. Агрессивность как специфическая сторона активности и возможности ее исследования на контингенте преступников. М., 2009.

⁶ См.: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 2001.

⁷ См.: Морозова Н.О. Роль семьи в формировании преступного поведения насильственного характера // Много голосов – один мир: Сб. науч. ст. молодых ученых / Под ред. проф. А.В. Карпова. Ярославль, 2012. Т. 1. С. 196–199.

⁸ См.: Морозова Н.О. Особенности значимых отношений, детерминирующих женскую преступность // Психологические исследования. / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М., 2012. Вып. 6. С. 92–99.

¹ Sm.: Mjasishhev V.N. Psihologija otnoshenij: Izbr. psihol. tr. / Pod red. A.A. Bodaleva. M., 2004.

² Sm.: Asmolov A.G. Lichnost' kak predmet psihologicheskogo issledovanija. M., 2004.

³ Sm.: Morozova N.O. O formirovanii nasil'stvennogo povedenija podrostkov v sem'e // Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoj psihologii: tradicii i perspektivy: Sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf. psihologov-praktikov. Jaroslavl', 2011.

⁴ Sm.: Ratinov A.R. Lichnost' prestupnika kak ob'ekt psihologicheskogo issledovanija. M., 2000.

⁵ Sm.: Enikolopov S.N. Agressivnost' kak specificheskaja storona aktivnosti i vozmozhnosti ee issledovanija na kontingente prestupnikov. M., 2009.

⁶ Sm.: Jakovlev A.M. Prestupnost' i social'naja psihologija. M., 2001.

⁷ Sm.: Morozova N.O. Rol' sem'i v formirovanii prestupnogo povedenija nasil'stvennogo haraktera // Mnogo golosov – odin mir: Sb. nauch. st. molodyh uchenyh / Pod red. prof. A.V. Karpova. Jaroslavl', 2012. T. 1. S. 196–199.

⁸ Sm.: Morozova N.O. Osobennosti znachimyh otnoshenij, determinirujushih zhenskiju prestupnost' // Psihologicheskie issledovanija. / Pod red. A.L. Zhuravleva, E.A. Sergienko. M., 2012. Vyp. 6. S. 92–99.

Особенности физической подготовки курсантов высших образовательных учреждений ФСИН России в процессе занятий физической культурой с использованием психофизических практик

Г.Н. САУНИНА – преподаватель кафедры физической культуры ВИПЭ ФСИН России

Статья посвящена вопросам использования психофизических практик в рамках занятий физической культурой с курсантами вузов ФСИН России. Рассмотрены цели и содержание психофизических практик, анализируются результаты эксперимента, проведенного на базе ВИПЭ ФСИН России, и делается вывод о том, что занятия по физической подготовке с включением психофизических практик более эффективны, чем занятия по классической рабочей программе, что применяемые оздоровительные системы открывают новые возможности, позволяющие на стабильно высоком уровне поддерживать физические характеристики и улучшать показатели эмоционально-волевой регуляции.

Ключевые слова: физическая подготовка; профессиональная деятельность; средства физической культуры; психофизические практики.

Peculiarities of physical training of students of higher educational institutions of the Russian Federal Penal Service in the physical culture with the application of psychophysical methods

G.N. SAUNINA – Lecturer of the Chair for Physical Culture of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article is dedicated to the questions of using psychophysical methods in the physical culture learning process by the students of higher educational institutions of the Russian Federal Penal Service. The author reveals the purpose and the content of psychophysical methods, as well as analyses the results obtained in the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. The main conclusion, drawn by the author on the results of the experiment, is that the physical training process, including psychophysical methods, is more effective compared to the classic curriculum. Health-improving systems used give new opportunities which enable to support physical characteristics at a high level and improve the performance of emotional and volitional control.

Key words: physical training; professional activity; the means of physical culture; psychophysical methods.

В образовательных учреждениях ФСИН России важное место занимает физическая подготовка курсантов. Она является составной частью системы обучения и воспитания, важным средством повышения качества профессиональной подготовки сотрудников к практической деятельности¹. И от того, как подготовлен курсант физически и психически, зависит то, как сложится его профессиональная деятельность.

Курсант – это сотрудник уголовно-исполнительной системы, и к нему предъявляются следующие требования: разви-

тый интеллект, способствующий решению сложных практических проблем; понимание необходимости своей деятельности и сформированность мотивов достижения профессиональных целей; уверенность в себе в сочетании с самокритичностью, адекватная самооценка; психологический такт, наличие чувства меры во взаимоотношениях; работоспособность и энергичность; требовательность к себе и умение добиваться цели; самоорганизация и самоконтроль; мотивация к постоянному саморазвитию, любознательность, обеспечивающие адап-

тацию к изменяющейся среде деятельности; решительность, благодаря которой сотрудник способен принимать своевременные, обоснованные и твердые решения; последовательность, целеустремленность; ответственность – осознание возможности неблагоприятного изменения ситуации, способность признать свои ошибки; общительность и коммуникативная компетентность; стрессоустойчивость – сохранение оптимального психоэмоционального состояния при возникновении неблагоприятных ситуаций. Требования к сотрудникам могут отличаться в зависимости от конкретных видов деятельности².

Деятельность сотрудника уголовно-исполнительной системы сопряжена с крайними формами правового конфликта и опасными для жизни условиями, необходимостью оперативно выполнять служебно-боевые задачи в обстановке нервно-психического эмоционального напряжения и стресса в непосредственной близости и контакте с преступниками. Все это требует от сотрудника чрезвычайной мобилизации физических и психофизиологических резервов организма³.

Основной целью физической подготовки курсантов является формирование здоровых и физически развитых специалистов, владеющих необходимым объемом специальных знаний, прикладных навыков, физических и психических качеств, позволяющих им успешно решать служебные задачи⁴.

Основным документом, регламентирующим организацию учебного процесса по физической подготовке курсантов, является Наставление по физической подготовке (НФП-2001)⁵. Важным моментом при организации учебного процесса является рациональное чередование умственных и физических нагрузок, что позволяет избежать отрицательных последствий таких нагрузок на организм курсантов. Важную роль в снятии психологического напряжения, укреплении психологического здоровья играет использование в учебном процессе психофизических практик⁶.

Психофизические практики – это оздоровительные системы, направленные на укрепление физического, психического, социального, биоэнергетического, духовно-нравственного здоровья⁷.

Рассмотрим некоторые из них.

При физической подготовке курсантов могут использоваться элементы йоги (системы саморегуляции и самосовершенствования личности), аэробики, особенно аэробики тай-бо, имеющей военную, муж-

скую направленность (в опытно-экспериментальной работе задействовано 77–78% юношей).

Тай-бо – это комплекс упражнений для физического развития, использующий приемы различных видов единоборств (бокса, каратэ, кикбоксинга, рукопашного боя) и древних учений о самообороне, развивающих быстроту, скорость реакции, собранность, упорство в достижении цели, умение сконцентрироваться.

Использование аэробики с элементами восточных единоборств активизирует сердечно-сосудистую и иммунную системы, укрепляет мышцы.

В системе ФСИН России указанный вид аэробики официально не используется, поэтому в рамках эксперимента ее элементы были включены в занятия по физической культуре с обязательным использованием музыкального сопровождения.

Наряду с йогой и аэробикой для повышения адаптации каждого курсанта к условиям учебы и службы в ведомственном вузе можно использовать массаж А.А. Уманской, который является самодостаточной и высокоэффективной системой положительного воздействия на психическое состояние обучающихся, с его помощью можно снять усталость, улучшить состояние организма в целом, уменьшить боль, привести в порядок эмоции; технику четырехтактного дыхания (древнее учение йогов о пранаяме) и суставную гимнастику (хатха-йога, ушу).

Также используется стретчинг – упражнения на гибкость, выполняемые в определенной последовательности, предназначенные как для увеличения подвижности в суставах, так и для разогрева мышц. Физиологическая сущность стретчинга заключается в том, что при растягивании мышц и удержании определенной позы в них активизируются процессы кровообращения и обмена веществ⁸.

На базе ВИПЭ ФСИН России была проведена опытно-экспериментальная работа с использованием психофизических практик в рамках занятий по физической культуре, среди которых применялись аэробика тай-бо, йога, суставная гимнастика, стретчинг, четырехтактное дыхание, массаж по А.А. Уманской. В эксперименте участвовали курсанты 1 и 2 курсов юридического факультета (96 чел.), были сформированы однородные по составу группы. Эксперимент проводился с сентября 2010 г. по июнь 2011 г.

Опытно-экспериментальная работа была построена на том, что в подготовительной части занятия (разминке) проводилась сустав-

ная гимнастика – 5 мин., массаж по А.А. Уманской – 5 мин., комплекс аэробики – 5 мин., а в заключительной – стрейчинг и йога – по 5 мин., четырехтактное дыхание – 5 мин. Так,

36% времени от общего занятия использовалось для психофизических практик. В таблицах отражено распределение средств эксперимента в структуре учебного процесса.

Таблица 1

Распределение средств эксперимента в структуре учебного процесса

Кол-во занятий	Экспериментальная группа (102 уч. гр.)	Время (мин.)	%	Контрольная группа (101 уч. гр.)	Время (мин.)	%
1 семестр 2010/2011 уч. год, 1 курс						
7	Легкая атлетика	350	21	Легкая атлетика	560	33
3	Комплексные занятия	150	9	Комплексные занятия	240	14
4	Прикладная гимнастика	200	12	Прикладная гимнастика	320	19
7	Боевой раздел самбо	350	22	Боевой раздел самбо	560	34
	Суставная гимнастика	105	6			
	Комплекс аэробики	105	6			
	Йога	105	6			
	Стретчинг	105	6			
	Четырехтактное дыхание	105	6			
	Массаж по А. Уманской	105	6			
Итого: 21		1680	100		1680	100
2 семестр 2010/2011 уч. г., 1 курс						
4	Лыжи	200	6	Лыжи	320	10
19	Боевой раздел самбо	950	30	Боевой раздел самбо	1520	46
6	Комплексные занятия	300	9	Комплексные занятия	480	15
5	Прикладная гимнастика	250	8	Прикладная гимнастика	400	12
6	Легкая атлетика	300	9	Легкая атлетика	480	15
1	Спортивные игры	50	2	Спортивные игры	80	2
	Суставная гимнастика	205	6			
	Комплекс аэробики	205	6			
	Йога	205	6			
	Стретчинг	205	6			
	Четырехтактное дыхание	205	6			
	Массаж по А. Уманской	205	6			
Итого: 41		3280	100		3280	100

Таблица 2

Распределение средств эксперимента в структуре учебного процесса

Кол-во занятий	Экспериментальная группа (192 уч. гр.)	Время (мин.)	%	Контрольная группа (191 уч. гр.)	Время (мин.)	%
1 семестр 2010/2011 уч. г., 2 курс						
3	Легкая атлетика	150	12	Легкая атлетика	240	19
3	Комплексные занятия	150	12	Комплексные занятия	240	19
2	Прикладная гимнастика	100	8	Прикладная гимнастика	160	12
1	Спортивные игры	50	4	Спортивные игры	80	6
7	Боевой раздел самбо	350	28	Боевой раздел самбо	560	44
	Суставная гимнастика	80	6			
	Комплекс аэробики	80	6			
	Йога	80	6			
	Стретчинг	80	6			
	Четырехтактное дыхание	80	6			
	Массаж по А. Уманской	80	6			
Итого: 16		1280	100		1280	100
2 семестр 2010/2011 уч. г., 2 курс						
2	Лыжи	100	4	Лыжи	160	6
19	Боевой раздел самбо	950	34	Боевой раздел самбо	1520	55

4	Комплексные занятия	200	7	Комплексные занятия	320	11
4	Прикладная гимнастика	200	7	Прикладная гимнастика	320	11
4	Легкая атлетика	200	8	Легкая атлетика	320	11
2	Спортивные игры	100	4	Спортивные игры	160	6
	Суставная гимнастика	175	6			
	Комплекс аэробики	175	6			
	Йога	175	6			
	Стретчинг	175	6			
	Четырехтактное дыхание	175	6			
	Массаж по А. Уманской	175	6			
Итого: 35		2800	100		2800	100

Анализ результатов тестирования физических, физиологических показателей показал статистически достоверные по критерию t-Стьюдента ($t > 2,01$, $p < 0,05$ и $t > 2,02$, $p < 0,05$) улучшения по отдельным физическим, физиологическим показателям в экспериментальной группе юношей и в контрольной (табл. 3, 4, 5, 6). Это говорит о том, что в контрольных группах, занимающихся по

классической рабочей программе, и в экспериментальных группах, в которых использовались психофизические практики, показатели не падают, находятся на одном уровне, а в некоторых случаях наблюдается даже рост (табл. 4, 5, 6). В то же время показатели эмоционально-волевой регуляции улучшились в экспериментальной группе по критериям «память на образы» и «оперативная память».

Таблица 3

Динамика показателей физического развития и подготовленности юношей в процессе педагогического эксперимента сентябрь–октябрь 2010 г. – май 2011 г. (п 1=25, п 2=25)

№ п/п	Показатели 1 курса	Экспериментальная 102 уч. гр.		%	t	p	Контрольная 101 уч. гр.		%	t	p
		до	после				до	после			
1	Рост, м	1,77±0,01	1,78±0,01	1	1,02	>0,05	1,78±0,01	1,79±0,01	1	0,17	>0,05
2	Вес, кг	70,72±1,72	70,72±1,08	0	0	>0,05	69,60±1,20	71,08±1,05	16	0,92	>0,05
3	Бег на 100 м, сек.	13,29±0,08	13,14±0,09	1	1,18	>0,05	13,76±0,11	13,19±0,13	4	3,33	<0,05
4	Бег на 1000 м, мин.	3,28±0,02	3,29±0,04	1	0,15	>0,05	3,41±0,06	3,30±0,02	3	1,88	>0,05
5	Прыжок в длину, м	2,21±0,03	2,31±0,03	5	2,09	<0,05	2,08±0,04	2,19±0,04	5	2,10	<0,05
6	Проба Ромберга, сек.	0,76±0,11	0,09±0,02	88	5,6	<0,05	0,23±0,05	0,06±0,01	73	3,35	<0,05
7	Проба на гибкость, см	7,76±1,77	10,28±1,41	32	1,19	>0,05	8,36±1,47	10,52±1,07	26	1,18	>0,05
8	Сила кисти правой	55,82±2,14	53,86±1,54	4	0,75	>0,05	53,94±1,30	53,58±1,42	7	0,18	>0,05
9	Сила кисти левой	56,08±1,73	52,36±1,34	7	1,69	>0,05	51,02±1,44	51,00±1,35	1	0,01	>0,05

Таблица 4

Динамика показателей физиологических функций организма юношей в процессе педагогического эксперимента сентябрь–октябрь 2010 г. – май 2011 г. (п 1=25, п 2=25)

№ п/п	Показатели 1 курса	Экспериментальная 102 уч. гр.		%	t	p	Контрольная 101 уч. гр.		%	t	p
		до	после				до	после			
1	ЧСС в покое	71,50±4,92	75,12±3,47	5	0,60	>0,05	74,25±2,97	74,75±3,30	1	0,11	>0,05
2	Ортостатическая проба лежа (уд./мин.), стоя (уд./мин.)	74,40±2,04	67,00±2,32	10	2,38	<0,05	71,48±1,86	68,04±2,34	5	1,15	>0,05
		86,88±2,13	78,96±2,18	9,1	2,59	<0,05	81,72±2,26	80,48±2,44	1,5	0,37	>0,05

3	Проба Штанге (мин.)	1,01+0,10	0,98+0,06	3	0,21	>0,05	1,10+0,10	1,05+0,07	5	0,46	>0,05
4	Проба Генче (мин.)	0,37+0,06	0,29+0,02	22	1,36	>0,05	0,40+0,04	0,30+0,01	25	2,01	>0,05
5	ЖЕЛ, л	3,53+0,18	3,48+0,12	1	0,24	>0,05	3,67+0,07	3,56+0,09	3	0,95	>0,05
6	Проба с приседаниями до (уд./мин.), после 20 (уд./мин.)	85,44+2,53 119,04+3,06	78,48+2,05 114,00+3,49	8 4,2	2,13 1,08	<0,05 >0,05	76,24+2,06 117,92+3,57	78,00+2,16 114,72+3,52	2 2,7	0,59 0,64	>0,05 >0,05

Таблица 5

Динамика показателей физического развития и подготовленности юношей в процессе педагогического эксперимента сентябрь–октябрь 2010 г. – май 2011 г. (п 1=23, п 2=23)

№ п/п	Показатели юношей 2 курса	Экспериментальная 192 уч. гр.		%	t	p	Контрольная 191 уч. гр.		%	t	p
		до	после				до	после			
1	Рост, м	1,78+0,02	1,79+0,02	1	0,42	>0,05	1,78+0,01	1,78+0,01	0	0,10	>0,05
2	Вес, кг	70,91+1,67	71,14+1,61	1	0,099	>0,05	72,00+1,33	72,84+1,33	1	0,45	>0,05
3	Бег на 100 м, сек.	13,68+0,16	13,92+0,16	2	1,04	>0,05	13,64+0,19	13,31+0,18	2	1,24	>0,05
4	Бег на 1000 м, мин.	3,32+0,02	3,24+0,02	2	2,89	<0,05	3,30+0,036	3,33+0,04	1	0,46	>0,05
5	Прыжок в длину, м	2,28+0,04	2,23+0,02	2	1,13	>0,05	2,19+0,04	2,25+0,04	8	1,88	>0,05
6	Проба Ромберга, сек.	0,25+0,05	0,35+0,07	40	1,15	<0,05	0,94+0,10	0,27+0,07	71	5,72	<0,05
7	Проба на гибкость, см	7,26+2,55	8,43+1,59	16	0,39	>0,05	9,55+1,68	11,58+2,21	26	0,73	>0,05
8	Сила кисти правой	55,85+1,45	54,57+1,52	2,2	0,60	>0,05	53,52+2,10	53,07+1,83	1	0,16	>0,05
9	Сила кисти левой	51,39+1,69	49,82+1,54	3	0,69	>0,05	51,95+1,71	52,05+1,55	1	0,04	>0,05

Таблица 6

Динамика показателей физиологических функций организма юношей в процессе педагогического эксперимента сентябрь–октябрь 2010 г. – май 2011 г. (п 1=23, п 2=23)

№ п/п	Показатели юношей 2 курса	Экспериментальная, 192 уч. гр.		%	t	p	Контрольная, 191 уч. гр.		%	t	p
		до	после				до	после			
1	ЧСС в покое	68,35+0,41	74,61+1,55	9	2,91	<0,05	78,81+2,53	71,49+2,44	8,9	2,08	<0,05
2	Ортостатическая проба лежа, уд./мин., стоя, уд./мин.	61,82+1,53	72,17+2,32	16	1,89	>0,05	75,73+1,65	71,09+1,86	5	1,86	>0,05
		67,04±2,88	75,13±2,64	12	0,84	>0,05	88,09±2,07	78,36±2,25	11	3,18	<0,05
3	Проба Штанге, мин.	0,92+0,08	0,52+0,06	43	3,93	<0,05	0,96+0,21	0,92+0,09	4	0,20	>0,05
4	Проба Генче, мин.	0,43+0,05	0,30+0,02	30	2,30	<0,05	0,26+0,02	0,26+0,01	0	0,31	>0,05
5	ЖЕЛ, л	4,02+0,15	4,0+0,15	0,4	0,08	>0,05	3,47+0,15	3,50+0,15	0,8	0,15	>0,05
6	Проба с приседаниями до, уд./мин. после, уд./мин.	72+2,29	78,39+2,34	8	1,95	>0,05	85,77+2,27	81,95+3,18	3,5	0,98	>0,05
		101,22±1,70	102±3,53	0,4	0,27	>0,05	118,82±2,87	117,64±4,0	0,9	0,24	>0,05

Результаты тестирования памяти на образы показывают, что отмечаются статистически достоверные по критерию t-Стьюдента

($t > 2,01$, $p < 0,05$) улучшения памяти на образы в экспериментальной группе юношей (см. табл. 7).

Таблица 7

Динамика показателей эмоционально-волевой регуляции юноши, сентябрь–октябрь 2010 г. – май 2011 г.

Тесты 2 курса	Экспериментальная 192 уч. гр. (n-23)		t	p	Контрольная 191 уч. гр. (n-23)		t	p
	до	после			до	после		
Память на образы	10,04±1,01	13,65±0,78	2,83	<0,05	9,57±0,91	10,62±0,81	0,86	>0,05
Теплинг-тест	66,83±3,55	70,39±2,92	0,78	>0,05	64,10±4,45	70,90±4,26	1,11	>0,05
Оперативная память	37,22±0,88	38,57±0,58	1,28	>0,05	32,33±2,16	33,57±2,18	0,40	>0,05

Анализ результатов тестирования емкости оперативной памяти показывает, что данный показатель в экспериментальной

группе юношей улучшился статистически достоверно по критерию t-Стьюдента ($t > 2,00$, $p_{50} < 0,05$) (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика показателей эмоционально-волевой регуляции мужчины, сентябрь–октябрь 2010 г. – май 2011 г.

Тесты 1 курса	Экспериментальная 102 уч. гр. (n-25)		t	p	Контрольная 101 уч. гр. (n-25)		t	p
	до	после			до	после		
Память на образы	12,18±0,72	13,45±0,61	1,35	>0,05	11,19±0,61	12,05±0,66	0,95	>0,05
Теплинг-тест	50,86±2,56	54,18±2,14	1,00	>0,05	49,43±1,65	51,52±1,47	0,95	>0,05
Оперативная память	35,09±0,88	37,59±0,70	2,23	<0,05	35,52±1,21	37,17±0,87	1,08	>0,05

Таким образом, результаты проведенной опытно-экспериментальной работы показывают, что занятия по физической подготовке у курсантов вузов ФСИН России с включением психофизических практик оказались более эффективными, чем занятия по клас-

сической рабочей программе. Применяемые оздоровительные системы открывают новые возможности, позволяющие на стабильно высоком уровне поддерживать физические характеристики и улучшать показатели эмоционально-волевой регуляции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Батури́н А.Е., Коваленко В.Н. Актуальные вопросы организации и обеспечения физической подготовки в образовательных учреждениях ФСИН России // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 30.

² См.: Горностаев С., Лафуткин А. Профессионально важные качества сотрудника // Преступление и наказание. 2012. № 11. С. 29.

³ См.: Киселев А.М. Подготовка сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях. Рязань, 2005. С. 13–16; Он же. Профессиональная подготовка курсантов вузов ФСИН России и пути ее совершенствования при изучении специальной тактики. М., 2006. С. 43–45.

⁴ См.: Зезюлин Ф.М. Физическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы: Моногр. Владимир, 2006. С. 75.

⁵ См.: Приложение к Приказу Минюста России от 12.11.2001 г. № 301 «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России» (опубликовано не было).

⁶ См.: Родионов А.В., Романов В.А., Юшков О.П. Роль оздоровительных практик в снятии психологического напряжения // «Новые подходы к психорегуляции в спорте»: Сб. ст. международной конф. М., 2010. С. 68.

⁷ См.: Бердичевский А.И. Китайские психотелесные гимнастики в структуре готовности к деятельности инженерно-технических работников: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. С. 31.

⁸ См.: Годик М.А., Барамидзе А.М., Киселева Т.Т. Стретчинг – подвижность, гибкость, элегантность. М., 2009. С. 37.

¹ Sm.: Baturin A.E., Kovalenko V.N. Aktual'nye voprosy organizacii i obespechenija fizicheskoj podgotovki v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2010. № 8. S. 30.

² Sm.: Gornostaev S., Lafutkin A. Professional'no vazhnye kachestva sotrudnika // Prestuplenie i nakazanie. 2012. № 11. S. 29.

³ Sm.: Kiselev A.M. Podgotovka sotrudnikov FSIN Rossii k dejstvijam v jekstremal'nyh situacijah. Rjazan', 2005. S. 13–16; On zhe. Professional'naja podgotovka kursantov vuzov FSIN Rossii i puti ee sovershenstvovanija pri izuchenii special'noj taktiki. M., 2006. S. 43–45.

⁴ Sm.: Zezulin F.M. Fizicheskaja podgotovka sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: Monogr. Vladimir, 2006. S. 75.

⁵ Sm.: Prilozhenie k Prikazu Minjusta Rossii ot 12.11.2001 g. № 301 «Ob utverzhdenii Nastavlenija po fizicheskoj podgotovke sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Minjusta Rossii» (opublikovano ne bylo).

⁶ Sm.: Rodionov A.V., Romanov V.A., Jushkov O.P. Rol' ozdorovitel'nyh praktik v snjatii psihologicheskogo naprjazhenija // «Novye podhody k psihoreguljacii v sporte»: Sb. st. mezhdunarodnoj konf. M., 2010. S. 68.

⁷ Sm.: Berdichevskij A.I. Kitajskie psihotelesnye gimnastiki v strukture gotovnosti k dejatel'nosti inzhenerno-tehniceskikh rabotnikov: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2004. S. 31.

⁸ Sm.: Godik M.A., Baramidze A.M., Kiseleva T.T. Stretching – podvizhnost', gibkost', jelegantnost'. M., 2009. S. 37.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Франчайзинг на региональном рынке образовательных услуг

■ **А.Н. ШИЧКОВ** – заведующий кафедрой управления инновациями и организации производства Вологодского государственного технического университета, доктор технических наук, доктор экономических наук;

А.М. ПЕРФИЛЬЕВ – ректор Вологодского института бизнеса, кандидат технических наук

В статье анализируется взаимодействие между учреждениями высшего профессионального образования в части цивилизованного формирования рынка научных знаний и образовательных технологий. На примере подготовки специалистов по направлению «Инновационный менеджмент» предлагается порядок организации взаимовыгодной совместной деятельности с применением франчайзинговой схемы, рассматриваются перспективные стороны взаимодействия и дается характеристика возникающих рисков.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг; инноватика; франчайзинг.

Franchising at regional educational market

■ **A.N. SHICHKOV** – Doctor in Technical Sciences, Doctor in Economics, the Head of the department «Management of Innovations and Manufacture Organization» of the Vologda State Technical University;

A.M. PERFILYEV – PhD in Technical Sciences, Rector of the Vologda Business Institute

In this paper we consider with the interaction between institutions of higher education regarding of civilized formation of science and educational technology market. Here it is proposed an order of the organization of mutually beneficial joint activities with the use of franchising on the example of specialists' training in the course of «Innovation Management». The perspective aspects of the interaction are considered and the short characteristic of arising risks is given.

Key words: educational market; innovation; franchising.

Рынок услуг высшего профессионального образования в Вологодской области, как и в большинстве российских регионов, обладает следующими общими чертами:

1. Рынок нельзя назвать полностью сформированным, поскольку он не образует экономическую систему, которая обеспечивала бы сбалансированность спроса и предложения на оказываемые образовательные услуги. Как отмечают исследователи данной проблемы, основу дисбаланса на рынке услуг высшего образования составляет подготовка по специальностям экономического, юридического, управленческого направле-

ний. Так, средняя потребность в данных специалистах в ряде областей менее 20% от их ежегодного выпуска. В то же время часть потребностей работодателей в квалифицированных работниках остается незаполненной. Анализ рынка труда Вологодской области показал, что причина невостребованности кадров обусловлена не столько низким спросом на их профессии, сколько отсутствием достаточной квалификации, что в свою очередь определяет потребность в дополнительной подготовке и переподготовке выпускников¹. В результате такой несбалансированности в сфере подготовки кадров

возрастает спрос на дополнительные образовательные услуги (второе высшее образование, сокращенная форма подготовки и др.). Следует отметить, что дисбаланс спроса и предложения на рынке образовательных услуг в некоторой степени будет сохраняться всегда, поскольку технология образования в основном предполагает групповое обучение и, кроме того, в рыночной экономике прием на работу специалистов осуществляется на конкурсной основе.

2. Увеличение доли образовательных услуг высшего образования в общем объеме оказываемых образовательных услуг, что связано с формированием основанной на знаниях экономики.

3. На рынке образовательных услуг государство и органы его управления играют значительную роль, однако государство как один из потребителей образовательных услуг сокращает финансирование производителей образовательных услуг высшего образования во всех регионах России. Например, в Брянской области на платной основе обучается более 60% студентов, в Вологодской области – более 50%. Данная тенденция является закономерной. Например, в США нет министерства образования: вузы являются собственностью корпораций или финансируются из фондов².

Вологодская область обладает значительным интеллектуальным потенциалом, используя который, она имеет возможность перейти на инновационный путь развития.

Об этом свидетельствует то, что в области активизировались процессы развития научно-технической деятельности. Так, общая инновационная активность промышленных предприятий региона за последние 5 лет возросла более чем втрое; объем инновационной продукции на одного жителя области постоянно растет; по числу использованных передовых производственных технологий Вологодчина входит во вторую группу регионов из четырех.

Вологодская область обладает необходимым инновационным потенциалом: в научной сфере работают 112 докторов и 839 кандидатов наук. В аспирантуре по 80 специальностям обучаются более 700 специалистов. Формирующаяся инфраструктура и наличие ресурсного потенциала создают условия для выпуска новой конкурентоспособной продукции, разработки новых видов оборудования и технологий предприятиями региона³.

Сегодня инфраструктура регионального рынка образовательных услуг становится такой же экономической системой, как промышленные, строительные, финансово-кре-

дитные и иные кластеры мезоэкономики. Государственные и частные образовательные учреждения основного и дополнительного высшего и среднего специального образования формируют региональный рынок знаний, где востребованы специалисты в области менеджмента, экономики и юриспруденции. Производственный менеджмент формируется на основе инженерной инноватики.

Структура спроса на специалистов формируется на рынке под воздействием общего экономического фона при отсутствии внятного маркетинга как со стороны предприятий промышленного сектора экономики, так и со стороны вузов. Такая ситуация является очень нестабильной, так как спрос достаточно чувствителен – хорошо спланированные рекламные кампании и целенаправленные усилия легко меняют его структуру. Это не создает перспективных предпосылок для подготовки действительно необходимых в ближайшее время региону специалистов.

Вопреки мнению о необходимости сокращения подготовки экономистов, менеджеров и юристов, развитие муниципальной рыночной инновационной экономики показывает, что тенденции реструктуризации крупного бизнеса и развитие на этой основе малого производственного бизнеса требуют специалистов в области организации производства.

Именно с обучения такого рода специалистов необходимо начать пересмотр всего спектра направлений подготовки будущих работников малого бизнеса. На уже существующих малых предприятиях отсутствует четкая программа стратегического развития и, как следствие, планы подготовки кадров и развития персонала. В этой связи малый бизнес не может сформировать четкий заказ на требуемых специалистов.

Исходя из того, что региональный рынок образовательных услуг и рынок знаний формируется на основе реальных потребностей мезоэкономики, основной задачей образовательных учреждений любого уровня является перманентное исследование и прогнозирование этих потребностей с целью их наиболее полного и своевременного удовлетворения. Причем, учитывая многообразие и нестабильность требований рынка, очень важна как вариативность самих образовательных программ, так и разнообразие учебных учреждений, их осуществляющих. Однако ввиду ограниченности возможностей каждого отдельно взятого образовательного учреждения основные предпосылки качественного рывка вперед лежат именно в

области взаимной интеграции и создания единого образовательного пространства, которое бы в итоге позволило студенту (слушателю) сосредоточиться именно на получении востребованных рынком знаний, а не на формальной стороне вопроса выбора образовательного учреждения.

С точки зрения рыночной экономики образовательные услуги – это бизнес, целью которого является получение дохода. Поэтому каждый субъект образовательного бизнеса – вуз или среднетехническое учебное заведение – является предпринимателем, который стремится получить этот доход.

Понятие дохода рассматривается в разных формах: традиционной денежной (увеличение объема собственных денежных средств, объемов бюджетного финансирования и т.д.) и других (расширение материальной базы, повышение статуса образовательного учреждения, увеличение доли рынка, престижа вуза, формирование бренда и пр.).

Следует отметить, что несовершенство рыночных реформ в сфере образовательных услуг в первую очередь связано с тем, что крупные вузы получили в наследство от государственной плановой индустриальной экономики очень затратную материальную базу, созданную для подготовки специалистов по государственным планам, стандартам и учебным программам для конкретных производственных отраслей и предприятий. При этом жесткий бюрократический механизм управления определяет ограниченные возможности каждого конкретного вуза в ее реструктуризации и возможностях наиболее эффективного использования.

Производственная сфера экономики трансформировалась в сторону рыночного уклада, в стране перешли от отечественных технологий к приобретаемым у стран с развитой рыночной экономикой технологическим машинам и технологическим системам, и плановая система подготовки специалистов стала невостребованной.

В этой связи, как отмечалось выше, рынком знаний стали востребованы в большей мере организаторы производства на основе менеджмента. Сотрудники (профильные специалисты) также важны, но именно организаторы производства на данный момент стали играть ключевую роль в создании бизнеса и определении перспектив его развития.

С переходом к рыночным отношениям изменилась концепция государственного управления высшим профессиональным образованием. В дополнение к государственным образовательным учреждениям, осуществляющим учебный процесс, финан-

сируемый в соответствии с государственным заказом, на рынок образовательных услуг пришли частные образовательные учреждения. Государство взяло на себя функцию лицензирования образовательных процессов, сформированных на основе государственных образовательных стандартов. При этом, учитывая интеграцию экономики России в мировую экономическую систему, характеризующую динамичным инновационным технологическим и производственным укладом, принят двухуровневый образовательный процесс – бакалавриат и магистратура.

Можно отметить основные интересы государства в реформе образования:

1. Обеспечение национальной безопасности – определение стратегически важных вузов для подготовки соответствующих специалистов и направлений научных исследований, осуществление их приоритетного финансирования.

2. Повышение эффективности образовательной отрасли – обеспечение лучшего качества подготовки специалистов при снижении затрат, прежде всего, государственного финансирования.

3. Подготовка кадров, востребованных сегодняшней экономикой и инновационной экономикой завтрашнего дня.

4. Подготовка специалистов, способных быть востребованными и эффективными в рамках процесса интеграции России в ВТО.

5. Воспитание граждан демократического общества.

Указанные приоритеты сильно отличаются от задач, стоявших перед государственными вузами ранее, что снижает их конкурентоспособность на рынке знаний.

Крупные государственные университеты испытывают сегодня несовершенную конкуренцию со стороны частных вузов и их филиалов, расположенных на территории области. Существенным фактором конкурентной борьбы за абитуриентов и формирование доходной части бюджетов за счет сбора финансовых средств за обучение является различие в возможностях проведения ценовой политики в крупных государственных и частных вузах.

Министерство образования и науки Российской Федерации финансирует государственные вузы только в пределах государственного заказа, который в силу отмеченных выше причин уменьшился практически в два раза. В этой связи внебюджетное финансирование образовательного процесса крупных государственных вузов должно покрывать дефицит денежных ресурсов на содержание всей инфраструктуры учебного

заведения. Что касается филиалов и коммерческих вузов, то у них, как правило, формирование материальной базы было более успешным по причине отсутствия бюджетного финансирования и дефицита собственных средств. В этой связи материальная база была сформирована более качественно, что позволило снизить расходы на ее содержание. Следовательно, появилась возможность увеличивать другие расходные статьи, в том числе оплату педагогического труда.

С точки зрения маркетинга для данных категорий вузов действуют диаметрально противоположные маркетинговые стратегии, обостряющие конкурентную борьбу. Для государственных вузов это стратегия сохранения доли рынка и оптимизации деятельности, для негосударственных – увеличения доли рынка и развития бизнеса.

Негосударственные образовательные учреждения, по сравнению с государственными, значительно более свободны в выборе стратегических направлений своего развития. Для того чтобы работать с максимальной эффективностью, вуз должен постоянно стремиться к повышению степени соответствия (адаптации) своей деятельности к требованиям рынка. Это предопределяет использование технологий именно инновационного менеджмента, являющегося исходным для формирования финансового менеджмента, кадрового менеджмента, маркетинга, менеджмента организации, теории и практики предпринимательства, юриспруденции и т.д.

Государственные вузы реализуют учебный процесс на основе учебной, научной и лабораторной базы, научно-методических материалов, созданных профессорско-преподавательским составом в течение многих лет. Эти материалы являются уникальными, составляют ноу-хау и являются интеллектуальной собственностью факультетов и кафедр этих учебных заведений. Частные вузы пришли на рынок образовательных услуг, не имея собственного научно-образовательного капитала. Поэтому вариант привлечения преподавателей и специалистов из государственных вузов с их знаниями и опытом был единственно возможным с точки зрения максимально быстрого начала деятельности и выполнения лицензионных и аккредитационных показателей. При этом вопросы определения и урегулирования авторских прав, как правило, не носили системного характера, что могло приводить к нарушению закона об охране интеллектуальной собственности, если речь шла об уникальных авторских разработках.

С другой стороны, большой объем интеллектуального капитала, накопленного государственными образовательными учреждениями, в современных условиях рыночной экономики уже не является актуальным и поэтому востребованным. Кроме того, использование его по ряду причин не всегда является экономически целесообразным.

Обобщенным параметром интеллектуального потенциала вуза является лицензия и документ об аккредитации, выданные Министерством образования и науки на основе предоставленных материалов, свидетельствующих о соответствии образовательного процесса государственному стандарту. Частные образовательные учреждения получают аналогичную лицензию на основе заимствованных у государственных вузов кадров и научно-методических материалов. Это стало возможным в связи с тем, что государственные вузы не формируют нематериальные активы на основе лицензий, которые, как правило, получены значительно раньше, чем аналогичные лицензии частных учебных заведений. В этой связи государственный вуз не может доказать свой приоритет в той или иной интеллектуальной собственности, используемой в научно-образовательном процессе.

Редкое исключение составляют частные вузы с собственными значимыми интеллектуальными наработками, отвечающими современным реалиям. Следует также учесть, что на данный момент в частных образовательных учреждениях работает большое число специалистов – бывших сотрудников государственных вузов, которые принесли с собой свои знания и технологии, интеллектуальный потенциал.

Средством формирования на региональном рынке образовательных услуг совершенной конкуренции может послужить использование такого эффективного экономического инструмента, как франчайзинг. Франчайзинг способствует увеличению дохода учебного заведения от предоставляемых образовательных услуг и повышает их потребительские свойства и качество (стабильность).

Франчайзинговую схему взаимодействия можно успешно применять при решении всех составных частей процесса лицензирования вуза, в том числе обеспечения учебного процесса площадями, библиотечными ресурсами, кадрами соответствующей квалификации и пр. Наиболее интересным, перспективным, но в то же время сложным представляется франчайзинг интеллектуальных ресурсов.

Министерство образования и науки Российской Федерации внесло в уставы государственных высших учебных заведений пункты, дающие право осуществлять по договорам с юридическими и физическими лицами на возмездной основе виды деятельности, приносящие доход. В данном случае речь идет о реализации п. 8.13 устава (ВоГТУ): оказание образовательных услуг в пределах, установленных лицензией на осуществление образовательной деятельности по основным образовательным программам начального профессионального, среднего профессионального, высшего и послевузовского профессионального образования, по дополнительным профессиональным образовательным программам, сверх финансируемых за счет средств федерального бюджета контрольных цифр приема граждан, а также по программам профессиональной подготовки. Таким образом, становление рыночных отношений в сфере лицензируемого государством образования определило возникновение специфического товара – образовательной франшизы.

Применение франчайзинга в сфере образовательных услуг является наиболее перспективным. Франчайзинг – это рыночный инструмент, направленный на расширение возможности государственного и частного образовательного учреждения увеличить свои доходы. В Германии образовательные продукты и услуги занимают четвертое место в списке наиболее крупных сфер франчайзинга по числу задействованных франчайзи.

В настоящее время в Англии образовательный франчайзинг стал наиболее быстро расширяющейся сферой деятельности. В 1991/1992 уч. г. количество высших учебных заведений, участвовавших во франчайзинге, составило 40%. На следующий год цифра достигла 56%. Число студентов, задействованных во франчайзинговых программах, выросло за тот же период с менее чем 10 000 чел. в 1991/1992 уч. г. до 34 919 чел. в 1992/1993 уч. г., так что рост в течение года составил 250% .

Франчайзинг (от фр. franchise – право, льгота, привилегия и производного англ. franchising – право, привилегия) – рыночная схема взаимоотношения юридических лиц на рынке образовательных услуг. Учебное заведение, которое обладает государственной лицензией на подготовку востребованных рынком специалистов, может расширить эту подготовку на коммерческой основе и увеличить свой доход путем предоставления в аренду франшизы (лицензии)

другому вузу, который не обладает такой лицензией. Вуз-арендатор получит рост дохода за счет увеличения количества студентов, обучающихся на коммерческой основе. Таким образом использовать схему франчайзинга на рынке образовательных услуг можно путем реализации на основе аренды разработанных и освоенных университетом лицензированных и аккредитованных направлений подготовки бакалавров и магистров, пользующихся спросом у абитуриентов и работодателей региона.

Франчайзинг по российскому праву реализуется на основе договора коммерческой концессии, который предусматривает использование (аренду) комплекса исключительных прав (государственной лицензии и аккредитации), деловой репутации и научно-педагогического опыта. В договоре регламентируется сумма отчислений за пользование франшизы.

Франчайзинг определен Гражданским кодексом Российской Федерации (ч. II, гл. 54) и носит название «коммерческая концессия».

Франшиза – это технология научно-образовательного процесса кафедры, франчайзи – вуз-арендатор. В качестве гаранта качества создается филиал кафедры в вузе.

В конечном счете, франчайзи получит увеличение дохода за счет увеличения числа студентов, франчайзер – в виде арендной платы за франшизу.

Для реализации этой задачи составляется контракт, в котором отражены условия совместного образовательного бизнеса: передача лицензии на ведение образовательного бизнеса, методических материалов, методы контроля со стороны франчайзера, суммы и сроки выплаты арендной платы.

Франчайзи должен быть собственником своего предприятия, лицензированным и аккредитованным образовательным учреждением, имеющим статус юридического лица и реализующим образовательные программы, иметь в оперативном управлении имущество, на правах аренды или самостоятельного распоряжения необходимой учебно-материальной базой.

В перспективе возможно рассмотрение вопроса о формировании вуза, реализующего лицензионные требования на стопроцентной франчайзинговой основе.

Для франчайзи выгодно ассоциировать себя с известной, имеющей хорошую репутацию маркой, качественным обучением, новыми образовательными технологиями, а также иметь возможность быстрого роста собственного образовательного учреждения. Для франчайзера экономическая вы-

года образовательного франчайзинга заключается в возможностях расширения и дальнейшего продвижения на рынок образовательных услуг с гарантией того, что его торговая марка и образовательные технологии используются по назначению. В целях наиболее полного удовлетворения потребностей региона должен быть разработан совместный маркетинговый план продвижения данного направления.

Именно поэтому в начале 90-х г. наибольшее распространение в России получили импортируемые образовательные франшизы. Здесь имеет место ввоз в страну уже существующей франчайзинговой системы из другого государства. Ряд российских вузов в рамках образовательного франчайзинга предлагает программы английских, американских и французских образовательных организаций.

Перспективной представляется адаптация уже существующих отечественных образовательных продуктов и услуг для франчайзинга и реализация отечественных образовательных программ в регионах России.

Актуальность применения адаптированных отечественных образовательных программ объясняется тем, что, по данным социологических исследований, в формировании социального поведения молодежи в регионах России чрезвычайно велика роль так называемых «внешних» (по отношению к индивиду) факторов, влияющих на выбор образовательных учреждений и специальности.

Кроме того, актуальность наиболее четко проявляется в условиях кризиса, когда оперативно необходимо решать сложные экономические задачи в регионе, при этом наиболее остро встает вопрос массовой переподготовки кадров. В качестве примера можно привести события кризисного 2009 г. в г. Череповце, где практически одновременно на ОАО «Северсталь» были уволены порядка 10 000 чел.

Существуют объективные предпосылки для формирования коммерческого предложения (оферты) для реализации схемы франчайзинга частным вузам. Так, например, кафедра управления инновациями и организации производства ВоГТУ имеет:

- ноу-хау в виде научно-образовательной школы «Инновационный менеджмент в производственно-технологической системе» и лицензию на научно-образовательный процесс подготовки бакалавров и магистров по программам инновационного менеджмента;

- эффективную научно-педагогическую команду, известную в научно-педагогических кругах региона и России в целом;

- отработанные технологии достижения научно-образовательного результата, четко определенные образовательные процессы, стандарты, требования к качеству научно-образовательного процесса;

- все возможности для тиражирования (трансляции) процесса подготовки специалистов всех уровней – от бакалавра, магистра до кандидата и доктора наук.

При этом будет реализован перенос успешной научно-образовательной модели «франшиза» в другие образовательные организации. Спрос на данную франшизу имеется, например, у НОУ ВПО «Вологодский институт бизнеса» (г. Вологда). Местом переноса и реализации образовательных технологий могут являться и другие частные вузы и филиалы, имеющие лицензии на образовательные услуги.

В официальной оферте вуз должен определить перечень учебно-методической литературы, видеокурсов, мультимедийных курсов, CD-курсов и прочих необходимых для организации учебного процесса элементов.

Устанавливается срок, территория использования франшизы, предельная численность обучающихся и другие условия.

Правила формирования контингента численности, приема обучающихся, организации учебного процесса (передачи, усвоения и контроля знаний), система оценок, формы и порядок проведения промежуточной аттестации – все это также включается в арендуемую образовательную франшизу.

Возникает вопрос перераспределения долей рынка в данном сегменте между образовательными учреждениями. Риски и экономическая целесообразность должны быть просчитаны на основе анализа кривой спроса, статистических данных и выработки оптимальных ценовых предложений, а также других условий франшизы.

В качестве базового варианта реализации механизма трансферта образовательных технологий, обеспечивающего наибольшие гарантии качественной реализации процесса, необходимо рассматривать открытие филиала кафедры вуза-франчайзера в вузе-франчайзи.

Задача вуза-франчайзи – четко определить состав функционала филиала кафедры, обеспечить условия ее функционирования, внедрения в учебный процесс, а также правильно учитывать показатели ее деятельности в составе аккредитационных.

При определении цены франшизы, а также выборе вуза-партнера франчайзинговой программы можно руководствоваться следующими рассуждениями.

Существуют известные принципы установления цены:

- «метод затрат» – производится расчет себестоимости образовательной услуги, конечная цена устанавливается с учетом коэффициента рентабельности или определенного процента дохода (данном принципом руководствуются большинство вузов);

- «метод сравнения» – цена устанавливается в сравнении с ценой конкурентов, предоставляющих образовательные услуги аналогичного профиля;

- «метод приближения» – цена устанавливается (а впоследствии и корректируется) с учетом величины спроса на конкретную образовательную услугу и не опускается ниже минимально допустимого уровня⁴.

На процесс ценообразования помимо известности, престижности и профильности вуза существенное влияние оказывают такие факторы, как глубина, основательность, широта подготовки и степень фундаментальности образовательных услуг. По этим параметрам были выделены следующие ценовые ниши:

- специализированные элитарные вузы с широко известной репутацией (высокая цена);

- вузы, которые «раскручивают» свою марку и пытаются стать элитарными или на них похожими (высокое качество, цены выше, чем у конкурентов);

- профильные вузы, которые углубленно обучают по определенному направлению (средняя рыночная цена);

- вузы широкого профиля, предлагающие обучение по современным, популярным специальностям (средняя цена или чуть ниже), именно к этой категории может быть отнесено НОУ ВПО «Вологодский институт бизнеса»;

- «молодые» вузы, только начинающие свою работу или вузы широкого профиля, вводящие новую специальность (заниженная цена).

Правильно определив свою принадлежность к одной из ниш, образовательное учреждение может в дальнейшем выбрать верную политику не только в определении цены франшизы, но и в ее содержании и успешно продвигать ее на рынки.

Устанавливая сумму первоначального взноса, важно определить все услуги, которые будут предоставляться франчайзи. Услуги, предлагаемые франчайзером региональным франчайзи, делятся на две группы:

- носящие единичный характер (организационное сопровождение становления бизнеса; первоначальное обучение работников и подготовка в области управления; техническая и правовая поддержка);

- носящие регулярный характер (административная; сертификация тьюторов; предоставление учебно-методического материала; информационное обеспечение; разработка практических рекомендаций по маркетингу и т.п.).

Комплекс услуг может быть оценен как в стоимостном выражении, так и по каждому пункту отдельно.

Периодические выплаты, производимые франчайзи еженедельно или ежемесячно франчайзеру за продолжительное использование торговой марки и операционных систем ведения бизнеса, называют роялти.

Роялти обычно рассчитывают как процент валовых продаж, либо они могут иметь форму фиксированной платы и быть включенными в стоимость учебно-практического пособия либо рассчитываться как фиксированная сумма с определенного количества студентов. Размер роялти определяется теми же факторами, что и стоимость франшизы.

В большинстве схем льготного предпринимательства помимо первичных и текущих платежей предусматриваются еще расходы на рекламу.

В дополнение нужно сказать, что франчайзер должен установить размеры всех выплат, связанных с франчайзинговой системой: первоначальный взнос, регулярно оцениваемый сервисный взнос за использование товарного знака, выплаты в рекламный фонд и другие взносы за предлагаемые услуги.

Поскольку первоначальные расходы в целом достаточно велики, франчайзер может оказать франчайзи финансовую поддержку – прямое или косвенное финансирование (отсрочка платежей, краткосрочные ссуды, скидки при продаже франчайзи оборудования, лизинг), финансирование будущих франчайзи. При этом должен быть разработан четкий механизм взаимных гарантий.

Открытие филиала кафедры в вузе-франчайзи определяется следующим алгоритмом:

1. Согласование рабочего учебного плана. На первоначальном этапе анализируется рабочий учебный план подготовки студентов по новому направлению. Основная задача – определить, какие дисциплины могут быть обеспечены собственными преподавателями, какие преподавателями филиала кафедры.

2. Распределение дисциплин между преподавателями. Обусловливается составом и возможностями штатных преподавателей вуза-франчайзи, их квалификационным уровнем, необходимым для данного направления подготовки, а также возможностями новых сотрудников открываемого филиала кафедры вуза-франчайзера.

3. Оформление сотрудников филиала кафедры в вузе-франчайзи (по совместительству либо на постоянной основе).

4. Внесение изменений в документы вуза. После оформления сотрудников филиала кафедры во внутренние документы вуза-франчайзи (устав, положение о кафедре, положение об ученом совете и пр.) вносятся соответствующие изменения.

5. Перелицензирование вуза-франчайзи. С целью управления франчайзинговыми рисками и обеспечения возможности выдачи документа государственного образца по новому направлению подготовки вуз-франчайзи должен пройти процедуру перелицензирования, при этом в качестве обеспечения учебного процесса преподавателями выступают преподаватели филиала кафедры вуза-франчайзера. Обеспечение литературой производится за счет библиотечных и других ресурсов вуза-франчайзера, что указывается в договоре франшизы. Вуз-франчайзи несет на себе ответственность обеспечения процесса необходимыми учебными площадями.

6. Обучение и аттестация обучающихся на франчайзинговой основе. Проводится по учебным планам и программам франчайзера силами сертифицированных специалистов, то есть допущенных франчайзером к учебным занятиям у франчайзи.

Основная масса образовательных предметов читается штатными преподавателями франчайзи и только спецкурсы – преподавателями филиала кафедры франчайзера.

После выполнения арендуемого учебного плана студенту (слушателю), обучающемуся у франчайзи, выдается документ об образовании франчайзи или франчайзера в соответствии с условиями договора концессии, но с обязательным указанием, что подготовка и учебный процесс реализованы по лицензии франчайзера.

В зависимости от желания и возможностей студента (слушателя) он получает диплом франчайзера или франчайзи либо оба

диплома одновременно. При этом необходимо будет решить ряд административных задач и получить согласование на реализацию данной схемы взаимодействия с контролирующими вузы органами.

Подведем итоги:

– франчайзинговая схема трансферта интеллектуальной собственности между вузами является очень перспективной с точки зрения простоты, скорости реализации и учета взаимных интересов сторон;

– механизм взаимодействия (франшизы) реализуется на основе договора коммерческой концессии, в котором подробно оговариваются все аспекты административного, научного, педагогического взаимодействия, вопросы оплаты, маркетинга и пр.;

– оптимальным с точки зрения обеспечения качества процесса механизмом реализации франчайзинговой схемы взаимодействия между вузами будет являться филиал кафедры вуза-франчайзера в вузе-франчайзи;

– функционал филиала кафедры определяется франчайзи в зависимости от конкретных задач вуза;

– вуз-франчайзер также может продать франшизу на интеллектуальные ресурсы без их носителей (преподавателей вуза) либо продать ее команде сторонних носителей (преподавателей) для трансляции путем организации кафедры в другом вузе (вузах);

– экономический эффект заключается:

• для вуза-франчайзера – в получении дополнительных доходов от продажи франшизы, расширения сферы использования научного потенциала;

• для вуза-франчайзи – в возможности роста доходов за счет увеличения числа обучающихся по новым направлениям подготовки, использования новых образовательных технологий;

• для региона – в значительном ускорении качественной подготовки наиболее востребованных специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Озина А.М. Оценка соответствия региональной системы профессионального образования потребностям экономики региона // Экономический анализ: теория и практика. 2009. № 31(160). С. 2–9.

² См.: Ефремова А.А. Формирование инфраструктуры и механизмов развития регионального рынка образовательных услуг: Дис. ... канд. эконом. наук. Вологда, 2010.

³ См.: Статистический ежегодник Вологодской области: Стат. сб. Вологда, 2007.

⁴ См.: Царев В.В. Оценка стоимости бизнеса. Теория и методология: Учеб. пособие для вузов. М., 2007.

¹ Sm.: Ozina A.M. Ocenka sootvetstvija regional'noj sistemy professional'nogo obrazovanija potrebnostjam jekonomiki regiona // Jekonomicheskiy analiz: teorija i praktika. 2009. № 31(160). S. 2–9.

² Sm.: Efremova A.A. Formirovanie infrastruktury i mehanizmov razvitija regional'nogo rynka obrazovatel'nyh uslug: Dis. ... kand. jekonom. nauk. Vologda, 2010.

³ Sm.: Statisticheskij ezhegodnik Vologodskoj oblasti: Stat. sb. Vologda, 2007.

⁴ Sm.: Carev V.V. Ocenka stoimosti biznesa. Teorija i metodologija: Ucheb. posobie dlja vuzov. M., 2007.

Сертификация как элемент повышения эффективности производственного сектора предприятий уголовно-исполнительной системы

А.О. ЗУБОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматривается вопрос о сертификации осужденных к лишению свободы, привлекаемых к труду на предприятиях уголовно-исполнительной системы, и делается вывод о том, что сертификация может положительно повлиять на эффективность производственного сектора, а также повысить уровень компетентности самих осужденных, что обеспечит им после освобождения более выгодное положение на рынке труда.

Ключевые слова: осужденный; труд; сертификация работников; предприятия уголовно-исполнительной системы.

Certification as an element of efficiency improvement of manufacturing sector of the penal system

A.O. ZUBOVA – PhD in Law, Lecturer of the Chair for Civil Law of Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

In the article the question about the certification of the inmates brought to labour on the works of the Penal System is revealed. It is concluded that the certification may contribute to better on efficiency of manufacturing sector as well as raise the competence of the inmates that provide them more advantageous position on the labour market after the release.

Key words: an inmate; certification of employees; the works of the Penal System.

Привлечение осужденных к труду, создание условий для обучения по рабочим специальностям и закрепления профессиональных навыков являются приоритетными задачами при реформировании производственного сектора уголовно-исполнительной системы.

В целях повышения конкурентоспособности производства и восстановления утраченных рабочих мест в связи с прекращением выпуска устаревшей и не пользующейся спросом продукции в последнее время освоено производство 2660 новых изделий, из которых 2400 ранее не выпускались, активизированы выставочно-ярмарочная и рекламная деятельность, работа по привлечению инвестиций от коммерческих структур для создания на взаимовыгодных условиях рабочих мест для осужденных. Однако данные мероприятия могут оказаться бесполезными, если не учитывать ситуацию на рынке товаров и услуг в целом.

22 августа 2012 г. Россия стала членом ВТО, что дало стране определенные преимущества. Среди основных целей присоединения России к ВТО можно отметить следующие: улучшение условий доступа российской продукции на иностранные рынки; доступ к международному механизму разрешения торговых споров; создание более благоприятного климата для иностранных инвестиций в результате приведения законодательной системы в соответствие с нормами ВТО; расширение возможностей для российских инвесторов в странах-членах ВТО, в частности в банковской сфере; создание условий для повышения качества и конкурентоспособности отечественной продукции в результате увеличения потока иностранных товаров, услуг и инвестиций на российский рынок. Таким образом, вступление России в ВТО обязывает учреждения УИС, где имеется производство, соответствовать новым требованиям на рынке товаров и услуг.

Международный опыт показывает, что в настоящее время вести торговую деятельность без документов, удостоверяющих качество производимого товара или предлагаемой услуги, практически невозможно. С вступлением России в ВТО те предприятия, которые не подтвердят качество производимого товара, не смогут быть полноценными участниками рынка. Для подтверждения качества товара или предоставляемой услуги принято использовать сертификаты соответствия. Мировая практика по стандартизации предлагает использовать стандарты ИСО в самых разнообразных сферах. В настоящее время в стране зарегистрировано более 500 тыс. предприятий, сертифицировавших свои системы на соответствие стандартам ИСО серии 9000, в том числе и в области управления качеством в работе с персоналом¹. Некоторые предприятия УИС также активно внедряют данные стандарты в своем производстве, проводя сертификацию системы менеджмента качества и получая сертификаты соответствия требованиям ГОСТ ИСО 9001-2008².

Согласно действующему законодательству стандартизация в Российской Федерации осуществляется под общим руководством Госстандарта и проводится в целях повышения уровня безопасности жизни, здоровья граждан, а также жизни и здоровья животных и растений, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества, окружающей среды, в том числе для содействия выполнению требований технических регламентов; стимулирования научно-технического прогресса; повышения конкурентоспособности продукции, работ и услуг в соответствии с уровнем развития науки, техники и технологии; экономии и рационального использования ресурсов; технической и информационной совместимости; сопоставимости результатов измерений и испытаний, технических и экономико-статистических данных на международном и национальном уровнях; взаимозаменяемости продукции³.

С системой стандартизации ИСО тесно взаимодействует система управления качеством рабочей силы, одной из составных частей которой является система сертификации персонала.

Сертификация персонала – это установление соответствия качественных характеристик персонала (образование, уровень профессиональной компетентности) тре-

бованиям отечественных и международных (что является актуальным на сегодняшний день) стандартов. Сертификация персонала осуществляется на основе классификатора профессиональных стандартов, согласованного с возможностями человека, а также с требованиями реального производства и возможностями профессионального образования.

Система сертификации персонала, внедряемая в одну из национальных социально-экономических систем страны, необходима для производства, сферы услуг, среднего и малого бизнеса. Мы придерживаемся мнения профессора В.В. Морозова о том, что в ближайшее время система сертификации станет обычной практикой и займет ведущее место в системе управления качеством рабочей силы, качественно отличаясь от системы аттестации персонала, направленной на определение соответствия работника определенной должности и тарифному разряду без привлечения третьей стороны, собственными силами организации⁴.

Система сертификации работников может быть применима в учреждениях УИС в отношении осужденных, которые трудятся на производстве.

Внедрение системы сертификации работающих осужденных поможет, во-первых, создать условия для деятельности предприятий на российском и международном рынках за счет выпуска конкурентоспособной продукции и оказания качественных услуг, во-вторых, повысить уровень компетентности самих осужденных, что обеспечит им после освобождения более выгодное положение на рынке труда.

Сертификация может осуществляться на предприятиях УИС как по инициативе осужденных, так и по инициативе руководства учреждения.

Привлечение третьей стороны при проведении процедуры сертификации, использование в качестве базового документа для оценки компетентности работника профессионального стандарта в системе сертификации персонала позволяют установить и удостоверить область профессиональной компетенции работника и наметить перспективы профессионального роста при дополнительной профессиональной подготовке.

Гарантии третьей стороны, выдавшей сертификат компетентности работника, уменьшают риск работодателя при найме работника, упрощают работу кадровых служб по обеспечению необходимого уровня квалификации персонала.

Кроме того, сертификация персонала является официальным экспертным признаком компетентности и соответствует продвижению по службе и росту заработной платы работников, обеспечению конкурентных преимуществ предприятий.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Морозов В.В. Проблемы сертификации профессиональных квалификаций персонала предприятий и выпускников системы профессионального образования Самарской области // Актуальные проблемы социально-трудовых отношений в современных условиях: Сб. материалов региональной науч.-практ. конф. (Самара, 22 ноября 2011 г.). Самара, 2011. С. 24.

² См.: Ермаков С.В. Особенности сотрудничества с УИС. http://www.ermakov-press.ru/YUTPP/osobennosti_sotrudnichestva_s UIS/ (дата обращения: 14.11.2012 г.)

³ См.: Ловчева М. Порядок и формы сертификации персонала // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 2. С. 108.

⁴ См.: Морозов В.В. Проблемы сертификации профессиональных квалификаций персонала предприятий и выпускников системы профессионального образования Самарской области. С. 25.

Подводя итог, можно отметить, что сертификация осужденных, работающих на предприятиях УИС, может принести положительные моменты как для предприятий УИС, так и для самих лиц, отбывающих лишение свободы.

¹ См.: Morozov V.V. Problemy sertifikacii professional'nyh kvalifikacij personala predprijatij i vypusnikov sistemy professional'nogo obrazovaniija Samarskoj oblasti // Aktual'nye problemy social'no-trudovyh odnoszenij v sovremennyh uslovijah: Sb. materialov regional'noj nauch.-prakt. konf. (Samara, 22 nojabrja 2011 g.). Samara, 2011. S. 24.

² См.: Ermakov S.V. Osobennosti sotrudnichestva s UIS. http://www.ermakov-press.ru/YUTPP/osobennosti_sotrudnichestva_s UIS/ (data obrashhenija: 14.11.2012 g.)

³ См.: Lovcheva M. Porjadok i formy sertifikacii personala // Kadrovik. Kadrovij menedzhment. 2011. № 2. S. 108.

⁴ См.: Morozov V.V. Problemy sertifikacii professional'nyh kvalifikacij personala predprijatij i vypusnikov sistemy professional'nogo obrazovaniija Samarskoj oblasti. S. 25.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Соотношение доктринальной и легальной дефиниций конкуренции

А.Ю. КИНЁВ – начальник Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, кандидат юридических наук, докторант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье анализируются научные и легальные определения конкуренции, дается авторское определение данного понятия. Делается вывод о том, что защита конкуренции находится в основном в сфере административного законодательства.

Ключевые слова: конкуренция; дефиниция; законодательство; административное законодательство; антимонопольная политика.

The ratio of the doctrinal and legal definitions of competition

A.Y. KINEV – PhD in Law, Head of the Department for Cartel Management of the Federal Antimonopoly Service of Russia, Postgraduate of the Moscow State O.E. Kutafin Academy (MSLA)

The paper analyzes the scientific and legal definition of competition and on this basis it is proposed to the author's definition. It is concluded that the protection of competition is mainly in the field of administrative law.

Key words: competition; definition; legislation; administrative law; antitrust policy.

Под конкуренцией (от лат. concurrentia – сталкиваться) в экономических исследованиях понимается состязание между производителями (продавцами) товаров, а в общем случае – между любыми экономическими, рыночными субъектами; борьба за рынки сбыта товаров с целью получения более высоких доходов, прибыли, других выгод¹. Это широкое толкование понятия «конкуренция».

В Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² (далее – Закон о защите конкуренции) рассматриваемое понятие определяется более узко – как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность в одностороннем порядке воздействовать на общие условия

обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

Различие доктринальной и легальной дефиниций конкуренции некоторые ученые берут за основу критики антимонопольного регулирования.

Так, В.В. Кизилев и В.В. Новиков отмечают, что разница между двумя определениями принципиальна. Они во многих отношениях противоположны. В первом случае (экономическая трактовка конкуренции) перед нами предстает образ энергично соперничающих людей, старающихся сделать что-то отличное от других и тем самым приобрести преимущество. Защита такой «соревновательной» конкуренции означает просто полноценную реализацию прав собственности и свободы хозяйственной деятельности. Каждый, кто желает при-

нять участие в этом соревновании, должен иметь право это сделать, хотя результат участия в соревновании, очевидно, у всех будет разным. Во втором же случае (легальное определение) ни один из игроков не может изменить ход борьбы. Идеальной конкуренцией при этом представляется продажа одинакового товара по одинаковой, общерыночной цене бесконечным количеством малых продавцов. В результате указанные исследователи делают вывод, что это не имеет ничего общего с тем, что понимается под конкуренцией³.

Следует отметить слишком упрощенное понимание конкуренции В.В. Кизиловым и В.В. Новиковым. Словари (в том числе словарь В. Даля) используют общераспространенное толкование терминов и не дают глубокого представления о научных взглядах на их сущность.

Между тем в экономической науке можно выделить два подхода к трактовке конкуренции. Первый подход – структурный, основанный на выделении характеристик товарного рынка, необходимых для поддержания конкуренции, таких как атомистичность рынка, то есть наличие достаточно большого количества продавцов, каждый из которых настолько мал, что его действия не оказывают существенного влияния на конкурентов; однородность товара, то есть полная взаимозаменяемость товара, поставляемого на рынок разными продавцами; полная информированность участников рынка о ценах, установленных всеми фирмами; равнодоступность производственных технологий для всех участников рынка; свобода входа на рынок и выхода из него⁴.

Второй подход заключается в выделении поведенческих аспектов в понятии конкуренции и концентрирует внимание на особенностях рыночной стратегии участников, которые свидетельствуют об их соперничестве друг с другом и с потенциальными конкурентами.

Безусловно, в легальном определении конкуренции отражены не все признаки этого понятия. По мнению К.Ю. Тотьева, в нем не отражено собственно юридическое содержание конкуренции⁵. Ученый считает, что с юридической точки зрения конкуренцию продуктивно рассматривать как многогранную категорию, при этом необходимо выделять следующие ее аспекты:

– конкуренция – это разновидность социального регулятора, определяющего поведение различных субъектов;

– юридической предпосылкой конкуренции служит свобода экономической деятельности;

– конкуренция способствует реализации прав потребителей (например, права на выбор товаров (работ, услуг) или на получение информации);

– конкуренция – правомерная (не запрещенная законом) автономная деятельность хозяйствующих субъектов на соответствующем рынке, целью которой является получение более выгодных условий производства и сбыта законными средствами.

Не совсем правильным является употребление в законодательстве настолько емких, как предлагает К.Ю. Тотьев, определений. Это нерационально с практической точки зрения, поскольку усложняет процесс толкования и применения легальных дефиниций.

Следует отметить, что в зарубежном законодательстве определений конкуренции не содержится, что обусловлено отмечаемой зарубежными учеными размытостью ее понятия⁶.

На наш взгляд, законодательное определение конкуренции, как и многие другие правовые нормы, содержащие легальные определения понятий, направлено на обеспечение однозначного толкования законоположений в процессе их реализации, а также на установление внутренней согласованности и непротиворечивости законодательства⁷. Посредством данного определения обозначен объект защиты, составляющей предмет правового регулирования Закона о защите конкуренции. Для данного закона понятие конкуренции имеет ключевое значение, с помощью определения этого понятия достигается общий целевой смысл нормативного акта. При этом для целей закона особую важность имеет названный структурный аспект конкуренции. По сути, законодатель создал предписание использовать термин «конкуренция» именно в определенном в законе значении.

В целом следует отметить, что богатство и глубина содержания понятия «конкуренция» осложняют задачу его определения в законе, поскольку обуславливают существование различных подходов к его восприятию. Как отмечал в свое время Гегель, «правильность даваемого определения зависит от правильности тех восприятий, которые послужили его исходным пунктом, и от точек зрения, с которых его давали. Чем богаче подлежащий определению предмет, то есть чем больше различных сторон

он представляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции»⁸.

Кроме понятия конкуренции заслуживают уточнения используемые в научных исследованиях и в законодательстве близкие понятия «конкурентная политика» и «антимонопольная политика».

Конкурентная политика в сравнении с антимонопольной политикой зачастую рассматривается как более широкое понятие, однако в некоторых работах они отождествляются.

Под государственной конкурентной политикой понимают последовательную систему мер, направленных на создание, развитие, поддержание и защиту добросовестной и равной конкуренции на российских рынках⁹.

Более детально содержание конкурентной политики раскрывается в определении И.В. Князевой. По ее мнению, конкурентная политика есть комплекс мер, направленных на демополизацию экономики, контроль и наблюдение за процессами концентрации на рынках, пресечение монополистических действий и недобросовестной конкуренции, обеспечение условий для развития конкуренции на рынке, а также пропаганда и распространение знаний, способствующих созданию равных условий для всех участников рынка и формированию общественного сознания в пользу развития рыночных сил.

В данном случае содержание понятия конкурентной политики шире понятия антимонопольной политики за счет комплекса пропагандистских и разъяснительных мероприятий по информированию субъектов рынка о своих правах и обязанностях перед обществом и рынком (это явление в европейской практике получило название «адвокатирование конкуренции»).

Исходя из данного подхода антимонопольная политика сводится к мероприятиям антимонопольных органов и органов по регулированию деятельности субъектов временных и естественных монополий в части осуществления государственного контроля соблюдения законов и иных нормативных правовых актов, относящихся к системе конкурентного права.

Те авторы, которые отождествляют конкурентную и антимонопольную политику, рассматривают последнюю в широком смысле. Она охватывает почти весь круг задач, направленных на развитие экономики, повышение конкурентоспособности

продукции и услуг национальных производителей, обеспечение эффективной занятости, предопределяет широкое участие антимонопольных органов в выработке экономической политики государства в целом или тех ее направлений, которые могут непосредственно повлиять на конкурентную структуру рынка, деловую практику и хозяйственную деятельность субъектов рынка.

Мы придерживаемся подхода, разграничивающего два рассматриваемых понятия. На наш взгляд, основу антимонопольной политики государства должны составлять меры административно-правовой защиты конкуренции.

К административному законодательству, очевидно, относится федеральный закон «О защите конкуренции», имеющий приоритетное значение для регулирования отношений в области защиты конкуренции. Административно-правовой характер имеют нормы, закрепленные в федеральном законе «О рекламе»¹⁰, действие которого охватывает конкурентные отношения. В федеральном законе «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹¹ закреплены антимонопольные правила для хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность, и хозяйствующих субъектов, осуществляющих поставки продовольственных товаров, установлены антимонопольные требования к органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления в области регулирования торговой деятельности.

Особенности регулирования конкуренции на финансовых рынках, в частности на рынке банковских услуг, определены в федеральных законах «О банках и банковской деятельности в Российской Федерации»¹², «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹³. В правовом регулировании банковской деятельности в России преобладают административно-правовые нормы, что связано со значением банковской системы для развития экономики страны¹⁴. К сфере антимонопольного регулирования относятся административно-правовые нормы, закрепленные в Федеральном законе от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях»¹⁵, который определяет правовые основы федеральной политики в отношении естественных монополий в Российской Федерации и направлен на достижение баланса интере-

сов потребителей и субъектов естественных монополий, обеспечивающего доступность реализуемого ими товара для потребителей и эффективное функционирование субъектов естественных монополий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 2006.

² См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3434.

³ См.: Кизилев В.В., Новиков В.В. К вопросу о необходимости отмены антимонопольного законодательства // Закон. 2008. № 2.

⁴ См.: Конкурентное право России: Учеб. / Отв. ред. И.Ю. Артемьев, А.Г. Сушкевич. М., 2012.

⁵ См.: Тотьев К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции): Учеб. М., 2000.

⁶ См.: Handbook of antitrust economics / edited by Paolo Buccirossi. Cambridge, 2008. P. 8.

⁷ См.: Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативных правовых актах: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 37–44.

⁸ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 34.

⁹ См.: Якунин В.И. и др. Государственная конкурентная политика и стимулирование конкуренции в Российской Федерации: Моногр.: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 15.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 28.07.2012) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

¹¹ См.: Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СЗ РФ. 1995. № 34. Ст. 3426.

¹² См.: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357; СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

¹³ См.: Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

¹⁴ См.: Тосунян Г.А., Викулин А.Ю. Предмет и метод банковского права // Государство и право. 1998. № 9. С. 37; Грицаенко Р.А. Механизм административно-правового регулирования банковской деятельности в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 36–40.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // СЗ РФ. 1995. № 34. Ст. 3426.

Таким образом, нормативные правовые акты, содержащие административно-правовые нормы, составляют основу правового регулирования конкурентных отношений в России.

¹ См.: Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. Sovremennyj jekonomicheskij slovar'. M., 2006.

² См.: Federal'nyj zakon ot 26 ijulja 2006 g. № 135-FZ «O zashhite konkurencii» // SZ RF. 2006. № 31 (Ch. 1). St. 3434.

³ См.: Kizilov V.V., Novikov V.V. K voprosu o neobhodimosti otmeny antimonopol'nogo zakonodatel'stva // Zakon. 2008. № 2.

⁴ См.: Konkurentnoe pravo Rossii: Ucheb. / Otv. red. I.Ju. Artem'ev, A.G. Sushkevich. M., 2012.

⁵ См.: Tot'ev K.Ju. Konkurentnoe pravo (pravovoe regulirovanie konkurencii): Ucheb. M., 2000.

⁶ См.: Handbook of antitrust economics / edited by Paolo Buccirossi. Cambridge, 2008. P. 8.

⁷ См.: Chinnova M.V. Definiicii i ih ispol'zovanie v normativnyh pravovyh aktah: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. S. 37–44.

⁸ Gegel' G. Jenciklopedija filosofskih nauk. M., 1974. T. 1. S. 34.

⁹ См.: Jakunin V.I. i dr. Gosudarstvennaja konkurentnaja politika i stimulirovanie konkurencii v Rossijskoj Federacii: Monogr.: V 2 t. M., 2008. T. 1. S. 15.

¹⁰ См.: Federal'nyj zakon ot 13 marta 2006 g. № 38-FZ «O reklame» (red. ot 28.07.2012) // SZ RF. 2006. № 12. St. 1232.

¹¹ См.: Federal'nyj zakon ot 17 avgusta 1995 g. № 147-FZ «O estestvennyh monopolijah» // SZ RF. 1995. № 34. St. 3426.

¹² См.: Federal'nyj zakon ot 2 dekabrja 1990 g. № 395-1 «O bankah i bankovskoj dejatel'nosti» // Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta RSFSR. 1990. № 27. St. 357; SZ RF. 1996. № 6. St. 492.

¹³ См.: Federal'nyj zakon ot 10 ijulja 2002 g. № 86-FZ «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» // SZ RF. 2002. № 28. St. 2790.

¹⁴ См.: Tosunjan G.A., Vikulin A.Ju. Predmet i metod bankovskogo prava // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 9. S. 37; Gricaenko R.A. Mehanizm administrativno-pravovogo regulirovanija bankovskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. S. 36–40.

¹⁵ См.: Federal'nyj zakon ot 17 avgusta 1995 g. № 147-FZ «O estestvennyh monopolijah» // SZ RF. 1995. № 34. St. 3426.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц*

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрена история правовой защиты военнопленных и интернированных гражданских лиц. Особое внимание при этом уделено характеристике Гаагских и Женевских конвенций, регламентирующих режим военного плена и интернирования.

Ключевые слова: режим военного плена и интернирования; международное гуманитарное право; Международный комитет Красного Креста; Гаагские и Женевские конвенции.

International law and prisoners of war: the problem of legal protection prisoners of war and interned persons

A.L. KUZMINYKH – Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. History, Postgraduate of the Chair for Domestic Russian History in the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University

In article is considered the history of legal protection of prisoners of war and civilian internees. The special attention is thus given the characteristics of the Hague and Geneva conventions, regulating of a mode of a military captivity and internment.

Key words: the military captivity and internment; international humanitarian law; International Committee of the Red Cross; the Hague and Geneva conventions.

Продолжение (начало в журнале № 4 (20))

В 1920-х гг. началась подготовка очередной международной конференции, призванной, с одной стороны, пересмотреть Женевскую конвенцию о раненых и больных, а с другой – выработать новую конвенцию о военнопленных. Итогом этой подготовительной работы стало подписание в Женеве 27 июля 1929 г. делегациями от 47 государств конвенций «Об улучшении уча-

сти раненых и больных в действующих армиях» и «Об обращении с военнопленными». Авторы документов исходили из принципа неприкосновенности личности военнослужащего, попавшего в неприятельский плен. Конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» обязывала воюющие государства оказывать раненым и больным военнослужащим противника медицинскую помощь, независимо от их звания и национальности, на равных условиях

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФГФ, грант № 12-01-00344а.

с ранеными и больными военнослужащими собственной армии. Кроме того, стороны, находившиеся в состоянии войны, должны были извещать друг друга о местах содержания раненых и больных военнопленных и предоставлять им первоочередное право на обмен и интернирование на территорию нейтральных государств¹.

Более подробно вопросы содержания военнопленных разъясняла Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г. Ее текст существенно отличался от предыдущих конвенций о военнопленных и включал 97 статей, сгруппированных по 8 разделам². В первом разделе содержались общие положения, регламентирующие статус и основополагающие принципы обращения с военнопленными. Подчеркивалось, что с обезоруженными солдатами противника необходимо обращаться гуманно, репрессии по отношению к пленным не допускались (ст. 2–3), а все вопросы, связанные с их содержанием, возлагались на пленившую их державу (ст. 4).

Во втором разделе регламентировалась процедура взятия в плен. Каждый военнослужащий при пленении был обязан сообщить имя, чин и послужной номер. Принудительные методы получения дополнительных сведений о противнике категорически запрещались (ст. 5). Личные вещи и документы военнопленных оставались в их пользовании (за исключением оружия и военных документов), а деньги заносились на лицевые счета (ст. 6).

Третий, наиболее обширный раздел, разъяснял порядок содержания военнопленных. Последних предписывалось «в самый кратчайший срок» эвакуировать из зоны военных действий и размещать в «условиях полной безопасности», в удалении от линии фронта (ст. 7). Проживать пленные должны были в утепленных и освещенных помещениях, соответствующих элементарным санитарно-гигиеническим требованиям (ст. 10, 13). Пищевой рацион военнопленных устанавливался соответствующим рациону военнослужащих державы (находившихся на казарменном положении), которая содержит пленных (ст. 11). Кроме того, предусматривались медицинское обслуживание военнопленных (ст. 14–15), возможность отправления ими религиозных обрядов (ст. 16), проведения образовательных и спортивных мероприятий (ст. 17). В лагерях вводились воинская дисциплина и субординация (ст. 18), разрешалось ношение знаков, чинов и отличий (ст. 19). За пленными

закреплялось право отправления и получения писем, открыток, посылок, денежных переводов (ст. 36–38). Также пленные могли подавать жалобы представителям местных военных властей и держав-покровительниц (ст. 42).

Отдельный блок статей был посвящен труду военнопленных. Последние (за исключением офицеров) могли привлекаться к труду в соответствии с их положением, профессией и состоянием здоровья. При этом на пленных распространялись нормы национального трудового законодательства об оплате труда, защите от несчастных случаев на производстве и продолжительности рабочего дня (ст. 27, 34). Запрещалось использовать труд пленных на работах, представляющих опасность для здоровья и имеющих отношение к военным действиям (ст. 31–32).

Что касается привлечения пленных к судебной ответственности, то оно производилось на основании законодательства пленившего их государства (ст. 45). При этом категорически воспрещались групповые наказания за индивидуальные поступки, телесные наказания и какие-либо проявления жестокости (ст. 46). Побег или попытка его совершения наказывались исключительно в дисциплинарном порядке (ст. 50–51). Самой строгой мерой дисциплинарного воздействия объявлялся арест, срок которого не мог превышать 30 дней (ст. 54). Категорически запрещалось отбывание наказания пленными за дисциплинарные проступки в пенитенциарных помещениях (тюрьмы, остроги и т.д.) (ст. 56). Также вводился ряд мер защиты военнопленных от судебного произвола. В случае начала судебного преследования того или иного лица об этом следовало уведомить представителя державы-покровительницы (ст. 60). Кроме того, пленный получал право на помощь со стороны адвоката и переводчика (ст. 62), а также возможность обжалования судебного приговора (ст. 64).

В четвертом разделе конвенции разъяснялся порядок репатриации военнопленных. Оговаривалось, что тяжелораненых и больных следует отправлять на родину, не дожидаясь окончания боевых действий, когда их положение будет допускать безопасную транспортировку (ст. 68). Отбор репатриантов возлагался на специальные медицинские комиссии, в состав которых входили представители нейтральных государств (ст. 69). Подчеркивалось, что «ни один репатриированный не может быть ис-

пользован как активный военнослужащий» (ст. 74). Массовую репатриацию военнопленных, согласно конвенции, следовало осуществить «в кратчайший после заключения мира срок» (ст. 75).

Пятый раздел конвенции касался лиц, умерших в плену. Указывалось, что организация погребения должна осуществляться с честью и достоинством, а могилы должны иметь опознавательные знаки (ст. 76).

Шестой раздел конвенции регламентировал порядок получения сведений о военнопленных. Каждая воюющая сторона обязывалась создать бюро справок, которое бы собирало и передавало заинтересованным государствам информацию о пленных, находящихся на ее территории (ст. 77). Одновременно предполагалось создание в нейтральной стране Центрального справочного бюро под эгидой Международного комитета Красного Креста (ст. 79). Кроме того, предусматривалось оказание помощи военнопленным со стороны соответствующих обществ, делегаты которых получали возможность посещения лагерей военнопленных (ст. 78).

Седьмой раздел распространял конвенцию на определенные категории гражданских лиц. В частности, правами военнопленных могли пользоваться лица, сопровождавшие армию (маркитанты, поставщики, корреспонденты), если у них имелись соответствующие документы (ст. 81).

Восьмой раздел разъяснял порядок выполнения конвенции. Особо подчеркивалось, что положения конвенции должны соблюдаться подписавшими ее государствами «при всех обстоятельствах» (ст. 82). Если одна из воюющих сторон не участвовала в конвенции, положения последней оставались обязательными к исполнению сторонами, ее подписавшими (ст. 83). Текст данного документа предписывалось вывешивать в лагерях военнопленных на их родном языке (ст. 84). Наконец, предусматривалась возможность посещения мест содержания военнопленных представителями держав-покровительниц или специальными делегатами от нейтральных стран с целью контроля за условиями их содержания (ст. 86).

Принятие Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. ознаменовало новый этап в регулировании международного режима военного плена. Она не только содержала свод основополагающих принципов и правил обращения с военнопленными, начиная с захвата пленных и заканчивая их освобождением,

но и устанавливала контрольный механизм за их соблюдением.

Вторая мировая война наглядно продемонстрировала вопиющее расхождение между теорией и практикой военного плена. Общеизвестно, что Германия, подписавшая Женевскую конвенцию 1929 г. о военнопленных, полностью отбросила не только признанные мировым сообществом правила ведения войны, но и нормы человеческой морали. Нацисты методично истребляли и истязали военнопленных, привлекали их к строительству оборонительных сооружений, подвозке боеприпасов, изготовлению военной продукции³. Кроме того, военнопленные использовались в качестве материала для медицинских экспериментов⁴. Наряду с нацистской Германией грубо попирали нормы международного права Япония, подписавшая, но не ратифицировавшая Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 г. Японское командование подвергало массовому уничтожению население Китая и Филиппин, санкционировало расправы с пленными летчиками и экипажами потопленных неприятельских кораблей, а также лицами, предпринявшими попытку побега из плена⁵. Военнопленные и гражданские интернированные лица подвергались изощренным пыткам и биологическим опытам⁶.

Подобная практика получила осуждение в глазах мирового сообщества. 8 августа 1945 г. в Лондоне между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции было заключено Соглашение о судебном преследовании и наказании главных нацистских военных преступников. Учреждался Международный военный трибунал, имевший право судить и наказывать лиц, которые совершили преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности⁷. Нацистские и японские военные преступники были привлечены к судебной ответственности на Нюрнбергском и Токийском процессах. Одновременно судебные процессы над военными преступниками прошли практически во всех странах, пострадавших от германской и японской оккупации, в том числе в Советском Союзе. Таким образом, в соответствии с нормами международного права военный плен не являлся иммунитетом для лиц, виновных в совершении военных преступлений.

Одним из закономерных итогов Второй мировой войны стало принятие Женевских конвенций 1949 г. – многосторонних международных соглашений в области законов и

обычаев войны, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов. Непосредственное отношение к проблеме военного плена и интернирования имели Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (первая Женевская конвенция), Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (вторая Женевская конвенция), Конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция), Конвенция о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция).

Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. обязывала ее участников гуманно обращаться с обезоруженными неприятельскими военнослужащими, в том числе с ранеными и больными, причем запрещалась какая-либо дискриминация по признакам пола, расы, национальности, политических убеждений и религиозных воззрений (ст. 3). Строго запрещалось проведение пыток и биологических опытов, преднамеренное оставление без медицинской помощи и ухода (ст. 12). Указывалось, что все раненые и больные, оказавшиеся во власти неприятеля, должны быть зарегистрированы, а данные о них сообщены тому государству, на стороне которого они сражались (ст. 16). Подробно прописывался порядок оказания помощи военнопленным со стороны врачебного персонала в условиях лагеря (ст. 28).

Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. содержала аналогичные требования в отношении обезоруженных военнослужащих противника, но применительно к морскому театру военных действий⁸.

Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. наиболее подробно из перечисленных конвенций регламентировала правила обхождения с обезоруженными солдатами противоположной стороны. Текст включал 6 разделов, 143 статьи и 5 приложений. Согласно конвенции, статус комбатантов получили члены организованного движения сопротивления и участники партизанских отрядов. Известно, что на Нюрнбергском процессе адвокаты главных военных преступников оправдывали приказы о жестоком обращении с партизанами тем, что последние не попадали под действие Женевской конвенции о военнопленных 1929 г.

В первом и втором разделах излагались важнейшие принципы регулирования режима военного плена и обращения с военнопленными. Указывалось, что противник, вышедший из строя, сдавшийся в плен или выражающий намерение сдаться в плен, не может быть объектом нападения. Пленных запрещалось убивать, брать в заложники, подвергать пыткам и истязаниям, нельзя было их оскорблять и унижать человеческое достоинство, приговаривать к отбытию наказания во внесудебном порядке (ст. 3). Особо подчеркивалось, что конвенция применяется под контролем держав-покровительниц или гуманитарных организаций, на которые возложена охрана интересов сторон, находящихся в конфликте. При этом последние обязывались «в пределах максимальной возможности» облегчить работу представителей или держав-покровительниц (ст. 8, 10). Отмечалось, что любой незаконный акт или бездействие со стороны державшей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей конвенции (ст. 13). Таким образом, конвенция усиливала, с одной стороны, международный контроль за содержанием военнопленных, с другой – ответственность государств за соблюдение режима военного плена.

Третий раздел «Плен» регламентировал порядок обращения с военнопленными. Подробно прописывался порядок учета, опроса и эвакуации военнопленных. Согласно конвенции, каждая воюющая сторона должна была обеспечить лиц, участвующих в боевых действиях, соответствующим удостоверением личности, которое в случае пленения был обязан предъявить военнослужащий (ст. 17). По аналогии с Гагской конвенцией 1907 г. предусматривалась возможность освобождения военнопленного под честное слово (ст. 21).

Далее разъяснялся порядок интернирования военнопленных, то есть их размещения в лагерях на территории другого государства. Места содержания военнопленных должны были располагаться в удалении от районов боевых действий и быть защищены соответствующими знаками от налетов вражеской авиации (ст. 23). На территории лагеря пленных предписывалось размещать с учетом их пола, национальности, языка и обычаев (ст. 22). Более подробно, чем в конвенции 1929 г., оговаривались условия обеспечения

пленных жилыми помещениями, питанием, одеждой и бельем (ст. 25–28), медицинской помощью (ст. 29–32). Нововведением было включение статей о деятельности в плену медицинского и духовного персонала (ст. 33–37), организации транспортировки военнопленных (ст. 46–48).

В отличие от предыдущих конвенций, четко устанавливался круг работ, к которым могли привлекаться военнопленные. Кроме как во внутрилагерных работах пленных разрешалось использовать в сельском хозяйстве, добывающей или обрабатывающей промышленности, коммунальной сфере, на транспорте, погрузочно-разгрузочных работах, в торговле, искусстве и ремесле, работах по домашнему хозяйству (ст. 50). Также конвенция предписывала выплачивать военнопленным денежное довольствие, размер которого зависел от воинского звания (ст. 60).

В целях улучшения связи военнопленных с родными и близкими устанавливался четкий график отправки почтовой корреспонденции. Во-первых, не позднее чем через неделю после прибытия в лагерь пленному следовало предоставить возможность проинформировать свою семью, а также Центральное агентство по делам военнопленных о своем пленении, состоянии здоровья и указать свой адрес для переписки. Во-вторых, минимальный разрешенный объем переписки военнопленных должен был составлять не менее двух писем и четырех карточек в месяц (ст. 70–71). Также пленным предоставлялась возможность получения посылок с продуктами питания, одеждой, медикаментами, а также предметами для просвещения и развлечения, включая книги, научную аппаратуру, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь и т.д. (ст. 72). Немаловажным обстоятельством было декларируемое в конвенции освобождение почтовых отправок военнопленных от таможенных и иных сборов, а также предписание производить цензуру корреспонденции «в возможно кратчайший срок» (ст. 74, 76).

В конвенции был расширен раздел об уголовных и дисциплинарных наказаниях военнопленных. Перечень дисциплинарных наказаний включал денежный штраф (за счет получаемого пленными денежного довольствия), внеочередные наряды (не свыше двух часов в день), арест (ст. 89). В случае судебного преследования против военнопленного следовало известить об этом державу-покровительницу не позднее чем за три недели до начала слушания дела

в суде (ст. 104). Категорически запрещалось приговаривать военнопленного к смертной казни без согласия державы, за которой числятся военнопленные (ст. 100). В случае вынесения смертного приговора державе-покровительнице следовало направить подробное извещение, содержащее точный текст приговора; краткий отчет о предварительном следствии и о суде; указание места, где наказание будет приведено в исполнение (ст. 107).

Четвертый раздел «Конец плена» касался порядка репатриации военнопленных. В отличие от конвенции 1929 г., был конкретно указан срок репатриации – «тот час же по прекращении боевых действий» (ст. 118). Расходы на репатриацию распределялись между государством, передающим военнопленных, и государством, их принимающим. Более подробно, чем в предыдущих конвенциях, оговаривался порядок обращения с умершими военнопленными. Указывалось, что погребению военнопленного должен предшествовать медицинский осмотр тела, производимый с целью констатации смерти и для составления акта. Новые требования предъявлялись к организации кладбищ военнопленных. Погребение предписывалось производить в отдельных могилах, расположенных в одном месте. Списки могил и данные о военнопленных, погребенных на кладбищах, следовало передать государству, гражданами или подданными которого являлись военнопленные (ст. 120). По каждому случаю смерти или тяжелого ранения военнопленного, произошедшего при невыясненных обстоятельствах, предписывалось проводить следствие с привлечением виновных к судебной ответственности (ст. 121).

Завершающие разделы – пятый и шестой – касались деятельности справочных бюро и обществ помощи военнопленным, а также порядка выполнения конвенции. Характерно, что в одной из заключительных статей конвенции говорилось о пропаганде ее положений среди вооруженных сил и гражданского населения (ст. 126). От государств-участников конвенции требовалось разработать механизм привлечения к судебной ответственности лиц, допустивших ее нарушения (ст. 129).

Как уже отмечалось выше, текст конвенции сопровождался пятью приложениями. Первое содержало типовое соглашение о репатриации и госпитализации в нейтральной стране раненых и больных военнопленных; второе – положение о смешанных ме-

дицинских комиссиях; третье – правила, касающиеся коллективных посылок помощи военнопленным; четвертое – образцы документов военнопленных (удостоверение личности, карточка-извещение о взятии в плен, почтовая карточка, письмо, извещение о смерти, свидетельство о репатриации); пятое – правила, касающиеся денежных переводов, которые военнопленный посылает в свою страну.

В целом новая конвенция, основываясь на реалиях Второй мировой войны, существенно расширила и детализировала текст предыдущей Женевской конвенции о военнопленных.

Принципиально важным событием в области международного гуманитарного права стало принятие Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. По оценкам специалистов, если во время Первой мировой войны число жертв среди мирного населения составляло около 10%, то во время Второй мировой войны – около 50%⁹.

Конвенция запрещала посягательство на жизнь, неприкосновенность и человеческое достоинство гражданского населения, не участвующего в боевых действиях. Большое внимание в документе уделялось разъяснению порядка пребывания иностранцев на территории страны, находящейся в конфликте. За данными лицами закреплялось право выезда с территории воюющего государства (ст. 35). В случае невозможности выезда им предоставлялась необходимая помощь со стороны держав-покровительниц и государства, на территории которого они находились (медицинское обслуживание, трудоустройство и т.д.). Особо подчеркивалось, что распоряжение об интернировании или принудительном переселении гражданских лиц могло быть дано только в исключительном случае, если это было необходимо для безопасности государства, во власти которого они находились (ст. 42).

Категорически воспрещались угон и депортирование гражданского населения из оккупированной территории на территорию оккупирующей державы. Допускалась лишь временная эвакуация гражданского населения из района боевых действий при условии немедленного его возвращения в свои дома после завершения боевых операций (ст. 49). Также запрещалось привлечение гражданского населения к службе в неприятельских вооруженных силах, а также к работам, имеющим военное назначение (ст. 51). Оккупирующая держава обязывалась обеспечить

гражданское население продовольствием и медико-санитарной помощью (ст. 55–56). Также вводился комплекс мер защиты гражданского населения от судебного произвола со стороны оккупационных властей (ст. 64–78).

Отдельный блок статей разъяснял правила обращения с интернированными лицами (ст. 79–135). Последние сохраняли свою правоспособность и должны были содержаться за счет стороны, которая подвергла их интернированию. Интернированных следовало размещать отдельно от военнопленных и осужденных лиц согласно гражданству, языку и обычаям. Предписывалось создать условия для совместного проживания семей интернированных, включая их детей. В общих чертах порядок размещения, содержания и трудового использования данной категории соответствовал требованиям конвенции о военнопленных. Так, интернированных запрещалось размещать в районах боевых действий и местности с неблагоприятными климатическими условиями. Продовольственное обеспечение должно было «обеспечить нормальное состояние их здоровья и предотвратить явления, связанные с недостатком питания». В момент задержания интернированным следовало предоставить возможность заготовить одежду, обувь и бельем, а также снабжать таковыми в дальнейшем по мере потребности.

Места содержания интернированных должны были иметь соответствующую инфраструктуру, включая лазарет, бани, прачечные, торговые ларьки, помещения для досуга и проведения религиозных обрядов. Привлечение данной категории людей к труду могло осуществляться только в случае их добровольного согласия. При этом условия работы должны были соответствовать национальному законодательству и существующей практике. Категорически запрещалось подвергать их физическим и моральным издевательствам (клеймению, продолжительным переключкам, военной муштре, ограничениям в пище и т.п.). Предусматривалась организация постоянной связи интернированных с родиной, возможность отправления и получения писем, почтовых карточек, телеграмм, завещаний, доверенностей, посылок, а также возможность свиданий с близкими родственниками.

Порядок судопроизводства в отношении интернированных, назначения и отбывания ими дисциплинарных взысканий и уголовных наказаний был аналогичен тем, что

применялись к военнопленным (ст. 117–126). Это же можно сказать касательно процедуры транспортировки (ст. 127–128), освобождения и репатриации интернированных (ст. 132–135), погребения умерших (ст. 130), деятельности справочных бюро (ст. 136–141), контроля за выполнением конвенции (ст. 142–149).

Текст конвенции дополнялся тремя приложениями: проектом соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях; проектом правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным; образцами карточки-извещения об интернировании, письма и карточки для корреспондентии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (англ.) (1929 г.) // Международные акты. <http://inter-acts.ru/humanitar/geneva/geneva-1929-convention-for-the-amelioration-of-the-condition-of-the-wounded-and-sick-in-armies> (дата обращения: 28.01.2012).

² См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 1012–1027.

³ См.: Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945 гг. М., 2005. С. 51.

⁴ См., напр.: СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 2000. С. 378.

⁵ Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 477, 483, 492, 499–500, 547.

⁶ См.: Военные преступления. Это надо знать всем: Справ. М., 2002. С. 52–54, 63, 258–259.

⁷ См.: Международный военный трибунал // Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1969–1978. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Международный%20военный%20трибунал/> (дата обращения: 11.02.2012).

⁸ См.: Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Международное право и права человека. <http://www.memo.ru/pravo/hum/genewa2.htm> (дата обращения: 03.02.2012).

⁹ См.: La guerra moderna debilita las Convenciones de Ginebra. http://www.elpais.com/articulo/internacional/guerra/moderna/debilita/Convenciones/Ginebra/elpepuint/20090815elpepiint_8/Tes (дата обращения: 03.02.2012).

¹⁰ См.: Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. М., 1996.

В целом Женевские конвенции 1949 г. (общий объем – 429 статей) закрепили основополагающий принцип современного международного права: войны ведутся против вооруженных сил противника, военные действия против гражданского населения, больных, раненых, военнопленных запрещаются. Конвенции предусматривали обязанность стран-участниц разыскивать и наказывать лиц, совершивших военные преступления. В 1977 г. в качестве приложений к вышеназванным соглашениям были приняты два дополнительных протокола, направленные на защиту жертв вооруженных конфликтов международного и локального характера¹⁰.

¹ Sm.: Konvencija ob uluchshenii uchasti ranenih i bol'nyh v dejstvujushih armijah (angl.) (1929 g.) // Mezhdunarodnye akty. <http://inter-acts.ru/humanitar/geneva/geneva-1929-convention-for-the-amelioration-of-the-condition-of-the-wounded-and-sick-in-armies> (data obrashhenija: 28.01.2012).

² Sm.: Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy. M., 2000. S. 1012–1027.

³ Sm.: Shneer A. Plen. Sovetskie voennoplennye v Germanii, 1941–1945 gg. M., 2005. S. 51.

⁴ Sm., napr.: SS v dejstvii. Dokumenty o prestuplenijah SS. M., 2000. S. 378.

⁵ Smirnov L.N., Zajcev E.B. Sud v Tokio. M., 1984. S. 477, 483, 492, 499–500, 547.

⁶ Sm.: Voennye prestuplenija. Jeto nado znat' vsem: Sprav. M., 2002. S. 52–54, 63, 258–259.

⁷ Sm.: Mezhdunarodnyj voennyj tribunal // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: V 30 t. M., 1969–1978. <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Международный%20военный%20трибунал/> (data obrashhenija: 11.02.2012).

⁸ Sm.: Konvencija ob uluchshenii uchasti ranenih, bol'nyh i lic, poterpevshih korablekrushenie, iz sostava vooruzhennyh sil na more ot 12 avgusta 1949 g. // Mezhdunarodnoe pravo i prava cheloveka. <http://www.memo.ru/pravo/hum/genewa2.htm> (data obrashhenija: 03.02.2012).

⁹ Sm.: La guerra moderna debilita las Convenciones de Ginebra. http://www.elpais.com/articulo/internacional/guerra/moderna/debilita/Convenciones/Ginebra/elpepuint/20090815elpepiint_8/Tes (data obrashhenija: 03.02.2012).

¹⁰ Sm.: Osnovnye polozhenija Zhenevskih konvencij i dopolnitel'nyh protokolov k nim. M., 1996.

Проверка и фильтрация «перемещенных лиц» на территории Украинской ССР в начальный период репатриации (сентябрь–декабрь 1944 г.)

Н.Б. МЕЛЕШКО – аспирантка кафедры истории и археологии славян Института исторического образования Национального педагогического университета им. Н.П. Драгоманова (г. Киев, Украина)

В статье исследуется процедура проверки «перемещенных лиц» в проверочно-фильтрационных пунктах НКВД СССР на территории Украины в 1944 г. Анализируются основные показатели фильтрации контингента по ряду демографических, социальных, этнических и других признаков.

Ключевые слова: репатриация; «перемещенные лица»; проверочно-фильтрационный пункт; проверка; фильтрация; контингент; Народный комиссариат внутренних дел.

Inspection and filtration of «displaced persons» on the territory of the Ukrainian SSR in the initial period of repatriation (september–december 1944)

N.B. MELESHKO – Postgraduate of the Chair for Slavs History and Archaeology of the Institute of History Education of the National Pedagogical N.P. Dragomanov University (Kiev, Ukraine)

The article examines the procedure of verification of «displaced persons» in the conduct-earlier-filtration camps of the NKVD of the USSR on the territory of Ukraine in 1944. Main filtration data of contingent on a number of demographic, social, ethnic, and other features are analyzed.

Key words: repatriation; «displaced persons» checkpoint filtration camps; inspection; filtration; the contingent; the People's Commissariat of Internal Affairs.

В 1944–1945 гг. западные регионы Советского Союза, в том числе Украинская ССР, стали местом размещения учреждений, призванных осуществлять прием, регистрацию и транзитное обеспечение возвращающихся в порядке репатриации советских граждан. Особое место в этом ряду принадлежит проверочно-фильтрационным пунктам (ПФП) Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД СССР). Находясь в оперативном подчинении ведомства Л.П. Берии, эти режимные учреждения имели своей задачей тщательную проверку и фильтрацию граждан, следующих через государственную границу, выявление коллаборационистов, лиц, совершивших военные и уголовные преступления, участников антисоветских организаций, других политических и идеологических противников сталинского режима.

Будучи «белым пятном» советской историографии, вопрос о создании и деятельности ПФП НКВД на западной границе СССР и

сегодня изучен недостаточно. Российские, белорусские и украинские исследователи обращаются к нему преимущественно в ходе анализа процесса репатриации. В этой связи следует назвать труды российских историков В.Ю. Альбова, Ю.Н. Арзамаскина, Н.Ю. Арзамаскиной, А.Ф. Бичехвоста, И.В. Говорова, В.Н. Земскова, П.М. Поляна, И.Н. Толстых, В.В. Шевченко, А.А. Шевякова¹. Не меньший интерес представляют работы украинских исследователей Т.В. Пастушенко, С.Д. Гальчака, М.П. Куницкого². Наиболее детально рассматриваемая проблема раскрыта А.В. Потыльчаком, перу которого принадлежит серия статей, посвященных изучению вопросов создания и деятельности ПФП НКВД СССР на территории Украины в 1944–1947 гг.³, анализу нормативно-правового и организационного обеспечения процедуры фильтрации репатриантов⁴.

Таким образом, в настоящее время недостаточно исследованными являются особенности фильтрационного процесса

на территории Украинской ССР. Целью настоящей статьи является изучение динамики проверки «перемещенных лиц» на ПФП НКВД СССР в Украине в начальный период репатриации и анализ основных показателей фильтрации контингента по ряду демографических, социальных, этнических и других признаков.

Сеть проверочно-фильтрационных пунктов НКВД СССР была организована на основании Постановления Государственного комитета обороны СССР от 24 августа 1944 г. № 6457-сс «Об организации приема советских граждан, возвращающихся на Родину, насильно увезенных немцами, а также по другим причинам оказавшихся за границей СССР»⁵. Уже 4 сентября 1944 г. в приграничной полосе трех западных областей Украины начали работу шесть созданных НКВД СССР проверочно-фильтрационных пунктов: Владимир-Волинский и Любомль (Волинская обл.), Рава-Русская и Яворов

(Львовская обл.), Мостыск и Хиров (Дрогобычская обл.)⁶. В конце октября 1944 г. ПФП в Любомле был расформирован и передислоцирован в г. Черновцы. Осенью 1944 г. на юго-западном крыле советско-германского фронта был организован ПФП в г. Болграде (Измаильская обл.)⁷. Динамика поступления контингента на ПФП напрямую зависела от активности наступательных действий Красной армии, которые во второй половине 1944 г. носили интенсивный характер и обусловили большую миграцию через границу в Южной Бессарабии.

В сентябре–декабре 1944 г. на 5 пунктах (Владимир-Волинский, Яворов, Рава-Русская, Хиров и Мостыск) проверку прошли около 3500 репатриантов⁸. В то же время за аналогичный период ПФП в Болграде пропустил 3696 чел.⁹ Анализ пола репатриантов свидетельствует об относительно равном соотношении мужчин и женщин при незначительном перевесе последних (табл. 1).

Таблица 1

Распределение контингентов ПФП НКВД СССР на территории Украинской ССР по показателям пола и возраста (сентябрь–декабрь 1944 г.)¹⁰

№	Дислокация ПФП	Всего контингента	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет	17–25 лет	25–30 лет	30–35 лет	35–40 лет	Более 40 лет	Примечание
1	Владимир-Волинский	186	57	82	47	100	12	16	18	40	01.01.1945 г.
2	Яворов	735	209	233	293	434	53	56	49	153	31.12.1944 г.
3	Хиров	795	275	278	242	–	–	–	–	–	01.01.1945 г.
4	Мостыск	1508	509	535	464	233	111	111	133	456	20.12.1944 г.
5	Болград	3756	3657	99	–	1468	1613	407	268	–	01.01.1945 г.
6	Черновцы	258	225	27	6	92	40	31	39	50	01.01.1945 г.

Сравнительный анализ контингента ПФП Владимира-Волинского, Яворова и Мостыска по возрастному критерию показывает, что около 35% от общего числа проверенных являлись детьми в возрасте до 16 лет. Вторую по численности категорию репатриантов составляли лица в возрасте старше 40 лет (26%)¹¹. Такие показатели обусловлены наличием среди репатриантов значительного числа беженцев, которые поступали на пункты целыми семьями. Из 1482 граждан, прошедших через ПФП (г. Рава-Русская), 923 чел. были отправлены к месту постоянного жительства во Львовскую область, 148 чел. – в Станиславскую область. Из 795 репатриантов, проверенных на ПФП (г. Хиров), 365 чел. отбыли в Дрого-

бычскую область, 162 – во Львовскую область¹². Схожая тенденция наблюдалась на ПФП в Болграде. Из проверенных здесь в сентябре–ноябре 1944 г. 7500 чел. к месту жительства в пограничную Измаильскую область было направлено 1932 репатрианта¹³.

Особенностью начального периода функционирования ПФП НКВД СССР на территории западных областей УССР была незначительная численность мужчин призывного возраста, а также особых категорий репатриантов (так называемых «подозрительных лиц», «преступных и антисоветских элементов»), которые передавались для дальнейшей проверки и следствия в тыловые спецлагеря НКВД. Например, в сентябре–декабре 1944 г. четверть ПФП Волинской,

Львовской и Дрогобычской областей было «отфильтровано» и направлено в военкоматы и действующую армию 65 граждан призывного возраста. Кроме того, 85 бывших военнопленных и «подозрительных лиц»

были переданы в спецлагеря для дополнительной проверки¹⁴. По иному выглядела ситуация в ПФП в г. Болграде, из которого в военкоматы было направлено 680 чел., в спецлагеря НКВД – 317 чел.¹⁵(табл. 2).

Таблица 2

Результаты фильтрации контингентов ПФП НКВД СССР на территории Украины в сентябре–декабре 1944 г.¹⁶

№	Дислокация ПФП	Поступило				Профильтровано				Примечание
		Всего	из них:			Всего	из них направлено:			
			мужчин	женщин	детей		к месту жительства	в Красную Армию	в спецлагеря НКВД	
1	Владимир-Волынский	171	56	77	38	171	154	8	9	06.12.1944 г.
2	Любомль	342	–	–	–	269	251	16	2	10.10.1944 г.
3	Рава-Русская	305	128	110	67	174	141	–	–	10.10.1944 г.
4	Яворов	733	223	237	237	733	712	12	9	15.12.1944 г.
5	Мостыск	1508	509	533	464	1508	1475	7	26	20.12.1944 г.
6	Хиров	732	259	248	225	732	651	38	43	10.12.1944 г.
7	Болград	7452	5538	1366	548	7452	6280	680	317	20.12.1944 г.
8	Черновцы	258	225	27	6	258	88	60	106	31.12.1944 г.
Всего		11 501	6938	2598	1585	11 337	9752	821	512	

Отдельную категорию спецконтингента составляли этнические немцы, крымские татары, чеченцы, представители других депортированных в 1941–1944 гг. народов СССР. Все они подлежали отправке на спецпоселение в северные и восточные регионы Советского Союза¹⁷. Наибольшее число спецпоселенцев было отобрано и направлено к местам назначения на ПФП г. Болграда. По состоянию на 20 ноября 1944 г. таких насчитывалось 175 чел.¹⁸

С самого начала деятельности проверочно-фильтрационные пункты НКВД на территории Украинской ССР испытывали значительную транзитную нагрузку. Именно здесь производилась промежуточная проверка и отбор репатриантов из других регионов и республик СССР. Анализ статистики свидетельствует о значительной численности таких лиц. Например, из 11 500 чел., которые в сентябре–декабре 1944 г. прошли фильтра-

цию на ПФП НКВД СССР на территории УССР, транзитных репатриантов было зарегистрировано почти 5 тыс. чел.¹⁹ Что касается этнического состава репатриантов, то анализ документов свидетельствует о преобладании среди них украинцев, русских и поляков²⁰.

Таким образом, во-первых, в начальный период репатриации (сентябрь–декабрь 1944 г.) через ПФП НКВД на территории УССР прошло сравнительно небольшое количество репатриантов при относительно равном балансе среди них мужчин и женщин. Во-вторых, особенностью функционирования указанных ПФП была незначительная численность мужчин призывного возраста, а также особых категорий репатриантов («подозрительных лиц», «преступных и антисоветских элементов»), которые передавались для дальнейшей проверки в тыловые спецлагеря НКВД или направлялись на спецпоселение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Альбов В.Ю. Советские пленные Второй мировой войны: по архивным материалам Нижегородской области: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004; См.: Арзамаскин Ю.Н. Деятельность советских государственных и военных органов репатриации в 1944–1953 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; См.: Арзамаскина Н.Ю. Деятельность советских военных органов репатриации в Германии в 1945–1950 гг.:

¹ См.: Al'bov V.Ju. Sovetskie plennye Vtoroj mirovoj vojny: po arhivnym materialam Nizhegorodskoj oblasti: Dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod, 2004; Sm.: Arzamaskin Ju.N. Dejatel'nost' sovetskih gosudarstvennyh i voennyh organov repatriacii v 1944–1953 gg.: Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2000; Sm.: Arzamaskina N.Ju. Dejatel'nost' sovetskih voennyh organov repatriacii v Germanii v 1945–1950 gg.: Dis. ... kand. ist.

Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; См.: Бичехвост А.Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутривнутриполитические и международные аспекты, 1944–1953 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; См.: Говоров И.В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944–1949 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; См.: Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; Он же. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 331–358; См.: Полян П. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002; См.: Толстых И.Н. Репатрианты Новгородской области в 1944–1948 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2005; См.: Шевченко В.В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; См.: Шевяков А.А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупированных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. науч. тр. М., 1994. С. 195–222.

² См.: Пастушенко Т.В. Оstarбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатриация (1942–1953). Київ, 2009; Он же. В'їзд репатріантів до Києва заборонено...»: повоєнне життя колишніх оstarбайтерів та військовополонених в Україні. Київ, 2011; См.: Гальчак С.Д. Українские оstarбайтеры подольского региона (Вторая мировая война, послевоенный период). Винница, 2009; Он же. На узбіччі суспільства: доля українських «оstarбайтерів» (Поділля, 1942–2007 рр.). Вінниця, 2009; См.: Куницький М.П. Примусова репатриация радянських громадян до СРСР після Другої світової війни (український вектор): Моногр. Луцьк, 2007.

³ См.: Потильчак О.В., Терентьев М.В. Перевірконо-фільтраційні пункти НКВС СРСР для «переміщених осіб» на Волині у 1944 році // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Сторінки воєнної історії краю: Матеріали ХХХ Всеукраїнської науково-практичної історико-краєзнавчої конференції. Луцьк, 2009. Вип. 30. С. 292–297; Он же. Проверочно-фильтрационные пункты НКВД–МВД в системе учреждений репатриации перемещенных лиц на территории Украины в 1944–1947 годах // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: Сб. ст. / Под. ред. В.В. Попова; сост. А.Л. Кузьминых. Вологда, 2010. С. 305–316; Он же. Перевірконо-фільтраційні пункти НКВС СРСР для переміщених осіб на території України у 1944 році // Воєнна історія. 2010. № 3 (51). С. 110–117.

⁴ См.: Потильчак О.В. Нормативно-правове регулювання процедури спеціальної перевірки «переміщених осіб» органами внутрішніх справ і державної безпеки в Україні (1944–1947 рр.): історичний аспект // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. № 202. Ч. 2. Черкаси, 2011. С. 124–131.

⁵ См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 1727. Л. 5.

⁶ См.: Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 794. Л. 1.

⁷ См.: Потильчак А.В. Проверочно-фильтрационные пункты НКВД–МВД. С. 311.

⁸ См.: ЦГАВО Украины. Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 1727. Л. 9–12, 26, 51об. – 52, 70–80.

⁹ См.: Там же. Д. 1730. Л. 72.

¹⁰ Таблица составлена автором по данным ЦГАВО Украины. Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 1730. Л. 70; Д. 3000. Л. 138; Д. 3025. Л. 2, 151.

¹¹ См.: ЦГАВО Украины. Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 1727. Л. 70–80.

¹² См.: Там же. Д. 3025. Л. 16.

¹³ См.: Там же. Д. 1727. Л. 70–80.

¹⁴ См.: Там же. Д. 1730. Л. 73, 75, 80; Д. 1734. Л. 6–8.

¹⁵ См.: Там же. Л. 71–72.

¹⁶ Таблица составлена автором по данным ЦГАВО Украины. Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 1727. Л. 70–80; Д. 3000. Л. 138; Д. 3025. Л. 2.

¹⁷ См.: ЦГАВО Украины. Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 3025. Л. 127–127а.

¹⁸ См.: Там же. Д. 1730. Л. 71.

¹⁹ См.: Там же. Д. 1727. Л. 70–80; Д. 3000. Л. 138; Д. 3025. Л. 2.

²⁰ См.: Там же. Д. 1730. Л. 80; Д. 3000. Л. 138.

наук. М., 2007; См.: Бичехвост А.Ф. Репатриация советских и иностранных граждан: внутривнутриполитические и международные аспекты, 1944–1953 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1996; См.: Говоров И.В. Репатриация на Северо-Западе РСФСР 1944–1949 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; См.: Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41; Он же. Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севаст'janov. М., 2004. Кн. 2. С. 331–358; См.: Poljan P. Zhertyvy dvuh diktatur: zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine. M., 2002; См.: Tolstykh I.N. Repatrianty Novgorodskoj oblasti v 1944–1948 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. Velikij Novgorod, 2005; См.: Shevchenko V.V. Dejatel'nost' lagerej special'nogo naznacheniya NKVD SSSR v 1941–1946 g.: Dis. ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2010; См.: Shevjakov A.A. Repatriacija sovetskogo mirnogo naselenija i voennoplennykh, okazavshijsja v okkupirovannykh zonah gosudarstv antigitlerovskoj koalicii // Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost', poteri, migracii: Sb. nauch. tr. M., 1994. S. 195–222.

² См.: Pastushenko T.V. Ostarbajteri z Kiivshhini: verbuvannja, primusova praci, repatriacija (1942–1953). Kiev, 2009; Он же. V'їзд repatriantiv do Kieva zaboroneno...»: povoenne zhittja kolishnih ostarbajteriv ta vijs'kovopolonenih v Ukraini. Kiev, 2011; См.: Gal'chak S.D. Ukrainskie ostarbajtery podol'skogo regiona (Vtoraja mirovaja vojna, poslevoennyj period). Vinnicja, 2009; Он же. Na uzbičchi suspił'stva: dolja ukrains'kih «ostarbajteriv» (Podillja, 1942–2007 rr.). Vinnicja, 2009; См.: Kunic'kij M.P. Primusova repatriacija radjans'kih gromadjan do SRSR pislja Drugoi svitovoi vijni (ukrains'kij vektor): Monogr. Luc'k, 2007.

³ См.: Potil'chak O.V., Terent'ev M.V. Perevirochno-fil'tracijni punkti NKVS SRSR dlja «peremishhenih osib» na Volini u 1944 roci // Minule i suchasne Volini ta Polissja. Storinki voennoi istorii kraju: Materiali HHH Vseukrains'koi naukovo-praktichnoi istoriko-kraeznavchoi konferencii. Luc'k, 2009. Vip. 30. S. 292–297; Он же. Проверочно-фильтрационные пункты НКВД–МВД в системе учреждений репатриации перемещенных лиц на территории Украины в 1944–1947 годах // Историк и его время. Pamjati professora V.B. Konasova: Sb. st. / Pod. red. V.V. Popova; sost. A.L. Kuz'minyh. Vologda, 2010. S. 305–316; Potil'chak O.V. Perevirochno-fil'tracijni punkti NKVS SRSR dlja peremishhenih osib na teritorii Ukraini u 1944 roci // Voenna istorija. 2010. № 3 (51). S. 110–117.

⁴ См.: Потильчак О.В. Нормативно-правове регулювання процедури спеціальної перевірки «переміщених осіб» органами внутрішніх справ і державної безпеки в Україні (1944–1947 рр.): історичний аспект // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. № 202. Ч. 2. Черкаси, 2011. С. 124–131.

⁵ См.: Central'nyj gosudarstvennyj arhiv vysshih organov vlasti i upravlenija Ukrainy (dalee – CGAVO Ukrainy). F. R–2. Op. 7. D. 1727. L. 5.

⁶ См.: Central'nyj gosudarstvennyj arhiv obshhestvennykh ob#edinenij Ukrainy. F. 1. Op. 23. D. 794. L. 1.

⁷ См.: Potyl'chak A.V. Proverochno-fil'tracionnye punkty NKVD–MVD. S. 311.

⁸ См.: ЦГАВО Украины. Ф. Р–2. Оп. 7. Д. 1727. Л. 9–12, 26, 51об. – 52, 70–80.

⁹ См.: Там же. Д. 1730. Л. 72.

¹⁰ Tablica sostavlena avtorom po dannym CGAVO Ukrainy. F. R–2. Op. 7. D. 1730. L. 70; D. 3000. L. 138; D. 3025. L. 2, 151.

¹¹ См.: CGAVO Ukrainy. F. R–2. Op. 7. D. 1727. L. 70–80.

¹² См.: Там же. Д. 3025. Л. 16.

¹³ См.: Там же. Д. 1727. Л. 70–80.

¹⁴ См.: Там же. Д. 1730. Л. 73, 75, 80; Д. 1734. Л. 6–8.

¹⁵ См.: Там же. Л. 71–72.

¹⁶ Tablica sostavlena avtorom po dannym CGAVO Ukrainy. F. R–2. Op. 7. D. 1727. L. 70–80; D. 3000. L. 138; D. 3025. L. 2.

¹⁷ См.: CGAVO Ukrainy. F. R–2. Op. 7. D. 3025. L. 127–127а.

¹⁸ См.: Там же. Д. 1730. Л. 71.

¹⁹ См.: Там же. Д. 1727. Л. 70–80; Д. 3000. Л. 138; Д. 3025. Л. 2.

²⁰ См.: Там же. Д. 1730. Л. 80; Д. 3000. Л. 138.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Виды наказаний и принудительных мер в уголовном законодательстве Швейцарии

МАРТИН ШМИД – руководитель службы пробации Кантона Золотурн (Швейцария);

Е.А. ОГРОХИНА – доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент

В статье рассматриваются виды уголовных наказаний и принудительных мер уголовно-правового характера в Швейцарии. В ней дан краткий анализ современного швейцарского законодательства, касающегося существующих категорий уголовно-правовых санкций, порядка и условий их исполнения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-правовая санкция; наказание; лишение свободы; денежный штраф; общественно полезные работы; условное наказание; испытательный срок; принудительные меры уголовно-правового характера; терапевтические меры; принудительная изоляция.

The forms of punishment and enforcement measures in the criminal legislation of Switzerland

MARTIN SCHMID – Head of the Probation Service of the Canton Zolothurn (Switzerland);

E.A. OGRKHINA – PhD in Philology, Associate Professor of the Chair for Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article deals with the forms of criminal punishment and law enforcement measures in Switzerland. It gives a brief analysis of the modern Swiss legislation concerning the current categories of penal sanctions, the order and conditions of their execution.

Key words: penal sanction; criminal punishment; imprisonment; fine; socially useful labour; conditional sentence; probation; enforcement measures; therapeutic measures; coercive isolation.

Задачи федерации, кантонов и общин установлены в Конституции Швейцарии и многочисленных законах. В соответствии со ст. 123 Федеральной Конституции уголовное законодательство в Швейцарии является компетенцией федерации¹. Согласно ст. 377 Швейцарского уголовного кодекса исполнение наказаний, напротив, находится в ведении кантонов, если закон не предусматривает иное. Тем самым задачами 26 кантонов являются исполнение приговоров, которые выносят их суды, а также создание и эксплуатация пенитенциарных учрежде-

ний. Кантоны ответственны также за подготовку и повышение квалификации персонала учреждений исполнения наказаний².

Если бы кантоны обособленно друг от друга выполняли федеральные предписания относительно организации пенитенциарных учреждений для различных категорий заключенных (в зависимости от возраста, пола, вида совершенного преступления), то в каждом из них имелось бы множество самых различных учреждений. Это выходит за рамки возможностей даже самых крупных кантонов. В связи с этим в период с 1956 по

1963 г. кантоны заключили три региональных конкордата³ в области исполнения наказаний (Strafvollzugskonkordat): Восточной Швейцарии (Ostschweiz), Северо-западной и Центральной Швейцарии (Nordwest- und Innerschweiz), Латинской Швейцарии (Lateinische Schweiz)⁴. При этом речь идет о межкантональных соглашениях, которые восполняют пробел между федеральным и кантональным законодательством и направлены на унификацию норм уголовно-исполнительного права посредством обязательных предписаний и рекомендаций.

Установления конкордатов касаются прежде всего следующих сфер:

- унифицированное исполнение уголовных наказаний в соответствии с конституцией, нормами закона и имеющимися экономическими возможностями;
- совместное использование пенитенциарных учреждений и регулирование расходов;
- совместное планирование необходимого количества мест в пенитенциарных учреждениях с целью разделения и координирования задач в процессе строительства и эксплуатации пенитенциарных учреждений;
- разработка предписаний по унификации процесса исполнения наказаний, особенно в части, касающейся вознаграждения труда осужденных, системы их отпусков и особых форм исполнения наказаний.

В соответствии со ст. 378 Швейцарского уголовного кодекса сотрудничество кантонов предполагает заключение соглашений о совместном создании и использовании пенитенциарных учреждений или обеспечение себе права совместного пользования учреждениями других кантонов. Кроме того, кантоны информируют друг друга об особенностях функционирования своих учреждений и о возможных предложениях по оказанию поддержки осужденным, оказанию медицинской помощи, имеющихся рабочих мест. Кантоны осуществляют также совместную деятельность по распределению осужденных⁵.

В новом Швейцарском уголовном кодексе сведены воедино принципы исполнения уголовных наказаний действующего права в виде рамочного законодательства, то есть федерального законодательства, определяющего границы, в которых может применяться законодательство кантонов. Они переработаны с опорой на практику Федерального суда Швейцарии и Европейского суда по правам человека. Так, например, было введено требование обязательной разработки плана исполнения наказания, установлены правила одиночного содержания осужденных и но-

вые нормы, касающиеся труда осужденных и вознаграждения за их труд.

В Швейцарском уголовном кодексе предусмотрены две категории уголовно-правовых санкций: с одной стороны – наказание (Strafe), с другой – принудительные меры (Maßnahmen). За совершенное уголовно наказуемое деяние определены три вида наказания: лишение свободы (Freiheitsentzug), денежный штраф (Geldstrafe) и общественно полезные работы (gemeinnützige Arbeit). Штраф и общественно полезные работы предусмотрены за незначительные преступления. Каждый из этих видов наказаний может быть вынесен условно или частично условно. Если осужденный проходит испытательный срок, то наказание или его условная часть считаются исполненными. Если же осужденный не проходит испытательный срок, условное наказание отменяется.

В соответствии со ст. 40 Швейцарского уголовного кодекса минимальный срок лишения свободы составляет 6 месяцев, максимальный – 20 лет. Наказание длится пожизненно в том случае, если закон это особо устанавливает⁶. Суд может вынести решение о наказании в виде лишения свободы сроком менее 6 месяцев только в том случае, если нет предпосылок для вынесения условного наказания. Суд может также назначить наказание в виде лишения свободы от 6 месяцев до 2 лет условно, и сроком от 1 года до 3 лет – частично условно (ст. 41–43)⁷.

Особая форма уголовного наказания – частичное лишение свободы (Halbgefängenschaft) – представляет собой совокупность пребывания на свободе и в заключении. Данная форма применяется в отношении уголовных наказаний до 1 года. При этом осужденный продолжает свою трудовую или учебную деятельность за пределами учреждения, а остальное время проводит в учреждении исполнения наказаний (ст. 77b)⁸. Это может быть специальный пенитенциарный центр, в котором предусмотрены различные виды наказания (например, пенитенциарный центр «Клостерфихтен» в Базеле).

Существует и такая форма уголовного наказания, как подневное исполнение наказания в виде лишения свободы (tageweiser Vollzug). Она основывается на ст. 79 Швейцарского уголовного кодекса. Данное наказание исполняется по выходным и праздничным дням сроком до 4 недель⁹.

Статьями 34–39 Швейцарского уголовного кодекса предусмотрена замена малых сроков лишения свободы новыми видами наказания: денежным штрафом и обществен-

но полезными работами. Решение о наказании в виде денежного штрафа выносится судами в качестве альтернативы наказанию в виде лишения свободы сроком от 6 до 12 месяцев. Денежный штраф назначается по системе дневной ставки (Tagessatzsystem), определяемой суммой дохода виновного лица за один день. При этом суд определяет количество дневных ставок в соответствии с виной, а размер дневной ставки – в соответствии с личными и экономическими возможностями лица, совершившего преступление, причем максимально дневная ставка может составлять 3000 франков. Верхний предел количества дневных ставок – 360. Если денежный штраф не выплачен, то суд может заменить его общественно полезными работами или лишением свободы. Одна дневная ставка соответствует одному дню лишения свободы (ст. 34–36)¹⁰.

В качестве альтернативы наказанию в виде лишения свободы сроком менее 6 месяцев или вместо денежного штрафа размером до 180 дневных ставок Швейцарский уголовный кодекс предусматривает общественно полезные работы в объеме до 720 часов. При этом лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, должно согласиться с данным видом наказания и взять на себя обязательство выполнять работу в интересах общества, в пользу учреждений, оказывающих помощь людям, и лиц, нуждающихся в помощи. Четыре часа общественно полезных работ соответствуют одному дню лишения свободы или одной дневной ставке денежного штрафа. Общественно полезные работы должны быть выполнены в течение срока, который определяет орган исполнения наказаний. Максимально такой срок составляет 2 года (ст. 37–39)¹¹.

Швейцарский уголовный кодекс предполагает принудительные меры уголовно-правового характера, которые могут применяться одновременно с уголовным наказанием или взаимозаменять друг друга. К ним относятся терапевтические меры, превентивная изоляция особо опасных рецидивистов и др. Принудительные меры уголовно-правового характера отличаются от наказания тем, что продолжительность их исполнения зависит не от вины лица, совершившего преступление, а от цели, которая должна быть достигнута в результате. С целью минимизации рецидивов продолжительность исполнения принудительной меры должна зависеть от достигаемых шансов на успех (ст. 56)¹².

Если условия для исполнения как наказания, так и принудительной меры являются

достаточными, то суд применяет обе санкции (ст. 57)¹³. При назначении терапевтических мер или принудительной изоляции он опирается на заключение экспертов. В соответствии со ст. 62d Швейцарского уголовного кодекса компетентный орган по меньшей мере один раз в год устанавливает, может ли (и если может, то когда) лицо, совершившее преступление, быть условно освобождено от исполнения принудительной меры или ее исполнение может быть прекращено. Если преступник совершил тяжкое преступление, компетентные органы выносят решение, опираясь на заключение независимого эксперта и на оценку комиссии, которая состоит из представителей органов уголовного преследования, органов исполнения наказаний и психиатров¹⁴. Испытательный срок при условном освобождении от исполнения принудительной меры длится в зависимости от вида данной меры от 1 года до 5 лет (ст. 62, абзац 4a)¹⁵.

В соответствии со ст. 90 Швейцарского уголовного кодекса содержать лицо, которое находится в пенитенциарном учреждении по решению суда о назначении принудительной меры (принудительных мер), изолированно от других лиц разрешается только в виде исключения. Это возможно в качестве временной терапевтической меры, дисциплинарной санкции или в целях безопасности. Совместно с преступником или его законным представителем составляется план исполнения принудительной меры. Если данное лицо является трудоспособным, то оно обязательно должно работать¹⁶. По истечении определенного срока назначенная принудительная мера может быть заменена на форму трудового и жилого экстерната (ст. 77a, абзацы 2, 3)¹⁷.

Лечение психических расстройств в соответствии со ст. 59 Швейцарского уголовного кодекса предполагает совокупное наличие двух условий. Во-первых, совершенное преступление должно быть связано с психическим расстройством виновного лица, во-вторых, исполнение назначенной меры должно противодействовать совершению последующих преступлений, связанных с имеющимся психическим расстройством.

Рассматриваемая принудительная мера, как правило, осуществляется в специализированном психиатрическом учреждении или в учреждении системы исполнения принудительных мер. При этом, пока существует опасность совершения побега или новых преступлений, преступник должен находиться в закрытом пенитенциарном учреждении.

Лишение свободы, связанное с лечением психических расстройств, составляет самое большее пять лет. Если по истечении этого срока отсутствуют необходимые предпосылки к условному освобождению, суд может вынести решение о продлении исполнения принудительной меры соответственно на 5 лет¹⁸ или в случае необходимости пожизненно.

Преступник может быть условно освобожден от исполнения данной принудительной меры, если его состояние оправдывает возможность пробации на свободе. Испытательный срок составляет от 1 года до 5 лет и при необходимости может продлеваться столько, сколько это необходимо (ст. 62, абзацы 4а, 6)¹⁹. В том случае, если испытательный срок не пройден, суд может возобновить исполнение принудительной меры, отменить терапию и избрать новую принудительную меру, а также назначить наказание в виде лишения свободы (ст. 62а, абзац 1)²⁰.

Если преступник имеет наркотическую или иную зависимость и с этим связано совершенное им преступление, суд может назначить стационарное лечение. При этом исполнение данной меры должно противодействовать совершению последующих преступлений, связанных с имеющейся зависимостью. Такое лечение проводится в специализированном учреждении или, если необходимо, в психиатрической клинике.

Лишение свободы, связанное со стационарным лечением наркотической или иной зависимости, составляет, как правило, срок до 3 лет. Суд может однократно продлить исполнение принудительной меры на год. Лишение свободы, связанное с исполнением данной принудительной меры, в случае продления или повторного помещения в пениitenciарное учреждение после условного освобождения в совокупности не должно превышать 6 лет (ст. 60)²¹.

Преступник освобождается от стационарного лечения наркотической или иной зависимости условно, если его состояние оправдывает возможность его пробации на свободе. Испытательный срок составляет от 1 года до 3 лет и в случае продления может быть в общей сложности максимально 6 лет (ст. 62, абзацы 4b, 5)²².

Если виновное лицо во время испытательного срока совершает преступление и тем самым демонстрирует опасность, которой должно противодействовать принудительное лечение имеющейся зависимости, суд может возобновить исполнение данной принудительной меры, отменить терапию и

назначить новую принудительную меру или наказание в виде лишения свободы (ст. 62а, абзац 1)²³.

В соответствии со ст. 61 Швейцарского уголовного кодекса принудительные меры уголовно-правового характера могут быть назначены в отношении молодых людей от 18 до 25 лет, совершивших уголовно наказуемое деяние, в совокупности с санкцией, соответствующей их возрасту. Принудительные меры для молодых людей нацелены на лиц, которые в отношении своего биологического возраста более не подлежат сфере уголовного права в отношении несовершеннолетних, но имеют еще аналогичные потребности в поддержке. Все учреждения для молодых людей реализуют в своей деятельности признанные специальные социально-педагогические и терапевтические принципы. Кроме того, помещение в пениitenciарное учреждение в рассматриваемых случаях должно способствовать получению виновным лицом профессионального и дополнительного образования.

Основаниями для помещения в такое пениitenciарное учреждение являются совершение молодым человеком преступления, которое связано с нарушением в развитии его личности, и при этом ожидание, что такой мерой снижается опасность совершения новых преступлений, связанных с данным нарушением (ст. 61, абзац 1)²⁴.

Такие преступники содержатся в специальных учреждениях для молодых людей, которые отличаются от обычных учреждений, установленных Швейцарским уголовным кодексом. Несовершеннолетние насильственные и особо опасные преступники не могут быть помещены в пениitenciарное учреждение для молодых людей.

Исполнение принудительных мер уголовно-правового характера в отношении молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет может длиться максимально 4 года. Если возникает необходимость возобновления принудительной меры после условного освобождения, продолжительность совокупного ее исполнения не должна превышать 6 лет. Исполнение принудительной меры отменяется самое позднее по достижении виновным лицом тридцатилетнего возраста (ст. 61, абзац 4)²⁵. В случае условно-досрочного освобождения и пробации испытательный срок составляет от 1 года до 3 лет и может быть продлен максимально на 3 года (ст. 62, абзац 4b)²⁶. Кроме того, в соответствии со ст. 62а (абзац 1) Швейцарского уголовного кодекса при совершении молодым человеком иного преступления

во время испытательного срока суд может возобновить принудительную меру, назначить другую или, при необходимости, вынести наказание в виде лишения свободы²⁷.

Амбулаторное лечение может быть назначено в соответствии со ст. 63–63b Швейцарского уголовного кодекса в случае совершения каждого уголовно наказуемого деяния, которое связано с каким-либо состоянием преступника (например, психическое расстройство, наркотическая или иная зависимость), если можно ожидать в результате снижение опасности совершения новых преступлений, связанных с данным состоянием. Суд назначает амбулаторную меру с отсрочкой или без отсрочки исполнения вынесенного наказания в виде лишения свободы. В первом случае осужденный может оставаться до начала исполнения наказания по месту жительства, во втором – амбулаторная мера реализуется в пенитенциарном учреждении. Прекращение или продление исполнения амбулаторной меры осуществляется в соответствии с теми же принципами, что и при стационарном лечении²⁸.

Преступник должен продемонстрировать мотивацию к лечению, чтобы тем самым была гарантирована уместность данной принудительной меры. Приблизительно половина амбулаторных мер касается лиц, имеющих зависимость от наркотических веществ. В более чем трех четвертях случаев виновным лицам предоставляется отсрочка исполнения назначенного наказания в виде лишения свободы²⁹.

Такая мера уголовно-правового характера, как принудительная изоляция, в соответствии со ст. 64–64d Швейцарского уголовного кодекса направлена на обеспечение безопасности и защиты общества от особо опасных рецидивистов. Ее особенность состоит в том, что она делает возможным бессрочное лишение свободы. Рассматриваемая принудительная мера нацелена на отделение осужденного от общества, однако в данном случае также реализуется действующий для всех санкций принцип ресоциализации.

Для назначения данной меры должны совокупно наличествовать два условия. Во-первых, речь должна идти о тяжком преступлении, таком как, например, умышленное убийство, тяжкие телесные повреждения, изнасилование, разбойное нападение, захват заложников, поджог (ст. 64)³⁰. Во-вторых, должен иметь место негативный прогноз относительно возможного рецидива или должна быть уверенность в том, что назначение какой-либо иной принудительной меры в со-

ответствии со ст. 59 Швейцарского уголовного кодекса не предполагает успеха. Кроме того, принудительная изоляция как мера уголовно-правового характера может быть назначена дополнительно в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы на основании новых фактов или доказательств, свидетельствующих о наличии условий, названных выше (ст. 65, абзац 2)³¹.

В противоположность мерам принудительного лечения исполнение наказания в виде лишения свободы всегда предшествует принудительной изоляции. Принудительная изоляция осуществляется в учреждении системы исполнения принудительных мер или в учреждении исполнения наказаний в виде лишения свободы закрытого типа. Как правило, данная принудительная мера исполняется бессрочно. При этом регулярно должно устанавливаться, может ли осужденный быть освобожден условно-досрочно или имеются ли предпосылки для стационарного лечения.

Прекращение исполнения данной меры осуществляется в форме условного освобождения, если можно ожидать от преступника возможности пробации на свободе. Испытательный срок составляет от 2 до 5 лет и может быть продлен (ст. 64a, абзац 1)³².

После принятия швейцарским народом инициативы «Пожизненное содержание под стражей особо опасных лиц, совершивших преступление сексуального и насильственного характера, не поддающихся терапии» (ст. 123a Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации)³³ в ст. 64 Швейцарского уголовного кодекса были внесены дополнения с тем, чтобы иметь возможность осуществления принудительной изоляции пожизненно (ст. 65, абзац 1bis)³⁴. Изоляция на неопределенный срок и пожизненная изоляция отличаются друг от друга в отношении действующих предпосылок для условного освобождения, а не в отношении длительности исполнения данной принудительной меры.

Наряду с лишением свободы, принудительным лечением или принудительной изоляцией суд может назначить следующие меры: запрет на осуществление профессиональной деятельности, запрещение управлять транспортным средством, опубликование приговора, конфискация запрещенных предметов или конфискация имущественных ценностей, требование возмещения морального и материального ущерба потерпевшему. Суд может также прибегнуть к особому инструменту – мировому соглашению, которое не является ни наказанием, ни принудительной мерой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/101/a123.html> (дата обращения: 14.01.2013).
- ² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a377.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ³ В Швейцарии под конкордатом понимается соглашение, заключаемое на кантональном уровне.
- ⁴ Латинская Швейцария – часть Швейцарии, в которой говорят на французском, итальянском и ретороманском языках.
- ⁵ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a378.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a40.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a41.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a42.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a43.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a77b.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a79.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ¹⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a34.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a35.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a36.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a37.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a38.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a39.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a56.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹³ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a57.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62d.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁵ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a90.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a77a.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a59.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ¹⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62a.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a60.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²³ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62a.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a61.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62a.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63a.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63b.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²⁹ См.: http://www.ejpd.admin.ch/content/dam/data/sicherheit/straf_und_massnahmen/documentation/smv-ch-d.pdf (дата обращения: 16.01.2013).
- ³⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a64.html (дата обращения: 17.01.2013).
- ³¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a65.html (дата обращения: 17.01.2013).
- ³² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a64a.html (дата обращения: 17.01.2013).
- ³³ См.: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/101/a123a.html> (дата обращения: 17.01.2013).
- ³⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a64.html#fn2 (дата обращения: 17.01.2013).

- ¹ См.: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/101/a123.html> (дата обращения: 14.01.2013).
- ² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a377.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ³ V Shvejcarii pod konkordatом ponimaetsja soglashenie, zakljuchaemoe na kantonal'nom urovne.
- ⁴ Latinskaja Shvejcarija – chast' Shvejcarii, v kotoroj govoryat na francuzskom, ital'janskom i retoromanskom jazykah.
- ⁵ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a378.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a40.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a41.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a42.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a43.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a77b.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a79.html (дата обращения: 14.01.2013).
- ¹⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a34.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a35.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a36.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a37.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a38.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a39.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a56.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹³ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a57.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62d.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁵ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a90.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a77a.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ¹⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a59.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ¹⁹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62a.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a60.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²³ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62a.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a61.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62.html (дата обращения: 15.01.2013).
- ²⁷ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a62a.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²⁸ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63a.html; http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a63b.html (дата обращения: 16.01.2013).
- ²⁹ См.: http://www.ejpd.admin.ch/content/dam/data/sicherheit/straf_und_massnahmen/documentation/smv-ch-d.pdf (дата обращения: 16.01.2013).
- ³⁰ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a64.html (дата обращения: 17.01.2013).
- ³¹ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a65.html (дата обращения: 17.01.2013).
- ³² См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a64a.html (дата обращения: 17.01.2013).
- ³³ См.: <http://www.admin.ch/ch/d/sr/101/a123a.html> (дата обращения: 17.01.2013).
- ³⁴ См.: http://www.admin.ch/ch/d/sr/311_0/a64.html#fn2 (дата обращения: 17.01.2013).

Индивидуально-профилактические мероприятия по предотвращению уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы

Л.Г. БАНДОЛЯ – преподаватель цикла общеюридических дисциплин Черниговского юридического колледжа Государственной пенитенциарной службы Украины

В статье на основании анализа уголовного и уголовно-исполнительного законодательства предпринимается попытка раскрыть содержание индивидуально-профилактических мероприятий по предотвращению уклонения от отбывания наказаний со стороны лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции и отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы. Отмечается, что только полное изучение личности осужденного позволит реализовать оптимальные и наиболее эффективные мероприятия в означенной сфере.

Ключевые слова: индивидуально-профилактические мероприятия; уклонение от отбывания наказания; предотвращение; уголовно-исполнительная инспекция; преступление; наказание; осужденный.

Individual preventive measures against evasion of serving non-custodial sanctions

L.G. BANDOLYA – Lecturer of the series of Legal disciplines in Chernigiv Law College of the State Penal Service of Ukraine (Postgraduate of the Chair of Criminology and Criminal and Executive Law of the National Academy of Internal Affairs)

The article analyses the essence of the individual and preventive measures against evasion of serving sentences by the convicts being under supervision in criminal and executive inspection and serving non-custodial sanctions. The article defines that only the full study of the convict will help to use the most effective measures aimed at prevention of evasion of serving non-custodial sanctions.

Key words: individual and preventive measures; evasion of serving sentences; prevention; criminal and executive inspection; crime; punishment; convict.

Противодействие преступности в Украине является одним из приоритетных направлений государственной политики. Общество всегда проводило профилактические мероприятия с тем, чтобы противостоять нарушениям криминального закона и удерживать своих членов от совершения противоправных действий¹.

За годы независимости Украины исследование проблем предотвращения преступлений получило широкое развитие и нашло отражение в трудах известных отечественных ученых: О.М. Бандурки, И.Г. Богатырева, В.В. Голины, И.М. Даньшина, О.М. Джужи, А.Ф. Зелинского, А.П. Закалюка, А.Г. Колбы, О.П. Костенко, О.М. Литвака, Ф.А. Лопушанского, В.Г. Лихолоба и др. Однако, несмотря на достижения криминологии в вопросах противодействия преступности, пока не создано единой системы предотвращения преступлений, в том числе в уголовно-исполнительной сфере.

Значительную часть нарушений в указанной области составляют уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы. В этой связи актуальными являются проблемы совершенствования соответствующих индивидуально-профилактических мероприятий.

Индивидуальная профилактика уклонений от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, востребована в тех случаях, когда социализация осужденного происходит неудовлетворительно. Конечная ее цель заключается в том, чтобы устранить допущенные на более ранних стадиях формирования личности дефекты социализации, привести внутренний контроль в соответствие с внешним.

Индивидуальная профилактика преступлений учеными-криминологами определяется как «совокупность взаимосвязанных воспитательных и других мер воздействия, которые применяются к лицу с целью преду-

преждения совершения им преступлений»²; как «деятельность, которая проявляется в выявлении лиц, склонных к преступлениям, в их изучении, во влиянии на них, что обеспечивает устранение неприемлемых нашему обществу личностных черт и ликвидацию негативного влияния неблагоприятных для формирования личности условий»³; как «деятельность государственных органов и общест­венности, направленная на выявление лиц, которые своим поведением засвидетельствовали склонность к преступлениям, и устремлению на них предупредительного влияния средствами воспитания, помощи, контроля, которые осуществляются с целью устранения и нейтрализации конкретных причин и условий, что способствуют совершению преступления, с помощью мер воздействия, которые не имеют характера наказания»⁴ и др. Общей чертой всех приведенных дефиниций является то, что индивидуальная профилактика представляется работой уполномоченных органов с «индивидами», то есть отдельными, конкретными людьми, носителями неповторимых особенностей личности, которые сформировались в результате обстоятельств их развития, жизнедеятельности и воспитания. Индивидуальную профилактику стоит проводить тогда, когда известные цели и намерения правонарушителя понятны, а мотивы оценены.

Индивидуальная профилактика преступлений реализуется в двух формах – непосредственной и ранней. Г.А. Аванесов по этому поводу отмечал: «возникает необходимость осуществления не только непосредственной профилактики (когда в качестве объекта профилактического влияния выступает лицо, которое находится, условно говоря, в состоянии, приближенном к совершению преступления), но и ранней профилактики (здесь объектом влияния является личность, которая характеризуется негативно, находится, однако, на стадии, условно говоря, еще отдаленной от совершения преступления)»⁵. Ю.М. Антонян также выделяет раннюю профилактику, задание которой – не допустить формирования мотивов возможного преступного поведения, и непосредственную профилактику, имеющую целью выявление мотивов преступного поведения и проведение мероприятий относительно их устранения⁶. Основными критериями разграничения ранней и непосредственной профилактики являются, во-первых, время, которое отделяет лицо от момента возможного совершения пре-

ступления, а во-вторых, мера социальной испорченности лица. Индивидуально-профилактическое влияние должно быть направлено не только, а иногда даже не столько на личность саму по себе, сколько на личность в ее взаимосвязях с социальной средой, ближайшим окружением. Сигналом к началу реализации ранних профилактических мер, направленных на предупреждение уклонения от отбывания наказания, может стать антиобщественный поступок лица, нарушение им правил общежития, а также негативное влияние на него со стороны другого человека или группы лиц, ближайшего социального окружения, искажающее ценностно-нормативную ориентацию личности.

Индивидуальная психопрофилактическая работа должна быть направлена на два самостоятельных, но взаимосвязанных между собой объекта:

- криминогенную среду конкретного лица;
- лицо с девиантным (с признаками отклонения) поведением.

При этом влияние на лицо имеет целью решение двух задач, а именно:

- структурно-содержательную перестройку мотивационной сферы (стратегическое задание);
- коррекцию конкретной мотивации субъекта в характерной для него криминогенной ситуации (тактическое задание).

Соответствующие мероприятия необходимо осуществлять одновременно как на общесоциальном, так и на специально-криминологическом уровнях. Индивидуальная профилактика преступного поведения должна включать последовательное устранение объективных негативных явлений социально-экономического, идеологического, социально-психологического характера; искоренение негативных обстоятельств в организации жизни, деятельности, быту и досуге конкретных людей; неуклонную реализацию принципа неотвратимости ответственности лица за свое поведение; устранение криминогенных факторов, способствующих мотивации того или другого вида преступного поведения.

Компонентами предмета индивидуальной криминологической профилактики являются:

- поведение и образ жизни осужденного, указывающие на большую вероятность совершения им преступлений в будущем;
- специфические социально-правовые, криминологические и моральные признаки

личности, которые могут свидетельствовать о ее антисоциальной направленности;

– криминогенно значимые во время формирования и реализации противоправного поведения определенные индивидуальные психофизиологические свойства и особенности конкретных лиц;

– неблагоприятные с точки зрения поддержания законопослушного поведения условия жизни, быта, микросоциальная среда и взаимоотношения;

– другие длительные или краткосрочные, но значимые факторы и обстоятельства, своим возникновением стимулирующие криминогенную ситуацию и побуждающие к совершению преступления.

Необходимо отметить, что для достижения цели специальной превенции уклонения от отбывания наказания целесообразно уделять внимание изучению мотивационной сферы поведения осужденных, которым уже вынесено предостережение в виде письменного предупреждения. Это обеспечит возможность выявления и объяснения причин поступков, выработки механизмов формирования правопослушного поведения.

Интегрируя существующие на сегодня в юридической науке подходы применительно к предмету нашего исследования, следует отметить, что для сведения к минимуму вероятности уклонения осужденных от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, и наиболее эффективного достижения цели специальной превенции при проведении с ними социально-психологической работы необходима реализация следующих видов влияния и воздействия:

1) влияния, направленного на социально-нравственную перестройку личности, что приведет к устранению личностных дефектов, толкающих на совершение преступления;

2) ресоциализующего воздействия, которое обеспечивает выработку установок и паттернов просоциального поведения;

3) реабилитационных мероприятий, призванных уменьшить негативное влияние изоляции от общества и обеспечить оптимальное вхождение лица в социум (касательно осужденных, которым наказание, не связанное с лишением свободы, назначено в порядке замены наказания более мягким видом)⁷.

Проводя социально-психологическую работу с осужденными, следует отдавать приоритет таким направлениям, как социально-психологическая диагностика,

разработка социально-психологического паспорта осужденного, выявление группы риска; психопрогнозирование поведения осужденного в течение срока отбывания наказания, составление индивидуальных программ работы с осужденными; социальная помощь и поддержка усилий самих осужденных по решению собственных проблем; укрепление позитивных связей с семьей⁸.

Таким образом, мы видим, что лишь точная ориентация в психологии личности осужденных помогает определить оптимальный путь их позитивного изменения, избрать модели психологического влияния, обеспечить дифференцированный и индивидуальный подходы.

Тщательное изучение разных категорий личности осужденных должно завершаться складыванием объективных психологических характеристик на каждого осужденного, разработкой общих и индивидуальных программ коррекции их поведения.

Необходимыми начальными условиями предоставления психологической помощи осужденным являются: его добровольное согласие на получение помощи; активное, исследовательское и творческое отношение человека к себе и осознание своей проблемы; доверительное отношение к лицу, которое работает с ним. Все это возможно лишь при обеспечении психологической безопасности и личностного комфорта. Работнику уголовно-исполнительной инспекции необходимо создать такие обстоятельства сотрудничества с осужденным, при которых тот сможет найти новые способы действия, другие переживания и мысли, цели для дальнейшей жизни.

Учитывая изложенное, для социально-психологической работы с осужденными с целью изменения их самооценки и мировоззрения, что необходимо как для самой личности, так и для общества в целом, следует рассмотреть вопрос о введении в штат уголовно-исполнительных инспекций должности специалиста-психолога.

Рассмотрение общесоциальных, социально-криминологических и индивидуально-профилактических мероприятий, направленных на предотвращение уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, привело нас к выводу о целесообразности дополнения законодателем Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 24.10.2003 г. № 7 «О практике назначения судами криминального наказания»⁹ пунктом такого содержания: «На-

значая наказание за преступления против правосудия, в частности и предусмотренные статьей 389 Уголовного кодекса Украины, судам следует учитывать, проводились ли

мероприятия общесоциального, специально-криминологического и индивидуального предотвращения и как на них реагировали виновные».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Денисова Т. Основные тенденции деятельности государства в сфере применения уголовных наказаний // Весник Львовского университета. Серия юрид. 2010. Вып. 50. С. 260–267.

² Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн. Минск, 1986. С. 121.

³ Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977. С. 43.

⁴ Закалюк А.П. Курс современной украинской криминологии: теория и практика: В 3 кн. Киев, 2007. Кн. 1: Теоретические основы и история украинской криминологической науки. С. 63–64.

⁵ Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984.

⁶ См.: Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество: Моногр. М., 2011.

⁷ См.: Ковач Д. Проблемы психической регуляции поведения: методология, теория, эксперимент // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 84.

⁸ См.: Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М., 1998. С. 158.

⁹ См.: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v0007700-03>

¹ Sm.: Denisova T. Osnovnye tendencii dejatel'nosti gosudarstva v sfere primeneniya ugovolnyh nakazanij // Vesnik L'vovskogo universiteta. Serija jurid. 2010. Vyp. 50. S. 260–267.

² Bluvshstejn Ju.D., Zyrin M.I., Romanov V.V. Profilaktika prestuplenij / Ju.D. Bluvshstejn. Minsk, 1986. S. 121.

³ Igoshev K.E., Ustinov V.S. Vvedenie v kurs profilaktiki pravonarushenij. Gor'kij, 1977. S. 43.

⁴ Zakaljuk A.P. Kurs sovremennoj ukrainskoj kriminologii: teorija i praktika: V 3 kn. Kiev, 2007. Kn. 1: Teoreticheskie osnovy i istorija ukrainskoj kriminologicheskoy nauki. S. 63–64.

⁵ Avanesov G.A. Kriminologija. M., 1984.

⁶ Sm.: Antonjan Ju.M. Nasilie. Chelovek. Obshhestvo: Monogr. M., 2011.

⁷ Sm.: Kovach D. Problemy psihicheskoy reguljicii povedenija: metodologija, teorija, jeksperiment // Psihologicheskij zhurnal. 1981. T. 2. № 1. S. 84.

⁸ Sm.: Chufarovskij Ju.V. Juridicheskaja psihologija. M., 1998. S. 158.

⁹ Sm.: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v0007700-03>

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационный элемент реализации свободы совести и свободы вероисповедания как составляющая организации воспитательной работы с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы

А.М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

Статья 14 УИК РФ гарантирует свободу совести и свободу вероисповедания осужденных на основе добровольности и при условии соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказание, и прав других лиц. Норма четко устанавливает, что осужденные «вправе исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними». Тем самым, текст ст. 28 Конституции Российской Федерации («каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право... свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними») оказывается подкорректирован: слова «иные убеждения» в УИК РФ отсутствуют.

Наше понимание свободы совести исходит из рассмотрения совести как ориентира самоопределения подростка, в том числе при принятии им решения на основе собственных убеждений, которые складываются из полученной прежде информации. Иными словами, несовершеннолетний осужденный реализует свободу совести и свободу вероисповедания как физическое лицо – получатель информации, выступающее в качестве субъекта правоотношений и использующее эту информацию для формирования собственных убеждений, принятия на их основе решений. Таким образом, свобода совести – право подростка на самостоятельное принятие жизнеопределяющих решений на основе имеющейся информации.

Жизнедеятельность любого человека – это непрерывная цепочка принятия деловых и личных решений и их реализации. В основе решений лежит информация¹. Поскольку зачастую решения людьми принимаются в состоянии разной степени неопределенности, задача норм права – максимально снизить уровень последней посредством обеспечения со стороны государства (ст. 28 Конституции РФ, ст. 3 и 4 Федерального закона «О свободе совести и религиозных организациях» и п. 1 ст. 14 УИК РФ) гарантий предоставления субъекту полной и объективной информации для ее использования при принятии решения.

По нашему мнению, под гарантиями реализации права на свободу совести должна пониматься прежде всего защита субъекта правоприменения от нарушений свободы совести. Нарушениями свободы совести являются любое сознательное введение в заблуждение (обман), укрывательство или иное искажение информации (в том числе и различные манипуляции) или сознательное ее замалчивание (если только оно не вызвано интересами государственной безопасности или сохранением тайны личной жизни третьих лиц), поскольку перечисленные действия препятствуют свободному принятию субъектом жизнеопределяющего решения или напрямую способствуют принятию им ошибочного решения.

Субъектом, предоставляющим информацию для реализации гражданином свободы совести, являются учреждения и организации, оказывающие различные услуги: образовательные учреждения (в том числе консалтинговые компании и т.д.), со-

циальные службы, иные государственные, муниципальные и, в особенности, частные структуры (в обязательном порядке средства массовой информации и рекламные агентства), имеющие публичный характер. Информация должна быть представлена в очевидной форме при помощи разъяснения и со ссылками на соответствующие нормативные источники, научные обоснования и исследования. В случае отсутствия необходимых доказательств потребитель информации должен быть осведомлен об этом до принятия им решения.

Что касается свободы вероисповедания, то здесь нужно внести некоторые уточнения. Нарушением свободы вероисповедания является любое введение в заблуждение (обман), укрывательство или иное искажение информации (в том числе различные манипуляции) о деятельности конфессиональной организации или содержании ее вероучения, сознательное замалчивание этой информации (если оно не связано с тайной личной жизни третьих лиц), поскольку перечисленные действия препятствует принятию субъектом жизнеопределяющего решения о выборе убеждений и следовании им в процессе жизнедеятельности или напрямую способствуют принятию субъектом ошибочного решения.

Реализация свободы вероисповедания, в отличие от реализации свободы совести, основывается на информации, предоставляемой организацией, принадлежащей к той или иной конфессии². Полнота и объективность такого рода сведений может приниматься только на веру, поскольку конфессии, как правило, в небольшой степени оперируют реальными обстоятельствами: в основе предоставляемой ими информации лежат главным образом метафизические категории. Принятие субъектом решения полностью основывается на доверии к организации, предоставляющей информацию, и к самой информации. Необходимо заметить, что в сфере реализации гражданином свободы вероисповедания государство не может гарантировать полноту и достоверность предоставляемой информации, тем не менее в целом оно должно регулировать соответствующие вопросы в части, касающейся государственной безопасности, жизни, здоровья и личной безопасности граждан.

В настоящее время мы постоянно сталкиваемся с беспринципным искажением информации, ее укрывательством, сознательным замалчиванием или с прямым введением в заблуждение (обманом). Субъек-

тами такого рода деятельности зачастую выступают средства массовой информации (телевизионные программы, Интернет, радиопередачи, журналы, книги, компьютерные программы и т.д.), а также деструктивные организации, иные организации, спекулирующие на неосведомленности граждан в правовых, экономических, психологических (духовных) и иных социальных вопросах. Иногда субъектами, искажающими информацию, становятся как раз те организации, которые призваны быть гарантами ее истинности.

Опасность искажения информации состоит в следующем. Сформированные на основе искаженной информации убеждения могут стать основой для принятия неверных решений. В конкретной ситуации субъект полагает, что действует правильно, вернее, принимая решение, он исходит из тех убеждений, которые считает верными, правильными, соответствующими той информации, которая была преподнесена ему как правильная. Но ввиду того, что эта ранее преподнесенная информация была в значительной степени искажена, принятое решение оказывается неверным, ошибочным, способным привести к негативным последствиям, таким как, например, нарушение прав других людей, нарушение норм закона, преступление.

При этом субъект принятия решения, в нашем случае уже правонарушитель, не воспринимает свои действия как ошибочные, как нарушение норм общества, поскольку считает, что действовал в соответствии со своими убеждениями, которые были сформированы с учетом полученной из того же общества информации. И если такая информация им все же была воспринята и при этом никаким образом не была ограничена государством (например, не было сделано предупреждения, разъяснения о возможных вредных последствиях) или иным образом ее истинное содержание и значение не было раскрыто, субъект логично посчитал ее верной, правильной, поскольку позиция современной системы права гласит: разрешено все, что не запрещено законом.

Именно раскрытие истинного содержания и значения той информации, которая сформировала искаженные убеждения лиц, преступивших закон, является одной из основных задач воспитательной работы с осужденными. Главенствующую роль в реализации соответствующего направления призван сыграть метод разъяснения, а не убеждения, который в Концепции воспита-

тельной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы поставлен на первое место в ряду методов воспитания при осуществлении комплексного подхода к организации и проведению воспитательной работы.

Убеждение – это готовый, сформировавшийся продукт, творчество ума и сознания, из которого впоследствии будет произрастать поведение. Сырьем же для него как раз и является информация. Поэтому для того, чтобы скорректировать убеждения правонарушителя, необходимо предоставить ему полные³ и достоверные сведения, раскрывающие истинное содержание и значение той информации, на которой основываются его взгляды. Обесценив прежнюю искаженную информацию, необходимо предоставить альтернативную правильную, разобранную до очевидности, при необходимости научно подтвержденную, для чего ее необходимо, во-первых, иметь. В последующем следует помочь конкретному осужденному адаптировать правильную информацию непосредственно к самому себе при поддержке сотрудников, а также с учетом психологических и физиологических особенностей содействовать выработке на ее основе новых правильных убеждений («иных убеждений»). Именно это должно стать одной из основных задач реализации индивидуального подхода в воспитательной работе с осужденными, а также иметь место при организации воспитательной работы с осужденными по разным направлениям: нравственному, правовому, трудовому, физическому, этическому, половому и т.д.

В случае отсутствия правильной информации, которую можно было бы признать полноценной альтернативой прежней искаженной, возможны два пути дальнейшего развития личности правонарушителя. Первый – укоренение прежних убеждений в сознании (превращение в так называемого закоренелого преступника). Информация, формируя убеждения, определяет и знание. Человек действует так, как он знает, что очевидно. Синоним слова «знание» – «ведение»⁴, однокоренное со словом «поведение». Иначе говоря, последнее определяется все той же информацией.

Второй путь – разрушение жизненных позиций (пусть и преступных), отчаяние и, как результат этого, разного рода расстройства личности, потеря смысла жизни. Все это может иметь место, поскольку вскрытие ложности имеющегося у несовершеннолетнего осужденного знания и подрыв соответству-

ющих убеждений (устоев, опыта) ведет к дезорганизации поведения.

Таким образом, в инструментарии сотрудников отделов и служб, непосредственно принимающих участие в организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, должны быть источники информации и сама информация, истинность которых обусловлена их научностью, прозрачностью, очевидностью, а также готовые алгоритмы поведения, вытекающие из них. Для этого при организации воспитательной работы необходимо обеспечить взаимодействие между воспитательным отделом, психологической лабораторией и группой социальной защиты в форме тренингов социально полезного поведения. При этом необходимо иметь в виду, что последние окажутся неэффективными при наличии у несовершеннолетнего осужденного старых убеждений, которыми он по-прежнему будет руководствоваться в реальной ситуации.

Методы предоставления правильной информации должны быть как минимум соразмерны тем методам, посредством которых ранее была внедрена в сознание несовершеннолетних осужденных искаженная информация: следует использовать систему образов, сопровождать сообщение комментариями ученых и специалистов, независимых экспертов, что повысит доказательность и убедительность предоставляемых сведений, а главное, вернет доверие, утраченное вследствие осознания осужденным ошибочности доверительного отношения к субъектам, предоставившим искаженную информацию.

Религиозные организации обладают такой информацией, которая может заменить искаженную. Она представляет собой готовый алгоритм поведения, систему знаний и, что наиболее важно, насыщена смыслом, то есть определяет смысл жизни и раскрывает методы и средства его достижения. К этому необходимо добавить, что само содержание предлагаемого смысла жизни, путей его достижения (поведение) зачастую направляет выбор субъекта, принимающего решение о восприятии убеждений той или иной конфессии.

В соответствии со ст. 14 УИК РФ и в целях эффективной организации воспитательной работы сотрудникам пенитенциарных учреждений необходимо критично подходить к исследованию того учения, которое исповедуют конфессиональные организации (особенно недавно появившиеся в Российской

Федерации). Это позволит предотвратить возможные негативные последствия, связанные с исповеданием учений различных деструктивных организаций, которые могут выступать в качестве легальных религиозных объединений или прикрываться ими или, что еще опаснее, в качестве культурно-просветительских, научных объединений. Поэтому представляется целесообразным перед началом взаимодействия с общественной или религиозной организацией согласовать этот вопрос с органами прокуратуры или ФСБ, обладающими достаточно полной информацией о ее деятельности.

Свобода совести и свобода вероисповедания – разнородные, но взаимосвязанные понятия. Общее в их сущности с точки зрения информационного аспекта – предоставление информации подростку как субъекту, принимающему решения. Различие же состоит в содержании предоставляемой информации и степени доверия к ней. Степень доверия к субъекту, предоставляющему информацию, и к самой этой информации со стороны подростка определяет степень ответственности последнего за принимаемое им решение. Степень ответственности в свою очередь определяет степень свободы в принятии информации, ее использовании или распространении.

Отсутствие термина «иные убеждения» в ст. 14 УИК РФ ограничивает реализацию свободы совести и априори предполагает два возможных результата отбывания несовершеннолетним осужденным наказания в местах лишения свободы: или он примет религиозные убеждения, или останется при своих прежних искаженных убеждениях. Первый вариант, разумеется, наилучший, однако уровень духовно-нравственного развития большинства несовершеннолетних осужденных недостаточен, чтобы за период отбывания наказания постигнуть высшие метафизические категории, пусть даже и на бытовом уровне – слишком много ошибочных убеждений препятствует этому. Иными словами, несовершеннолетнему осужденному не удастся перепрыгнуть пропасть в два прыжка. В связи с этим обнаруживается необходимость промежуточного этапа в достижении цели исправления воспитанника: выявление его убеждений (так называемых принципов жизни, понятий), совместный поиск искаженной информации, разъяснение ему сущности и значения искажения информации⁵, породившей эти убеждения, а также совместный поиск вариантов формирования новых убеждений. Для этого желательно

к реализации групповых и массовых форм воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными привлекать специалистов из актуальных областей исследований (медицинских работников, сотрудников научно-исследовательских институтов и т.д.), а также использовать весь накопленный к настоящему времени научно-исследовательский потенциал.

Убеждения несовершеннолетних осужденных зачастую носят поверхностный характер. Об этом свидетельствует тот факт, что высокая степень доверия к субъектам, предоставляющим информацию, и к самой предоставляемой информации у подростков сочетается с низким уровнем чувства ответственности, что выражается в форме самооправдания: «не я такой – жизнь такая». То есть как субъекты, готовые принять жизнеопределяющее решение, несовершеннолетние несостоятельны, так как «в этом возрасте еще нет надлежащей зрелости суждения ввиду душевных и телесных особенностей отрочества»⁶.

Как бы то ни было, решение нарушить закон несовершеннолетними осужденными было принято. Как правило, противоправные деяния подростки совершают под воздействием алкоголя, наркотиков, других одурманивающих веществ (или с целью их приобретения), а также в состоянии сильного душевного волнения (аффекта). Возможно совершение преступлений под руководством взрослых преступников, в отношении которых несовершеннолетние либо выражают высокую степень доверия, либо испытывают страх (мотивация посредством угрозы физической расправы). В последнем случае подросток не доверяет больше никому (с точки зрения возможной последующей защиты от реализации угроз), даже сотрудникам правоохранительных органов. Иными словами, при подавленной критике сознания (без рассуждения) несовершеннолетние преступники выполняют алгоритм, который является содержанием той информации, к которой (или к субъектам ее предоставившим) они испытывали высшую степень доверия. Подростки наиболее полно воспринимают такую информацию как руководство к действию, как убеждение, не имея других, правильных алгоритмов.

При попадании несовершеннолетнего в места лишения свободы уровень доверия осужденных к взрослым (особенно к сотрудникам, как к врагам, что является одним из результатов искажения информации) резко снижается, единственной действенной

мотивацией остается угроза физической расправы со стороны сверстников или в последующем со стороны осужденных в исправительном учреждении, куда возможно будет направлен подросток по достижении им совершеннолетия. Поэтому одной из основных задач, стоящих перед сотрудниками воспитательных колоний, является возвращение доверия подростков, обеспечение их избирательности в выборе субъектов, предоставляющих информацию, и критичного отношения к самой предоставляемой информации, помощь в определении приоритетов личного выбора, разъяснение содержания ответственности за принимаемые решения в условиях наличия нескольких возможных вариантов поведения.

Что касается реализации несовершеннолетними осужденными свободы вероис-

поведания, то уровень доверия к священнослужителям со стороны воспитанников достаточно высок. Единственным барьером к восприятию религиозных убеждений является низкий уровень понимания подростками абстрактных и метафизических категорий, даже преподнесенных сквозь призму повседневной жизни, то есть всего того, что может быть объяснено только с позиции веры.

Таким образом, раскрыв сущность информационного аспекта реализации свободы совести и свободы вероисповедания, можно сделать вывод, что он является ключевой составляющей повышения эффективности организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, а также предотвращения совершения ими рецидива.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Еляков А.Д. Информационная свобода человека // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3. С. 126.

² Речь идет о религиозных организациях и группах, их руководящих либо координирующих органах, конфессиональных учреждениях и организациях, обеспечивающих богослужебно-культовую практику, а также осуществляющих различные виды социально-гуманитарной, образовательной, просветительской, информационной и иной законной деятельности (см.: Еляков А.Д. Информационная свобода человека. С. 126).

³ Например, информация на пачках сигарет о вреде курения является неполной, то есть отсутствует полное разъяснение вреда и последствий табакокурения. Равно как и маркировка возрастных ограничений на телеэкране во время демонстрации информационной продукции, регламентированная Федеральным законом Российской Федерации от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», не раскрывает сущности причиняемого «вреда здоровью и (или) развитию детей». Необходимое разъяснение, например, можно представить в средствах массовой информации в виде телевизионной программы, вышедшей в эфир в наиболее удобное для зрителей время (не в ночное или рабочее, что является сознательным ее укрывательством).

⁴ Введать – знать, иметь сведения о чем-то (см.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. 1: А–З. С. 329).

⁵ Для этого в СССР осуществлялась политическая подготовка, в том числе и в отношении осужденных.

⁶ Цит. по: Синельников С.П. Вопрос о возрасте религиозного самоопределения учащихся в нормативных актах Временного и советского правительств, в определениях Священного собора Православной российской церкви (1917–1918 гг.) // История государства и права. 2011. № 2. С. 14.

¹ См.: Eljakov A.D. Informacionnaja svoboda cheloveka // Social'no-gumanitarnye znanija. 2005. № 3. S. 126.

² Rech' idet o religioznyh organizacijah i gruppah, ih rukovodjashhijh libo koordinirujushhijh organah, konfessional'nyh uchrezhdenijah i organizacijah, obespechivajushhijh bogoslužebno-kul'tovuju praktiku, a takzhe osushhestvljajushhijh razlichnye vidy social'no-gumanitarnoj, obrazovatel'noj, prosvetitel'noj, informacionnoj i inoj zakonnoj dejatel'nosti (sm.: Eljakov A.D. Informacionnaja svoboda cheloveka. S. 126).

³ Naprimer, informacija na pachkah sigaret o vrede kurenija javljaetsja nepolnoj, to est' otsutstvuet polnoe raz#jasnenie vreda i posledstvij tabakokurenija. Ravno kak i markirovka vozrastnyh ogranichenij na telejekrane vo vremja demonstracii informacionnoj produkcii, reglamentirovannaja Federal'nym zakonom Rossijskoj Federacii ot 29.12.2010 g. № 436-FZ «O zashhite detej ot informacii, prichinjajushhej vred ih zdorov'ju i razvitiju», ne raskryvaet sushhnosti prichinjaemogo «vreda zdorov'ju i (ili) razvitiju detej». Neobhodimoe raz#jasnenie, naprimer, možno predstavit' v sredstvah massovoj informacii v vide televizionnoj programmy, vyshedshej v jefir v naibolee udobnoe dlja zritelej vremja (ne v nochnoe ili rabochee, chto javljaetsja soznatel'nym ee ukryvatel'stvom).

⁴ Vedat' – znat', imet' svedenija o chem-to (sm.: Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka: V 4 t. SPb., 1996. T. 1: A–Z. S. 329).

⁵ Dlja jetogo v SSSR osushhestvljalas' politicheskaja podgotovka, v tom chisle i v otnoshenii osuzhdennyh.

⁶ Cit. po: Sinel'nikov S.P. Vopros o vozraste religioznogo samoopredelenija uchashhijhsja v normativnyh aktah Vremennogo i sovetskogo pravitel'stv, v opredelenijah Svjashhennogo sobora Pravoslavnoj rossijskoj cerkvi (1917–1918 gg.) // Istorija gosudarstva i prava. 2011. № 2. S. 14.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на методические рекомендации «Кадровое планирование в учреждениях уголовно-исполнительной системы», разработанные кандидатом юридических наук, доцентом П.В. Голодовым и кандидатом экономических наук, доцентом А.А. Малковой

С.В. ПЕРОВ – старший инспектор отдела организации высшего профессионального образования управления кадров ФСИН России, кандидат юридических наук

Представленные методические рекомендации «Кадровое планирование в учреждениях уголовно-исполнительной системы» по своему содержанию отражают современные подходы к организации кадрового обеспечения деятельности учреждений, исполняющих уголовные наказания. Авторы довольно успешно реализовали системный подход, раскрыв содержание и взаимосвязь ключевых направлений планирования кадровой работы. При этом основное внимание сконцентрировано на выявлении проблем, встречающихся в практической деятельности учреждений УИС, а также определении способов их решения.

Актуальным и рациональным является применение указанных рекомендаций руководителями кадровых подразделений учреждений УИС. Кроме того, использование методических рекомендаций в учебном процессе в образовательных учреждениях ФСИН России при подготовке курсантов по направлению подготовки «Управление персоналом» и другим специальностям и направлениям подготовки позволит сформировать у них представление о современных подходах к кадровому планированию в учреждениях УИС.

К достоинствам работы следует относить формирование материала на основе трех составляющих:

- теоретического обоснования, то есть характеристики сущности, свойств и технологии кадрового планирования по отдельным направлениям кадровой работы;

- аналитического раздела, в котором сформулированы проблемы, встречающиеся в практике кадрового планирования в учреждениях УИС;

- конструктивного раздела, включающего основные методологические принципы и рекомендации, которые необходимо учитывать при планировании различных направлений кадровой работы.

Соединение этих трех составляющих позволило авторам создать целостное представление о теоретических и практических аспектах кадрового планирования, что повышает научно-практическую значимость методических рекомендаций.

Методические рекомендации «Кадровое планирование в учреждениях уголовно-исполнительной системы» могут быть рекомендованы к изданию и использованию в учебном процессе курсантами, обучающимися по направлению подготовки 080400 – Управление персоналом.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Традиции и инновации в правовой подготовке сотрудников УИС в России и за рубежом (в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.): Сборник материалов международного научно-практического семинара (г. Вологда, 28 апреля 2011 г.) / Под ред канд. юрид. наук, доцента С.В. Косоноговой, канд. юрид. наук, доцента Н.Н. Кириловской. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 160 с.

В сборнике материалов семинара, организованного кафедрами административно-правовых дисциплин и государственно-правовых дисциплин, освещаются проблемы, связанные с правовым и организационным регулированием правовой подготовки сотрудников ФСИН России в свете реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., а также содержатся предложения по совершенствованию профессионального образования должностных лиц органов и учреждений, исполняющих наказания.

Материалы могут быть полезны для сотрудников органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, адъюнктов, курсантов и слушателей ведомственных вузов.

Андропова М.М., Титов Д.В. Теплотехника: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 190 с. – ISBN 978-5-94991-223-2.

Данное учебное пособие содержит теорию о видах теплообмена, информацию о способах расчета термодинамических процессов, конструктивных особенностях теплотехнических устройств и их применении в производстве пиломатериалов. В нем также обозначены проблемы экологии и способы ресурсосбережения в деревообрабатывающем производстве.

Пособие может быть использовано при проведении теплотехнических экспериментов. Предназначено для обучающихся по направлениям 250300 – «Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств», 250400 – «Технология лесозаготовительных и деревоперерабатывающих производств», может быть полезно для изучающих техническую термодинамику и теплотехнику.

Колесникова З.А. Психологическое сопровождение лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы: Учебное пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 308 с. – ISBN 978-5-94991-225-6.

В пособии изложены теоретические и методические основы психодиагностической, консультативной, просветительской и психокоррекционной работы в рамках психологического сопровождения лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Рассмотрены особенности организации и проведения индивидуальной и групповой психокоррекционной работы в условиях деятельности уголовно-исполнительной инспекции. Освещены вопросы оказания консультативной и психокоррекционной помощи несовершеннолетним осужденным и осужденным молодежного возраста.

Предназначено для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России, а также практических психологов и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Международное право: Учебно-практическое пособие / Авт.-сост. Н.Н. Кириловская. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 111 с. – ISBN 978-5-94991-227-0.

В основу учебно-практического пособия положен курс лекций, прочитанный автором на юридическом факультете ВИПЭ ФСИН России. В работе раскрываются основные понятия, принципы, институты и отрасли системы международного права в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта по специальности «Юриспруденция», также включен специальный раздел тестовых заданий по всем дидактическим единицам по курсу «Международное право».

Пособие рекомендовано курсантам образовательных учреждений ФСИН России, а также студентам, слушателям других вузов для изучения международного права и подготовки к интернет-экзамену.

Углицких Д.В., Кондратовская С.Н., Рожнев М.С. Экономическая безопасность на объектах уголовно-исполнительной системы: правовые и организационные вопросы: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 41 с. – ISBN 978-5-94991-224-9.

В практических рекомендациях рассматриваются вопросы обеспечения экономической безопасности, раскрываются конкретные меры воздействия в части, касающейся недопущения совершения правонарушений и преступлений в данной сфере.

Предназначены для сотрудников уголовно-исполнительной системы, могут быть использованы в учебном процессе образовательных учреждений ФСИН России.

Коновалова Н.А., Матвеева О.С. Организация и осуществление непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей (в том числе в процессе осуществления ювенального правосудия): Практические рекомендации для специалистов по социальной работе в УИС. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 81 с. – ISBN 978-5-94991-226-3.

Материал представляет собой обзор отечественного опыта реализации идей ювенального правосудия, а также описание общих закономерностей и принципов организации непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних, имеющих проблемы с законом.

Содержание рекомендаций составляет описание алгоритма осуществления социального сопровождения несовершеннолетнего и его ближайшего окружения, в приложения включены инструменты и специ-

фическая документация, необходимые для обеспечения реализации всех процедур сопровождения вне зависимости от типа и ведомственной принадлежности учреждения, проводящего работу с несовершеннолетним правонарушителем.

Издание предназначено для использования в практике социальной работы, а также при подготовке научно-педагогических кадров и сотрудников ИУ, работающих с несовершеннолетними, имеющими проблемы с законом.

Приемы наружного осмотра и связывания: Практические рекомендации для сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы / А.В. Садов, Г.А. Ушаков, А.В. Мельников, С.С. Сорин. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 15 с.

В издании рассмотрены особенности техники выполнения приемов обыска и связывания.

Помимо использования в ходе организации служебной подготовки сотрудников УИС практические рекомендации могут быть востребованы в учебном процессе ведомственных вузов ФСИН России.

Корчагов С.А., Стребков Н.Н., Андропова М.М. Качественная оценка древесины в древостоях различного происхождения: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 25 с.

Практические рекомендации предназначены для сотрудников УИС, а также курсантов, обучающихся по направлению 250300 – Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств.

Храброва Е.В. Методические рекомендации для социальных педагогов и психологов по сопровождению несовершеннолетних, испытывающих трудности в адаптационном периоде и оставленных в карантинном отделении на срок до 3 месяцев: Методические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2012. – 33 с. – ISBN 978-5-94991-222-5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов А.Г., заместитель начальника Кузбасского института ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: antonovanton1@mail.ru

Бабаян С.Л., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, докторант Академии управления МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: bs109@mail.ru

Бандоля Л.Г., преподаватель цикла общеправовых дисциплин Черниговского юридического колледжа Государственной пенитенциарной службы Украины. E-mail: brizolka2008@ukr.net

Евсичева Л.Л., преподаватель кафедры уголовного-исполнительного права и организации воспита-

тельной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: grachevaluda2012@yandex.ru

Зубарев В.Л., инспектор отдела безопасности ИК-4 УФСИН России по Вологодской области. E-mail: xydognikAM@yandex.ru

Зубова А.О., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: zubovaalya@mail.ru

Кевля Ф.И., профессор кафедры педагогики Вологодского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: fkevylya@mail.ru

Кинёв А.Ю., начальник Управления по борьбе с картелями Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, кандидат юридических наук, докторант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: kinev@rambler.ru

Кругликов Л.Л., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Кузьминых А.Л., доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: istorial@mail.ru

Лапшин В.Ф., начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Машинская Н.В., заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Мелешко Н.Б., аспирантка кафедры истории и археологии славян Института исторического образования Национального педагогического университета им. Н.П. Драгоманова (г. Киев, Украина). E-mail: max1305@i.ua

Мисюрев А.С., преподаватель кафедры организации охраны и конвоирования в УИС Пермского института ФСИН России, аспирант Соликамского государственного педагогического института. E-mail: andrei_misyurev@mail.ru

Морозова Н.О., курсант 5 курса психологического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: tusya-morozova@yandex.ru

Огрохина Е.А., доцент кафедры русского и иностранных языков ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: ogrochina@mail.ru

Паканич С.И., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sergeipakanich@mail.ru

Перфильев А.М., ректор Вологодского института бизнеса, кандидат технических наук. E-mail: amper_neo@mail.ru

Потапов А.М., начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: potapov_35@list.ru

Ракитская О.Н., доцент кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: rakitskaya_oxana@list.ru

Рудаков А.М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: boos.rud@list.ru

Саунина Г.Н., преподаватель кафедры физической культуры ВИПЭ ФСИН России. E-mail: saunina.galina@yandex.ru

Симаков М.В., соискатель кафедры административного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). E-mail: snyoma@mail.ru

Соколов М.А., аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: max-15@yandex.ru

Чирков А.М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук. E-mail: xydognikAM@yandex.ru

Шичков А.Н., заведующий кафедрой управления инновациями и организации производства Вологодского государственного технического университета, доктор технических наук, доктор экономических наук. E-mail: shichkov@vologda.ru

Шмид М., руководитель службы пробации Канта Золотурн (Швейцария). E-mail: ogrochina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Antonov A.G., PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head for Science of the Federal State Institution of Higher Professional Education «Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia». E-mail: antonovanton1@mail.ru

Babayan S.L., PhD in Law, Deputy Chief of the Laboratory in the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Postgraduate of the Academy of Management of the Ministry of Interior Russia. E-mail: bsl09@mail.ru

Bandolya L.G., Lecturer of the series of Legal disciplines in Chernigiv Law College of the State Penal Service of Ukraine (Postgraduate of the Chair of Ciminology and Criminal and Executive Law of the National Academy of Internal Affairs). E-mail: brizolka2008@ukr.net

Chirkov A.M., Professor of the Chair for Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor in Medicine. E-mail: xydognikAM@yandex.ru

Evsicheva L.L., Lecturer of the Chair for Penal Law and Educational Work Organization, Vologda Institute of Law and Economics of the Penal Service of Russia. E-mail: grachevaluda2012@yandex.ru

Kevlya F.I., Dr. of Education, Associate Professor, Professor of the Chair for Education of the Vologda State Pedagogical University. E-mail: fkevylya@mail.ru

Kinev A.Y., PhD in Law, Head of the Department for Cartel Management of the Federal Antimonopoly Service of Russia, Postgraduate of the Moscow State O.E. Kutafin Academy (MSLA). E-mail: kinev@rambler.ru

Kruglikov L.L., Head of the Chair for Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State P.G. Demidov University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Kuzminykh A.L., Associate Professor of the Chair for Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. History, Postgraduate of the Chair for Domestic Russian History in the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University. E-mail: istorial@mail.ru

Lapshin V.F., Head of the Chair for Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Mashinskaya N.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of the Chair for Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University. E-mail: n.mashinskaya@narfu.ru

Meleshko N.B., Postgraduate of the Chair for Slavs History and Archaeology of the Institute of History Education of the National Pedagogical N.P. Dragomanov University (Kiev, Ukraine). E-mail: max1305@i.ua

Misyuryov A.S., Lecturer of the Chair for Guard and Convoy Organization in Penal System of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Postgraduate of the Solikamsk State Pedagogical Institute. E-mail: andrei_misyurev@mail.ru

Morozova N., Student of the 5th year of the Faculty for Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: tusya-morozova@yandex.ru

Ogrokhina E.A., PhD in Philology, Associate Professor of the Chair for Russian and Foreign Languages of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ogrochina@mail.ru

Pakanich S.I., Lecturer of the Chair for Penal Law and Organization of Educational Work Organization with convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sergeipakanich@mail.ru

Perfilyev A.M., PhD in Technical Sciences, Rector of the Vologda Business Institute. E-mail: amper_neo@mail.ru

Potapov A.M., Chief of the Chair for Penal Law and Organization of Educational Work Organization with convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Associate Professor in Law. E-mail: potapov_35@list.ru

Rakitskaya O.N., Associate Professor of the Chair for General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: rakitskaya_oxana@list.ru

Rudakov A.M., Research Associate of the Scientific-Research Laboratory of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: boos.rud@list.ru

Saunina G.N., Lecturer of the Chair for Physical Culture of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: saunina.galina@yandex.ru

Schmid Martin, Head of the Probation Service of the Canton Zolothurn (Switzerland). E-mail: ogrochina@mail.ru

Shichkov A.N., Doctor in Technical Sciences, Doctor in Economics, the Head of the department «Management of Innovations and Manufacture Organization» of the Vologda State Technical University. E-mail: shichkov@vologda.ru

Simakov M.V., Postgraduate of the Chair for Administrative Law of the Moscow State Law O.E. Kutafin University (MSLA). E-mail: snyoma@mail.ru

Sokolov M.A., Postgraduate of Academy of the General Prosecutors Office of Russia. E-mail: max-15@yandex.ru

Zubarev V.L., Inspector of the Security Department in the Correctional Facility № 4 of the Federal Penal Service of Russia in the Vologda Region, Psychologist. E-mail: xydognikAM@yandex.ru

Zubova A.O., PhD in Law, Lecturer of the Chair for Civil Law of Samara Law Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: zubovaalya@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес издателя:

160000, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 9

Телефоны:

(8172) 51-82-50

(8172) 53-60-79

(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 29.03.2013
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 4205
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России. Отпускная цена за минимальный срок подписки (6 месяцев, два номера журнала) – 560 руб. 00 коп., в том числе НДС – 10%.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.